АЗБУКА ВЕРЫ

Дмитрий Михайлович Володихин

Малюта Скуратов

Художественная литература · azbyka.ru

Малюта Скуратов – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/malyuta-skuratov

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Малюта Скуратов

Дмитрий Михайлович Володихин

От издательства

Едва ли найдется в русской средневековой истории фигура более отталкивающая и, казалось бы, менее подходящая для книжной серии «Жизнь замечательных людей», нежели Малюта Скуратов, в документах именуемый Григорием Лукьяновичем Скуратовым-Бельским. Самый известный из опричников Ивана Грозного, он и прославился-то исключительно своим палачеством да еще верностью своему государю, по единому слову которого готов был растерзать любого, на кого тот укажет. Изувер, душегуб, мучитель — ни один из этих эпитетов не кажется чрезмерным, когда речь идет о нем. Число его жертв исчисляется сотнями, хотя для того, чтобы оставить столь черный след в истории, достаточно было бы и одной — святителя Филиппа, митрополита Московского, собственноручно задушенного им в келье Тверского Отроча монастыря. Даже само его прозвище стало нарицательным, смыслообразующим. В народном сознании оно давно уже поменяло свою этимологию, и ныне в нем слышится не изначальный корень «мал», «малый» (от которого, собственно, и происходит имя «Малюта»), а совсем иной — «лютый». «Не так страшен черт, как его Малюты» — этот парафраз известной пословицы приобрел зловещее звучание отнюдь не во времена Ивана Грозного, а гораздо позднее; впрочем, «малют» хватало и в иные времена нашей истории, но вот образцом для всех них навсегда стал верный слуга грозного царя, живший в далеком от нас XVI веке.

Во всей биографии Малюты Скуратова, как представлена она в настоящей книге, есть разве что одно «светлое» пятно — его «честная» гибель, которую он принял не во время своих разбойничеств и душегубств (что, наверное, было бы логичнее), а во время военных действий, под стенами вражеской крепости. Он и похоронен был с почестями, в прославленной православной обители — Иосифо-Волоколамском монастыре. На помин души своего любимца царь делал какие-то немыслимые вклады — надо полагать, понимая, как трудно будет Малюте в загробной жизни избавиться от вечных мучений: его экстраординарные злодейства требовали столь же экстраординарных усилий монастырской братии по «отмаливанию» грешника. Но шлейф от его преступлений еще долго тянулся за ним, захватив и членов его семейства. В народном сознании именно он, Малюта, воспринимался как главный убийца, палач царского сына, царевича Ивана, в действительности убитого отцом, Иваном Грозным, в ноябре 1581 года, то есть почти через десять лет после смерти главного опричника (об этом повествуется в одном из вариантов народной «Песни о гневе Грозного царя на сына»). И это конечно же не случайность, а следствие причудливой избирательности исторической памяти. Малюта словно бы "оттягивает" на себя самые страшные злодеяния царя, олицетворяя в себе черную, страшную сторону его царствования и тем отчасти обеляя самого монарха. Похожую роль пришлось играть в русской истории и дочерям Малюты. Одной из них, Марии Григорьевне, выданной замуж за Бориса Федоровича Годунова, предстояло со временем стать даже русской царицей — но ведь и самого Бориса, и особенно его жену будут чуть ли не в открытую обвинять в смерти законных наследников Ивана Грозного — сначала малолетнего царевича Дмитрия, зарезанного (или зарезавшегося) в Угличе, а затем и умершего своей смертью царя Федора Ивановича, после чего путь к власти для Годунова окажется открытым. «…Зять Малюты, Зять палача и сам в душе палач…» — эта оценка Годунова из бессмертной трагедии Пушкина, вложенная поэтом в уста князю Василию Ивановичу Шуйскому, наверное, несправедлива, но в ней — отзвук тех чувств, которые питали к Борису многие, и не в последнюю очередь благодаря его родству с безусловным злодеем. Другая дочь Григория

Лукьяновича стала женой князя Дмитрия Ивановича Шуйского, но в русскую историю вошла как отравительница молодого воеводы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского — одного из тех немногих, с кем в годы Великой Смуты связывали надежды на возрождение страны и ее избавление от иноземных агрессоров. Вина княгини не доказана, но сама ее принадлежность к Малютиному роду в глазах современников служила веским аргументом в пользу ее виновности…

Не удивительно, что биография главного палача грозненского царствования неизменно привлекала к себе внимание писателей, художников, позднее кинематографистов. Каждая эпоха глядела на него в чем-то по-своему. В «Князе Серебряном» Алексея Константиновича Толстого Малюта не вполне тот, что изображен в советских исторических романах, — точно так же, как Малюта в исполнении Михаила Жарова в знаменитом фильме «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна не слишком похож на Малюту в исполнении Юрия Кузнецова в фильме «Царь» Павла Лунгина. Но тем интереснее уяснить себе, каким Малюта был — или, вернее сказать, мог быть — в действительности, что нам более или менее достоверно известно о нем. А именно такую возможность предоставляет читателю настоящая книга, написанная историком Дмитрием Михайловичем Володихиным на основе скрупулезного исследования всех, не слишком многочисленных, исторических свидетельств как о самом Скуратове-Бельском, так и о России его времени.

В биографии Малюты Скуратова — немалый урок для нас. Явившийся на переломном этапе нашей истории (а опричнина, как ни рассматривай ее, стала в нашей истории именно переломом — болезненным, что называется, о колено, кажется, так и не сросшимся или сросшимся уродливо, криво), он представляет собой крайнюю степень зла, которое несет в себе государственный террор в открытой, явной форме. В известной степени он — образчик, воплощение этого зла, которое, увы, еще не раз повторялось в истории страны. И в этом смысле знакомство с его биографией чрезвычайно важно и поучительно. Именно об этом нам и хотелось сказать, представляя вниманию читателя столь неожиданную книгу в старейшей биографической серии нашего издательства.

Тайный знак

Для современного образованного русского самый известный опричник — Малюта Скуратов. Или, вернее, Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта. Образ его порой затмевает в нашем сознании даже образ самого государя Ивана Васильевича. Григорий Лукьянович стал лицом опричнины для всех, кто интересуется русской стариной, но никогда специально не углублялся в историю опричных учреждений.

Для кого-то Малюта Скуратов — пугало. Кто-то пускается в рассуждения о том, что это истинный патриот и лучший образец для современного сотрудника отечественных спецслужб. А кому-то видится в его личности крупный государственный деятель. Григорию Лукьяновичу приписывается множество несуществующих добродетелей, так же, впрочем, как и множество чужих преступлений.

Сколько написано о Малюте Скуратове литературных произведений и публицистических статей! Как часто фигурирует он в исторической живописи! Сообщество академических ученых постоянно обращается к этой персоне в научных изданиях, а народ уделил ему место в песнях.

Как это нередко случается, правда судьбы Малюты Скуратова намного прозаичнее легенд, созданных вокруг его имени потомками…

Прежде всего, Малюта Скуратов — психологическая пустыня, белое пятно, terra incognita. Нам совершенно не известно, что это был за человек.

Не известно, как он выглядел.

Не известно, каким психологическим мотивам он подчинялся, участвуя в массовых репрессиях. Столько крови, сколько на нем, нет ни на ком из русских людей XVI столетия. Но ни один историк не сможет сказать, чем руководствовался Григорий Лукьянович, щедро проливая ее. Был ли он ловким, жестоким и беспринципным карьеристом, лишенным жалости к своим жертвам? Возможно. Был ли он честным службистом, не сомневавшимся в том, что для спасения престола и отечества следует максимально жестоко и весьма расторопно сшибать головы гидре измены? Не исключено. Был ли он злодеем с помутившимся сознанием, человеком, утратившим способность различать добро или зло в результате психического заболевания? И под эту версию можно подвести факты. Мстил ли он за какие-то обиды, нанесенные ему лично или же его роду самовластными аристократами? Это уже сюжет для авантюрного романа, но, в принципе, и такой вариант имеет свои резоны…

Не известно, кто и в какой степени оказывал влияние на его характер, образ мыслей, жизненный выбор. О наставниках и покровителях Григория Лукьяновича можно лишь строить догадки.

Не известно даже, когда именно Малюта Скуратов попал в поле зрения государя Ивана Васильевича.

От главного опричника не осталось ни одного «исторического» высказывания. Для истории он нем. Русские «служилые люди» того времени не писали мемуаров и дневников, переписка их на 99,99 процента не сохранилась, а летописей, связанных с семейством Скуратовых, наука просто не знает. Известно, какие поступки совершал Малюта.

Известно, как продвигался он в чинах. Известно, где и при каких обстоятельствах сложил голову. Но из этих материалов, как ни старайся, полноценный психологический портрет не составишь.

Тем не менее личность Скуратова-Бельского достойна самостоятельного биографического очерка — как минимум по двум причинам.

Во-первых, Григорий Лукьянович является одной из главных фигур, через которые в русскую политическую культуру пришел массовый государственный террор. До опричной эпохи Россия такого не знала. И Малюта Скуратов стал виднейшим его проводником.

Во-вторых, он сделался живым символом, или, вернее, тайным знаком одного масштабного общественного процесса. На протяжении всей истории Руси от времен языческих до царя Ивана Васильевича власть над страной разделяла с монархом аристократия да еще, в какой-то степени, высшие духовные иерархи. Больше — никто. Исключения случались весьма редко и воспринимались обществом как нечто из ряда вон выходящее. Опричнина стала дверью, за которой обреталась принципиально иная возможность — привести на высший этаж управления людей незнатных. И на двери этой начертано прозвище «Малюта».

Не столь важно, что Григорий Лукьянович стал орудием утеснения аристократов. Гораздо важнее другое: он оказался своего рода знаменем для большой группы дворян, призванных царем на роль ближних советников, доверенных исполнителей, воевод и дипломатов. В отрыве от этой среды Малюта Скуратов и непонятен, и откровенно неинтересен. Но если нарисовать коллективный портрет ее, а в центр поместить фигуру Малюты, тогда всё встанет на свои

места. Тогда «тайный знак» его темного имени раскроется полно и ясно.

Эта книга и представляет собой коллективный портрет худородных опричников. А Малюта Скуратов играет роль средоточия для всей композиции.

Глава первая. «Невидимая» биография

О Григории Лукьяновиче Скуратове-Бельском по прозвищу Малюта известно до крайности мало достоверного.

Большая часть его жизни сокрыта от взоров потомков. Видна только финальная ее часть, да и та — лишь благодаря опричнине. Вне опричнины он никто и ничто. С прекращением опричнины завершается и его жизненный путь: от момента, когда последние опричные учреждения исчезли, до дня, когда сгинул Малюта, прошло всего несколько месяцев. Григорий Лукьянович — порождение опричнины в полном смысле этого слова.

Источники по истории военно-служилого класса России в XVI веке в сумме своей напоминают решето с крупноячеистой сеткой. Всякий сколько-нибудь значительный "служилый человек по отечеству" не пролезает в эти большие ячейки, оставаясь лежать на дне, а служилая мелочь проходит сквозь них, как вода.

Чем вооружен историк, занимающийся биографией русского дворянина XVI столетия?

Он может использовать записки иностранцев, родословцы, русские летописи, поминальные синодики и разнообразные «приказные» документы. Но даже если собрать их воедино, результат выйдет скудный.

Иноземцы упоминают главным образом либо наиболее крупных вельмож, либо тех, кто находился на дипломатической службе и по роду деятельности общался с подданными иных государей.

Великокняжеские, царские и митрополичьи летописи XVI века — грандиозные творения. Порой их называют «историческими энциклопедиями», и это не преувеличение. Многотомные, чрезвычайно обстоятельные, порой украшенные миниатюрами летописные своды того времени — вершина русского летописания в целом. Вот только на их страницах относительно редко попадаются имена рядовых служильцев. Внимание летописца в основном сфокусировано на деяниях государя, служилой знати, архиереев, монастырского начальства и святых. Существуют, конечно, так называемые «частные», неофициальные летописцы, но тут уж как повезет: упомянет летописец того или иного дворянина, не упомянет ли, зависит от многих причин.

Любопытен сам факт того, что аристократы и простые «служилые люди по отечеству» занимались составлением летописцев. Это была единственная и довольно странная форма «мемуаров», доступная русскому дворянину того времени. Лишь князь Андрей Курбский, сбежавший в Литву, написал нечто вроде воспоминаний, названных им «Историей о великом князе московском» (одну из частей «Истории» сам автор откровенно называл «кроникой»). Русская культура XVI столетия знала летописание, жития, «хожения» (своего рода литературные отчеты о путешествии или паломничестве), «сказки»[{1}], а вот дневники и мемуары не были ее частью. Но тогда где же те летописные памятники, которые были написаны русской знатью и русскими дворянами?

До наших дней дошли считаные единицы подобных сочинений. Почти ничего. Да и сами

авторы порой не очень стремились их обнародовать. Так, английский торговый агент Джером Горсей сообщает, что ему удалось завоевать доверие одного пожилого вельможи — князя И. Ф. Мстиславского, и тот решился показать иноземцу составленные им секретные «хроники». Надо полагать, мнение, высказанное в летописи представителем одного из влиятельных аристократических родов, могло вызвать вражду со стороны других знатных семейств или же самого монарха… К широкой популярности, думается, стремились очень немногие летописцы из среды «мужей брани и совета».

Родословцев известно великое множество. По большей части они сообщают сведения о знатнейших родах царства. Но даже если в них найдется информация о «худом» или «захудалом» роде, то это всего лишь генеалогия, порой неполная. В родословцах содержится мало фактов о жизни и деятельности дворянина. Оттуда можно черпать данные главным образом о его предках, потомках и близких родственниках.

Документы церковного происхождения могут рассказать о том, когда ушел из жизни тот или иной дворянин (ясно из поминального синодика), да еще, пожалуй, что он пожертвовал Церкви (видно по так называемой «вкладной книге»). Иные известия отыскать там мудрено.

Наконец, документы государственные. Огромная проблема состоит в том, что большие пожары 1571, 1611 и особенно 1626 годов почти полностью уничтожили архивы центральных учреждений. То, что осталось от прекрасно налаженной системы делопроизводства, в лучшем случае, можно назвать ошметками. От середины XVII столетия и, разумеется, от более поздних времен дошли до наших дней миллионы документов. А вот XVI век ими воистину беден. Да что там беден — нищ, как Иов! Если представить себе в виде огромной, сложной, многоцветной мозаики всю сумму документов эпохи Ивана Грозного, то ныне от той мозаики ученые располагают одним фрагментом смальты из двадцати… А может быть, из ста. По землеописаниям и разного рода грамотам иногда можно отследить отрывочные сведения о том, какими поместьями владел тот или иной служилец государев. По бумагам Посольского приказа (как именовалось тогда дипломатическое ведомство) — участвовал ли он в какой-либо внешнеполитической деятельности.

Вот, собственно, и всё.

Существует лишь один источник XVI века, по-настоящему богатый персональной информацией о русских дворянах и аристократах. Это — разрядные книги.

Большая часть того, что известно о Малюте Скуратове, почерпнуто именно оттуда.

Разрядные книги весьма значительны по объему. Они представляют собой наиболее ценный источник по истории русского «благородного сословия» во времена Московского царства. Когда правительство затевало большое военное предприятие, то всех до одного воевод и голов[{2}], отобранных для похода, регистрировали в «разрядном списке» или «разряде». Когда отправляли командный состав для какого-нибудь крепостного гарнизона, начальствующих лиц с неменьшей тщательностью переписывали в другой «разряд». Когда намечалось строительство большой крепости, ответственных лиц также записывали в особый «разряд». Когда на государевом дворе праздновали свадьбу кого-то из представителей правящего дома или высших аристократов, составлялся «свадебный разряд». И в нем бывала отражена роль каждого человека: этот держал «скляницу с вином», тот «сидел за прямым столом» на свадебном пиру, а вон тот —»за кривым столом»; эти были в дружках, а те «стелили постель»… Попасть в «разряд» означало для «служилого человека по отечеству» получить, как тогда говорили, «именную службу». А «именная служба» являлась свидетельством высокого статуса и самого назначенного, и всего рода, которому он принадлежал. Нет «именных служб» —

выходит, род «захудал», потерял влияние при дворе. Плохо! Много «именных служб» — следовательно, семейство окружено почетом и отмечено благорасположением монарха.

Аристократы и рядовые дворяне внимательно следили за тем, кто из них какое место получил в разряде. И если считали, что люди менее родовитые или даже равные им по «высоте крови» получили превосходство, то непременно «били челом» великому государю «о местах». Иначе говоря, затевали местническую тяжбу.

К «месту», то есть к служебному статусу, русские люди того времени относились с необыкновенной чуткостью и не терпели ситуаций, грозивших им «порухой чести». Их можно понять: если кто-то соглашался уступить в местническом споре без борьбы, то его проклинал потом весь род до седьмого колена! Ведь его детям, внукам, правнукам, племянникам да просто седьмой воде на киселе могли через много десятилетий припомнить: был прецедент, когда ваш родственник не заявил своих прав? Был. Через него семейство ваше получило местническую «потерьку»? Получило. Так нечего жаловаться, что эта «потерька» снижает уровень вашей «местнической чести». Смиритесь! Тот молодец, которого вы, может быть, ни разу в жизни не видели, который умер, когда вы еще не родились, подложил вам свинью, и теперь ничего исправить невозможно… В подобных случаях дворянин, и тем более аристократ, предпочитал пойти в тюрьму, испытать на себе государеву опалу или даже постричься в монахи, лишь бы не становиться причиной «потерьки»… Иной раз местников «рассуживал» сам государь, но чаще для этого собиралась боярская «комиссия». Она требовала у тяжущихся сторон предъявить бумаги, свидетельствующие о служебном положении их семейств — вплоть до дальней родни, дедов, а то и прадедов. Приговор мог звучать совершенной бессмыслицей для современного человека: «Князь такой-то ниже князя такого-то двумя месты». И что? Для кого-то — успех, победа, для кого-то — горькое горе, трагедия. Такими вещами в XVI веке не шутили.

Так вот, все воинские, строительные, свадебные разряды, протоколы местнических тяжб, а заодно и приговоры боярских «комиссий» записывались в разрядные книги. Иной раз по разрядным книгам судьба знатного человека видна как на ладони.

И славно было бы пользоваться ими широко, обильно, реконструируя судьбу Малюты Скуратова. Но есть тут одна загвоздка.

Рядовой «служилец» и даже начальник невысокого ранга не имел ни малейшего шанса получить «именную службу». Рядовые служильцы не бывали в головах и тем более в воеводах. Не приглашали их поучаствовать в свадебных торжествах на государевом дворе. Не посылали заправлять крупным строительством. Для обычных, кратких разрядов их как будто и не было. Лишь подробные разряды, а их сохранилось немного, опускались до уровня «людей из свиты», а также тех, кто обеспечивал разведку, караульную службу, словом, до «ротных командиров «, или иначе «младших офицеров», если использовать современную терминологию.

Выходит, служебная карьера начинала отражаться в разрядных книгах лишь после того, как дворянин достигал определенного уровня.

Разрядные книги непременно «зацепят» человека, хоть раз ходившего в воеводах. С большой долей вероятности они «поймают» и дворянина, дослужившегося до уровня воинского головы. А уж те личности, коим удалось получить «думный» чин — то есть попасть в Боярскую думу в качестве боярина, окольничего, думного дворянина, — обязательно будут хотя бы раз-другой упомянуты в разрядах. Собственно, таких персон не минует и летопись или дипломатическая документация. Весьма возможно, несколько слов о них отыщется в трактате какого-нибудь иностранца. Скорее же всего, их имена прозвучат в разных источниках многое множество раз.

Так, столп царства, великий полководец, князь и боярин Иван Федорович Мстиславский постоянно на виду и в разрядных книгах, и в государственных и церковных летописях. Пишет о нем английский торговый агент Джером Горсей, называют его и другие иноземцы, оставившие записки о «Московии». То же самое можно сказать о вельможах из родов князей Бельских, князей Шуйских, князей Голицыных или, например, старинного боярского семейства Шереметевых. Тут на каждую личность приходятся десятки упоминаний: известна родня, скорее всего, известны время и обстоятельства свадьбы (свадеб), можно с высокой точностью определить время рождения, и, конечно, в подробностях видна служба.

Григорий Лукьянович Скуратов — тоже Бельский, да… не тот, не из князей, чей род восходит к литовскому правителю Гедимину. И даже не из князей Морткиных-Бельских, менее родовитых. Ни один из источников не содержит ни слова, ни полслова о его карьере прежде опричнины. До думных чинов ему было далеко, на воеводские посты он не ставился. Возможно, в каких-то незначительных походах его использовали как воинского голову (такое назначение могло затеряться в источниках), но и это — всего лишь возможно. Ведь столь же вероятно и другое: даже до вполне ординарного уровня армейского головы или какого-нибудь стрелецкого сотника Григорий Лукьянович недотянул.

Итак, еще раз: о службах Малюты до опричнины нет никаких свидетельств. Между тем, в соответствии с традициями русского государственного уклада, все дворяне обязаны были служить с юношеских лет и до самой смерти. Если, конечно, их не подкосят тяжелая болезнь, ранение, увечье. Скуратов точно служил, в этом нет никаких сомнений. Но ни до чего существенного не дослужился.

Крупноячеистое решето разрядных книг до поры, до времени пропускало Григория Лукьяновича. Следовательно, был он до своего опричного возвышения самым дюжинным служильцем, начинал с низов.

В начале 1550-х годов были составлены два очень важных документа, дающих сведения о высшем слое русского дворянства. Это, во-первых, «Тысячная книга», куда попали имена тысячи семидесяти служильцев-дворян, которым собирались дать земельные участки недалеко от Москвы. А во-вторых, «Дворовая тетрадь» (появилась примерно в конце 1552-го — первой половине 1553 года[1]), куда записывали тех, кто служил в составе государева двора ли, как тогда говорили, «по дворовому списку». В число избранной тысячи Григорий Лукьянович не попал. А вот к государеву двору он был приписан вместе с двумя братьями — Третьяком и Нежданом — как дворовый сын боярский (то есть дворянин невысокого чина), служивший «по Белой»[2].

Не известен, хотя бы и в самом грубом приближении, возраст Малюты при поступлении на опричную службу. Но во всяком случае, начало 1550-х годов застало его на службе, а значит, он уже достиг пятнадцати лет — с этого возраста начинали служить. Из этого факта можно вывести два умозаключения.

Во-первых, Григорий Лукьянович родился, по всей видимости, не позднее 1537 года.

Во-вторых, опричнину Григорий Лукьянович встретил зрелым мужчиной…

Что известно о происхождении Малюты, о его детских и отроческих годах, о его семье? Почти ничего. Домыслов множество, твердо установленных фактов нет.

К «демократическим слоям населения» он никакого отношения не имеет. Не от сохи и не от плуга. Дворянин, хотя и невысокого полета. Худородство дюжинного служилого человека Г. Л.

Скуратова-Бельского по сравнению с представителями старомосковских боярских родов и титулованной аристократии — факт, с которым согласно абсолютное большинство исследователей опричнины. Крупнейшие специалисты высказывались на этот счет множество раз, и всё в одном и том же духе. П. А. Садиков приписал ошибочно Скуратовых-Бельских к числу «очень захудалых» представителей старинного боярского рода Плещеевых[3], то есть к «второстепенным», но «честным» семействам. Однако же он не видел в Григории Лукьяновиче ничего иного, как только провинциального «сына боярского» (так называли дворян низких чинов)[4]. С. Б. Веселовский показал, что Малюта был сыном заурядного провинциального дворянина[5]. В. Б. Кобрин подозревал в Скуратовых-Бельских бывших холопов московских князей. В частности, историк писал: «Род Бельских был связан с Иваном IV какими-то не совсем обычными отношениями. Во вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря вклад Ивана Грозного по душе Малюты записан так: “Дал царь, государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси по холопе по своем по Григорье по Малюте Лукьяновиче Скуратове…” В записях о царских вкладах по другим людям не встречаются подобные формулировки, кроме одного случая — о вкладе по одному из родственников Малюты, Владимиру Бельскому, он тоже назван холопом царя. Не означает ли это, что Бельские — бывшие холопы московских князей, превратившиеся впоследствии в их дворян? Не в этом ли, хотя бы отчасти, лежат истоки постоянной уверенности Ивана Грозного в преданности Бельских?[6] Свидетельств, убедительно доказывающих правоту ученого, до сих пор не найдено. Однако если он прав, положение рода Скуратовых-Бельских тем более нельзя назвать сколько-нибудь высоким.

Р. Г. Скрынников выдвинул гипотезу, согласно которой худородная Марфа Васильевна Собакина была отдаленной родней Скуратовых-Бельских. Это уже интереснее. Марфу Собакину Иван IV сделал своей третьей женой в октябре 1571 года. Теоретически брак с нею самого царя мог резко возвысить Григория Лукьяновича, и тот, понимая, какие могут открыться перспективы, решил породниться с царем через матримониальную комбинацию[7]. Однако и для этого предположения пока не найдено доказательств. Скорее, гипотеза Скрынникова неверна, и вот почему: М. В. Собакина — победительница своего рода «конкурса красоты», когда царскую невесту выбирали из двух тысяч претенденток после «многого испытания». Иначе говоря, «подсунуть» свою кандидатку было не так уж легко. Кроме того, какое могло быть возвышение, если Марфа Собакина и месяца не прожила после свадьбы! Правда, как пишет Скрынников, «…свахами царской невесты были жена и дочь Малюты, ее дружками на свадьбе оказались сам Малюта и его зять Борис Годунов»… Но, как будет показано ниже, Малюта Скуратов успел возвыситься до свадьбы Ивана IV и Марфы Собакиной. Если и есть какая-то связь между Скуратовыми и Собакиными, то, скорее, она — прямо противоположного свойства. Получивший к тому времени большое влияние Малюта попытался и в царские невесты протолкнуть дальнюю родственницу (свойственницу?). «Проект» не получил «развития», но от этого сам Малюта ничуть не пострадал.

Так или иначе, Р. Г. Скрынников не отрицает крайне низкого положения Г. Л. Скуратова-Бельского на лестнице местнических счетов[8]. По традициям, сложившимся в военной среде Московского государства, Григорий Лукьянович не мог и мечтать с таким-то «отечеством» о воеводском или «думном» чине. Обрести его он мог только чудом… или в случае серьезной ломки социальных устоев, что и произошло в опричнину.

Вопрос о том, куда уходят корни Малютиного рода, вызвал немало споров.

Бессмысленно перебирать сетевые и книжные публикации научно-популярного и публицистического характера, где несколько ложных версий о происхождении Малюты без конца перекатываются, как цветные стекляшки в калейдоскопе, вступая во всё новые экзотические сочетания. Из них ваяют сногсшибательные гипотезы, их представляют в

качестве «свежего взгляда», их даже используют как аргументы в дискуссиях по политической истории России XVI века…

Но под ними — пустота. Вакуум умственных спекуляций и несколько случайных фактов на дне.

Довольно долго историки верили родословной легенде, согласно которой семейство Скуратовых-Бельских — это потомки польско-литовского шляхтича Станислава Бельского. От него протягивали нить к некому Григорию Филипповичу, получившему прозвище «Станище» или «Истонище» (шалаш, шатер) — дескать, так исковеркали на Руси имя «Станислав». Тогда получалось, что основателем ветви Скуратовых в семействе Бельских мог быть потомок Г. Ф. Станища, некий Прокофий Зиновьевич прозвищем Скурат — представитель московских «служилых людей по отечеству» как минимум в пятом поколении, четвертый сын в семье, видная фигура конца XV века. Имя его и род встречаются в родословцах среди третьестепенных, по понятиям XVI века, но все же «честных» семейств. Близкой родней ему приходились дворяне Кучецкие[9], а также, по другим сведениям, род Лазаревых-Станищевых, довольно заметный в XVI–VII веках.

В связи с этим гипотетическим построением возникало немало путаницы и противоречий.

Во-первых, родословцы выводили Григория Филипповича Станище от некоего Филиппа, «мужа честна», выехавшего на службу к Ивану Калите (сведения явно легендарного характера)… но из «Цесарской земли», а не из Польши и не из Литвы.

Во-вторых, мифическому «Станиславу Бельскому» приписывали выход на Русь при Василии I, который правил через полстолетия (!) после Ивана Калиты.

В-третьих, человек с прозвищем «Скурат», действительно присутствующий в древних родословцах, оказывался в генеалогических построениях то отцом, то дедом, то дядей Малюты. Явная нестыковка выходила прежде всего из-за того, что христианское имя и отчество Малюты хорошо известны — Григорий Лукьянович. (Лукьянович, а не Прокофьевич!) Но если он не сын Прокофия-Скурата, то почему носит родовое прозвище Скуратов?

Иными словами, версия, связывающая Малюту с Григорием Станище, трещит по швам.

Прозвище «Скурат» было, видимо, довольно распространенным. Так, в знатном роду Хлоповых был некий Иван Скурат, не имеющий никакого отношения к Скуратовым-Бельским[10]. «Скурат» означает «лоскут кожи», «грубая кожа», «вытертая замша». Так могли назвать человека с кожным заболеванием или же просто с сильно обветренным лицом. Ничего необычного.

Сейчас большинство историков склоняются к иной версии. Ее обосновал С. Б. Веселовский: «Первым известным нам лицом этой фамилии был Афанасий Евстафьевич, который упоминается в 1473 г. как послух у духовной грамоты С. Лазарева в Звенигороде. *Его сын Лукьян Афанасьевич, по прозвищу* Скурат, в начале XVI в. владел вотчиной в Звенигороде на границе Сурожского стана Московского уезда»[11]. Это владение Л. А. Скурата не было значительным по размеру, центром его служила деревня Горка.

Вот и всё. Очень скромный объем фактов, зато они твердо определены.

А как же Григорий Станище и Прокофий Скурат?

Возможно, какая-то связь между родами Скуратовых-Бельских, Лазаревых, Кучецких и прочих потомков Григория Филипповича Станища имеется. Но ни доказать ее, ни опровергнуть, ни

проследить с должной подробностью при современном состоянии источников невозможно.

При Малюте Скуратовы-Бельские владели поместьем в районе Белой — небольшого города на Смоленщине, в прошлом являвшегося центром удельного княжения. Московскому царству эти земли перешли от Литвы в начале XVI столетия. Но имел ли род Скуратовых-Бельских литовские корни, нет ли — опять-таки непонятно. Поместье они могли получить и после закрепления Белой за Россией.

Ближайшую родню Григория Лукьяновича можно представить в виде кружевной подставки под хрустальную вазу. У этого кружева — тонкий и сложный рисунок. Когда-то оно было разорвано на множество частей. Некоторые из них навсегда потеряны. Другие сохранились, но хищная стихия времени изгрызла их по краям. Вот и получается нечто вроде «кружевного пазла»: приходится выкладывать на столе множество фрагментиков, они путаются, то подходят один к другому, то не подходят, а то вдруг становится ясно, что в каком-то месте — дыра и ничем ее не закрыть…

Рядом с братьями Скуратовыми-Бельскими под Белой жил некий «Васюк Шемякин сын Бельского «— как видно, их родич[12]. Сын его, «Фуник Васильев сын Шемякина-Бельского», служил с поместья, расположенного неподалеку от Вязьмы[13].

В «Тысячной книге» присутствует также некий Скурат (или Скугря, Скутра) Григорьев сын Скуратов — новгородский помещик[14], и не очень понятно, был ли он как-то связан со Скуратовыми-Бельскими. По социальному положению он оказался выше их, поскольку попал в «избранную тысячу», а они — нет. Но, может быть, он просто оказался старше их всех и, когда набирали «тысячников», уже достиг требуемого возраста, а они еще ходили в отроках. Опрометчиво было бы видеть в нем сына Малюты, по одним лишь «подходящим» прозвищу и отчеству. Сын, попавший в «тысячники», когда отец туда не попал, — почти фантастическая комбинация. Напротив, Скурат Григорьев сын Скуратов, скорее всего, превосходит Малюту возрастом. Но он тем более и не отец Малюты — тот, как уже говорилось, был Афанасьевич. Историк П. А. Садиков построил по этому поводу гипотезу: «Среди “тысячников” 1550 г. известен некий Скурат Григорьев сын Скуратов, из новгородских детей боярских; вполне допустимо, что новый слуга царя Ивана, также Скуратов Малюта, принял добавочное прозвание “Бельский” — “Белевский”, чтобы отделить себя от своих однофамильцев новгородцев»[15]. Гипотеза эта, несмотря на кажущуюся логичность, совершенно безосновательна. Прозвище «Бельский» носили и другие члены семейства Скуратовых, не являвшиеся сыновьями Малюты. Например, знаменитый Богдан Бельский. Что же они, на семейном совете решили разом переименоваться? Выглядит абсурдно. Да и в источнике братья Скуратовы названы Бельскими по отцу, а не как-нибудь еще: «Третьяк, да Нездан, да Малюта Скуратовы дети Бельского».

Малюта в «Дворовой тетради» записан после двух своих братьев. Значит, он — младший. Но не третий, а, скорее всего, пятый: первым назван «Третьяк» — третий сын в семье. Видимо, двух старших сыновей и отца к тому времени не было в живых или они получили поместья в других местах.

Малюта — персональное прозвище, довольно редкое. Его могли дать за малый рост и хилое телосложение взрослому человеку, а могли — младенцу. В последнем случае Малюта в зрелые годы вполне мог оказаться человеком среднего роста или даже богатырем. Более того, один из иностранных источников сообщает, что прозвище свое Григорий Лукьянович получил… в качестве дружеской насмешки над его весьма крупными габаритами.

Приходится признать: прозвище ничего не говорит нам о внешности Малюты.

Третьяк и Нежданы — такие же персональные прозвища, как и Малюта. Только в документах XVI века они попадаются гораздо чаще. Христианские имена братьев Малюты, полученные при крещении, были иными.

Историк В. Б. Кобрин много лет назад высказал идею, согласно которой прозвище Третьяк не обязательно давали третьему сыну. «В Дворовой тетради мы находим, — пишет В. Б. Кобрин, — 6 носителей имен Второй (Другой), 27 Третьяков, 11 Пятых, 6 Шестаков, по одному Семого и Осъмого и двоих Девятых Итак, Третьяков было в четыре с лишним раза больше, чем Вторых и Других, хотя, естественно, вторых детей было больше, чем третьих. Вряд ли и шестых детей было столько же, сколько вторых. Даже если носители порядковых имен действительно занимали соответствующие порядковые места в семье… ясно, что имена-числительные давались преимущественно третьим, пятым и шестым детям, либо имена Третьяк Пятой и Шестак оторвались от своей этимологии. И то, и другое характерно скорее для имен, чем для прозвищ»[16].

Что ж, это классический случай, когда ученый, внимательно глядя в документ, забывает время от времени посмотреть и в окно. Иначе говоря, не видит за исследовательской методикой реалий обыденной жизни. А реалии таковы: удивительно, поистине удивительно, что вообще нашлось несколько нерадивых мамашек, которые позволили прозвищам «Второй» и «Другой» закрепиться за их сыновьями. Ведь мальчишкам не вечно быть у мамкиной юбки! А сколько неприятных ситуаций может доставить взрослому мужчине прозвище «Второй» или, еще того хлеще, «Другой»?! Они неблагозвучны и дают превосходный повод для насмешек. А вот «Третьяк» — прозвище звонкое, задиристое, лихое. Отличное мужское прозвище. Разумеется, его-то и будут использовать чаще иных «порядковых прозвищ». Ничего странного. Так что Малютин брат, названный так в «Дворовой тетради», был, скорее всего, именно третьим сыном Лукьяна-Скурата Бельского.

Третьяка, судя по другим источникам, звали, как и Малюту, Григорием. Известно, что у него имелся сын — Петр Григорьевич по прозвищу Верига, которого иначе именовали «Веригой Третьяковым»[17]. Этот Верига в большие чины не пошел, но при дворе был заметен. Он не раз отправлялся в большие походы поддатней или рындой{3} при государе. Известно, что в начале 1580-х Петр Григорьевич владел сельцом Степаново Переяславского уезда[18]. 15 июля 1573 года «Верига Григорьев сын Бельской» дал Иосифо-Волоцкой братии «на корм» пять рублей «по отце по своем по Григорье», а значит, Третьяк-Григорий Скуратов-Бельский к тому времени уже упокоился[19].

Нежданы (так могли именовать ребенка, зачатого противу ожиданий родителей), возможно, носил имя Яков. Историкам хорошо известен значительный деятель грозненского царствования Богдан (Андрей) Яковлевич Бельский, племянник Малюты. У Богдана Бельского имелся брат Невежа Яковлевич. Следовательно, Нежданы Скуратова крестили Яковом? Однако в точности установить этого не удается, тут есть сомнения. Во-первых, у Нежданы были дети — Давыд и Григорий, и они носили патроним Неждановы, а не Яковлевы[20]. Во-вторых, Яковом мог быть еще один брат Малюты — один из тех, кто родился раньше Третьяка и, возможно, рано скончался.

По другой, более обоснованной версии, Нежданы Лукьянович Скуратов-Бельский получил во крещении имя Иван. Доказательства на сей счет следующие: весьма редкое для дворян XVI века имя Давид (Давыд) используется в отношении Бельских дважды. Это, во-первых, уже названный Давыд Нежданов, рында в государевых походах 1576 года под Калугу и 1577 года на Ливонию[21]. И, во-вторых, некий Давыд Иванович Бельский — один из младших командиров в том же ливонском 1577 года походе Ивана IV[22]. К исполнению обязанностей младшего

офицера «рынду у самопалов» вполне могли привлечь. Весьма вероятно, что речь идет об одном человеке. А значит, Неждана Скуратова-Бельского, скорее всего, окрестили Иваном.

Вероятнее всего, старший брат Малюты окончил свои дни в стенах Иосифо-Волоцкого монастыря. В приходно-расходных книгах обители встречается некий «старец Илья, Малютин брат Скуратова». Он же, скорее всего, Неждан Скуратов-Бельский, Иван во крещении. Для XVI века считалось обычным делом, постригаясь во иноки, принимать монашеское имя, имевшее с мирским общую первую букву[23].

Если ситуация с братьями Григория Лукьяновича и их отпрысками более или менее ясна, то прочая родня — область загадок и догадок.

Предположительно в конце 1550-х — начале 1560-х ушел из жизни (видимо, убит в бою) некий Владимир Скуратов. В 1578 году под Кесью (Венденом) погиб некто Федор Семенович Скуратов[24]. Дмитрий Федорович Скуратов, очевидно, сын последнего, в конце 1580-х имел относительно невысокий чин жильца, сохранил его до начала XVII столетия и служил с небольшого поместья в 400 четвертей[25]. Впрочем, в отношении Дмитрия Федоровича и Федора Семеновича есть сильные подозрения, что они — родня упомянутых выше Хлоповых, а не Бельских.

На уровне гипотезы к младшей родне Малюты можно отнести и дворян Благово, среди которых были опричники.

Помимо этого у Малюты были и другие родственники. В документах второй половины XVI столетия то и дело появляются Бельские, притом в явной связи с родом Малюты. Иногда можно точно сказать: вот люди, близкие по крови Малюте — например, потомство Невежи Яковлевича Скуратова-Бельского (ветвь Невежиных) и Петра-Вериги Скуратова-Бельского (ветвь Веригиных). Но порой нет ни малейшего шанса проследить генеалогическую связь. Кем приходились Малюте Богдан Сидорович Бельский, Юрий Булгаков-Бельский, Иван Данилович Бельский и т. п.? Бог весть.

Если не считать Малюты, лишь двое из его многолюдного и разветвленного рода поднялись до высоких чинов и на долгий срок задержались в верхнем этаже власти. Это Богдан-Андрей Бельский — фаворит Ивана Грозного на протяжении многих лет, а также его брат Невежа, дослужившийся до чина «московского дворянина».

Таких же, как Мал юта и его братья, дворовых «детей боярских» при дворе Ивана IV числилось несколько тысяч. Им давали низшие административные должности на местах или же призывали в столицу для службы «на великого государя» — например, выводили на поле боя в составе «государева полка» как рядовых бойцов или младших командиров.

Ниже дворовых «детей боярских» были только городовые «дети боярские». Их не привлекали к службе в столице, и, соответственно, они не имели возможности «зацепиться» за нужных людей, устроить выгодный брак, подняться на более высокую ступень служебной лестницы. Дворовые по сравнению с ними занимали более высокое положение.

В начале 1550-х годов Малюта не был стар или болен и не занимал какого-либо поста в администрации Бельского уезда. В противном случае, это обязательно отметили бы в «Дворовой тетради».

Ничего не известно о детстве и юности Малюты. Какие отношения были у него в семье, как его воспитывали — всё это погребено во тьме времен вместе с судьбами многих тысяч русских

дворян старомосковской эпохи.

В общих чертах известно, чему учили подрастающих служильцев великого государя. Три первейших дела, кои относились к «дворянской науке», — молиться, драться и ездить верхом.

Все «служилые люди по отечеству» — от высокородных Шуйских, Мстиславских, Голицыных до «городовых детей боярских», то есть самой голи, — служили московскому государю с отроческих лет до самой смерти. Их могли отставить от службы лишь в том случае, если они приобрели на ней увечье, тяжелую болезнь или дожили до возраста дряхлости. Впрочем, и тогда им еще могли не просто дать отдых, а заменить тяжелую ратную службу на более легкую — административную…

Любой из них участвовал в воинских походах. Военная служба являлась основной. Она поглощала силы и умения абсолютного большинства наших дворян XVI века. В ту пору выходец из «благородного сословия» мог сражаться лишь в конном строю. Пехотой Московское государство располагало в очень незначительном количестве, и дворян в пешцы не ставили. Разве только при штурме крепостей. Большую часть времени, отведенного на любые воинские предприятия, «служилые люди по отечеству» проводили в седле. Поэтому с раннего детства их учили азам конской езды, постепенно доводя эти навыки до автоматизма.

Императорский посол Сигизмунд Герберштейн, посетивший Россию при Василии III, писал о ловкости русских кавалеристов с восхищением: «Лошади у них маленькие, холощенные, не подкованы; узда самая легкая… седла маленькие и приспособлены с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара [копья или стрелы]. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой, которая всегда висит на мизинце правой руки, так что в любой момент, когда нужно, они могут схватить ее и пустить в ход, а если дело опять дойдет до оружия… то они оставляют плетку и она свободно свисает с руки… Обыкновенное их оружие — лук, стрелы, топор, копье и палка, которая по-русски называется кистень… Саблю употребляют те, кто [познатнее и] побогаче. Продолговатые кривые кинжалы, висящие, как ножи, вместе с другими кинжалами на правом боку, спрятаны в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно добраться до верхней части рукояти и схватить ее в случае надобности… Далее, повод узды у них в употреблении длинный, с дырочкой на конце; они привязывают его к [одному из] пальцев левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, выстрелить [не выпуская повода]. Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими».

Для того чтобы управляться с лошадью, оружием и снаряжением столь умело, требовалась многолетняя выучка. Не для отдельных бойцов, а для всего войска. И Малюта получил все необходимые уроки, ведь он по своему положению обязан был драться в гуще русской конницы.

Род Скуратовых-Бельских, как видно, небогатый, вряд ли обладал дорогим защитным вооружением — шлемами, панцирями. В лучшем случае, у Малюты и его братьев для военного времени припасены были кольчуги, но вернее всего, не имелось и их. Большинство русских бойцов середины XVI столетия обходились тегиляями — кафтанами из прочной бумажной ткани с подкладкой из толстого слоя войлока или конского волоса.

Небогатых дворян приучали к неприхотливости. В походы они ездили, заготовив по-спартански скудный припас. Вместо шатров и палаток большинство использовало тенты из плащей, натянутых на прутья, воткнутые в землю. Питались просом и солониной. «…Каждый носит с

собой… топор, огниво, котелки или медный чан, — сообщает Герберштейн, — и если он случайно попадет туда, где не найдется ни плодов, ни чесноку, ни луку, ни дичи, то разводит огонь, наполняет чан водой, бросает в него полную ложку проса, добавляет соли и варит; довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы. Впрочем, если господин слишком уж проголодается, то истребляет все это сам, так что рабы имеют, таким образом, иногда отличный случай попоститься целых два или три дня. Если же господин пожелает роскошного пира, то он прибавляет маленький кусочек свинины. Я говорю это не о знати, а о людях среднего достатка. Вожди войска и другие военные начальники время от времени приглашают к себе других, что победнее, и, хорошо пообедав, эти последние воздерживаются потом от пищи иногда два-три дня. Если же у них есть плоды, чеснок или лук, то они легко обходятся без всего остального». А Малюта и был одним из этих «людей среднего достатка».

Английский моряк Ричард Ченслор, увидев, какую скудость легко претерпевают русские воины, пришел в восторг: «…я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более чем на ярд[{4}]. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него. Так поступают большинство воинов великого князя за исключением дворян, имеющих особенные собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду. Его конь ест зеленые ветки и т. п., стоит в открытом холодном поле без крова и все-таки работает и служит ему хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц?! Я не знаю страны поблизости от нас, которая могла бы похвалиться такими людьми и животными».

Просо, тент из плащей, «топор, огниво, котелки или медный чан» — всё это предметы быта, отлично известные Малюте и всей его родне мужского пола. В зрелом возрасте он сам и его семейство узнают, что такое роскошь… Но в юные годы и он, и его братья жили, скорее всего, именно так. Иначе говоря, в большой скудости, трудах и лишениях.

Как человек войны, он с детства должен был учиться стрельбе из лука, боевой работе с топором, кинжалом, копьем и, может быть, с саблей. Ну и, конечно, вряд ли он избежал кулачных боев — любимой забавы русской молодежи того времени. Подданные московского государя славились телесной мощью и особенно силой рук. Немудрено! Как сообщает другой иностранный источник, «вся [русская] молодежь упражняется в разнообразных играх и притом весьма близких к воинскому делу: состязается в беге, борется и участвует в конском ристании; всем, а в особенности самым опытным стрелкам из лука, назначаются награды».

Нелишним будет упомянуть, что русский быт XV — середины XVI столетия еще чужд пьянства. Вино не изготавливается, водка появилась недавно и не успела получить широкого распространения. Из алкогольных напитков потребляют в основном хмельной мед, пиво да еще, возможно, брагу. Пьяниц не любят. Знатный литовец Венцеслав Миколаевич писал о подданных Ивана IV: «…во всех землях татар и московитян… пьянство запрещено… В Московии… нигде нет кабаков. Посему если у какого-либо главы семьи найдут лишь каплю вина, то весь его дом разоряют, имущество изымают, семью его и соседей по деревне избивают, а его самого обрекают на пожизненное заключение. С соседями обходятся так сурово, поскольку… они заражены этим общением и [являются] сообщниками страшного преступления»[26]. Итак, в юные годы Малюты пьянство для России являлось делом редким, а

кабаков не существовало. И лишь позднее, когда Григорий Лукьянович войдет в возраст зрелости, государь Иван IV восполнит этот пробел, заведя кабаки…

Как и всякого русского человека тех времен, Малюту с детства учили молиться, исповедоваться и причащаться. Он обязан был соблюдать посты, отстаивать богослужения и веселиться вместе со всеми, когда приходило время христианских праздников. Радоваться Рождеству Христову, скорбеть Великим постом, торжествовать на Пасху.

Что же касается богословских знаний, «книжности», любви к «винограду словесному», то для XVI века они, скорее, были привилегией духовенства и аристократии. В дюжинном служильце, одном из тысяч других дюжинных служильцев, ценились воинское умение, расторопность, сила, верность государю и почтительность к родителям. Еще, пожалуй, доброжелательное отношение к родне. С него довольно было отваги на поле боя и обычной молитвенной дани Господу Богу. Не столь уж многие русские дворяне того времени отмечены даром «рассуждения». Университетами и академиями страна до второй половины XVII столетия не располагала. «Служилый человек по отечеству» учился дома — от отца, старших братьев и прочей родни мужеска полу. Грамоту и счет мог постигнуть либо в домашних условиях, либо у священника. «Книжность» в подобных обстоятельствах должна была стать и, в конечном итоге, стала редкостью. От XVI столетия известны считаные единицы неродовитых дворян, отмеченных этим качеством. Малюта в их число не входил.

Путь Малюты и его братьев из поместья в окрестностях Белой на московскую службу пролегал по Смоленщине, а затем по уездам, располагавшимся западнее Москвы. Скуратовы-Бельские хорошо знали эти места, поскольку владения их отца, Лукьяна Афанасьевича, располагались не столь уж далеко от Звенигорода. В русской истории эти области памятны прежде всего доброй славою иноческих обителей: старинного Саввино-Сторожевского и знаменитого Иосифо-Волоцкого монастырей… С именем Григория Лукьяновича связывают икону Пречистой Богородицы, полученную Иосифо-Волоцкой обителью как пожертвование в феврале 1572 года. Ну а в Вязьме, находившейся по соседству с Белой, преподобный Герасим Болдинский основал Иоанно-Предтеченский монастырь — как раз в годы детства или, может быть, отрочества Малюты. Таким образом, у семейства Скуратовых-Бельских имелась возможность посещать чаши духовные, наполненные благодатью до краев.

В первой половине XVI века еще не иссякло великое время, когда русское иночество кипело жаждой христианского подвига, устремлялось в дальние дебри, в леса, на острова, в места холодные и бесприютные. А те, кто оставался в коренных русских землях, брали на себя суровые обеты, жили по строгому уставу. «Книжники» монастырские богаты были богословской мыслью: одна за другой вспыхивали на умственном небосклоне Московской Руси идеи, связывающие жизнь страны и народа с волей Божьей, судьбами Православного мира и великой миссией православного Царства. Стихия духа пребывала еще в раскаленном состоянии, сердца пылали. Сколько находилось иноков, любивших Иисуса больше себя, искавших приблизиться к Богу, раствориться в Его воле! Сколько монашеских общин источали духовный свет, лампадами веры становясь для Руси! Пройдет несколько десятилетий, и то, что устремлялось ввысь, пустит корни, то, что извергалось текучей лавой, застынет горными хребтами, то, что светилось и звенело по всей земле, тяжко обытовеет. Закат века — другая Церковь, другое монашество, взоры опустились к земле, пылающее обратилось в теплое. Худо ли это? Нет, отнюдь. Любое горение либо расточится, либо родит новые формы, новые идеи, которыми люди будут жить на протяжении многих веков. Если бы пламя поднималось всё выше и выше, если бы лава не застывала, что ж, огненный порыв выжег бы всё и оставил пустыню. В России, слава Богу, произошло иначе. Дух остался в камне, память величия духовного сохранилась в умах и душах. Народ получил то, чем мог согреваться еще очень долго…

Другое дело, что Малюта и его братья оказались на изломе этой эпохи. Уходило время людей огненных, бескорыстных, верующих и любящих без памяти, поднятых великой борьбой и в сердцах своих несущих крупицы новой страны — на их глазах, их действиями формирующейся...

На смену той раскаленной эпохе шло время сильных честолюбцев, бешеных авантюристов, лукавых еретиков. Пользолюбие и ум понемногу теснили любовь и веру в душах русских людей. Нежгучий огонь небесный и плотяная мощь вступали в странные сочетания. Нежный июль падал, сумерки стали приходить раньше, и сквозь немилосердное пекло августа проглядывала игра причудливых теней.

Малюта одной ногой стоял в эпохе небесной, а другой — в приземленной. А человеческому разумению трудно выдержать перешагивание через грань времен.

Григорию Лукьяновичу повезло поступить на государеву службу в счастливые для русского оружия времена.

Да, его не видно в документах 1550-х годов. Известно лишь одно: Малюта уже служил, уже ходил в походы. Просто роль его в огромной военной машине Московского государства оставалась ничтожной, незаметной. Зато молодость его пришлась на годы великих побед России. И действия Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского в общем строю с тысячами других дворян стали малой полушкою в казне грандиозных воинских достижений.

В 1552 году под натиском царского войска пала Казань. Началось долгое и трудное, но в итоге успешное "замирение" Казанского края. Несколько лет спустя под контроль Москвы попала и Астрахань. *В 1556 году русская армия нанесла жестокое поражение* шведам. Зимой 1557/58 года служилые татары и дворянское ополчение ворвались на территорию Ливонского ордена. Рыцарство орденское не могло сдержать их напор. Началась четвертьвековая, то затухавшая, то вновь вспыхивавшая Ливонская война. Она станет главным военным предприятием Ивана IV. Поскольку учреждение опричнины, а значит, и небывалый взлет в карьере Малюты тесно связаны с ней, имеет смысл подробнее остановиться на причинах Ливонской войны и ее ходе.

Ведя эту войну, Московское царство пыталось решить вооруженной силой две главные задачи.

Первая из них осознавалась как жизненно важная. В центральных областях России остро не хватало освоенных и заселенных крестьянами земель, которые можно было бы отдать "служилым людям" — дворянам. А именно они составляли боевое ядро нашей армии. Между тем по соседству, на северо-западе, простирались обширные и богатые области Ливонии. Они могли бы обеспечить российское дворянство отличными поместьями, если бы не находились во владении немецкого рыцарства. Ливонская конфедерация к середине XVI столетия стала своего рода "больным человеком" Восточной Европы. Рыхлое политическое управление, военная слабость, межрелигиозные распри, которые стали причиной настоящей гражданской войны, привели соседей к убеждению: больше так продолжаться не может, пришло время уничтожить очаг нестабильности, разделив между собой орденские земли. Но как делить? И кто первым рискнет заняться разрезанием ливонского пирога, на который с вожделением смотрят поляки, литовцы, шведы, датчане и русские? Царь Иван IV ввязался в борьбу, опередив остальных. Правящие круги Ливонии традиционно относились к России недоброжелательно, следовательно, участие Москвы в распределении "ливонского наследства" так или иначе было неизбежным. Вся проблема состояла в том, чтобы не увязнуть в войне всерьез и надолго, войдя в затяжной конфликт с прочими "игроками".

Вторая стратегическая задача России состояла в том, чтобы закрепиться на Балтике. К тому

времени значительный участок балтийского побережья принадлежал московским государям. Но Россия не располагала там ни единым крупным портом. Более того, наше правительство не знало, как именно следует его строить, оборудовать и особенно — как привлекать туда иноземных торговцев. Попытка создать собственный порт при Ивангородской крепости, напротив Нарвы, предпринятая накануне войны, показала: ни понимания всех технических трудностей этой задачи, ни твердой воли к ее решению у московского правительства нет. В первый же год Ливонской войны русская армия взяла Нарву. Вал стратегически важных товаров, шедших из Западной Европы в Россию через нарвский порт, а также большие группы полезнейших специалистов, прибывавших туда ради царской службы, показали Москве все выгоды хорошо обустроенной гавани на Балтике. Тогда Иван IV пожелал забрать для этих нужд Ревель (Таллин), а также — при должных усилиях и затратах — Ригу.

На протяжении нескольких лет русские армии шли от победы к победе. Московским воеводам удалось взять, помимо Нарвы, Юрьев, Феллин, а также несколько менее значительных городов и крепостей. Да и в поле русские войска одерживали победы чаще, чем отряды ливонского магистра.

Однако война за Ливонию могла иметь успех лишь в качестве "блицкрига", краткосрочного победоносного мероприятия. Над южными границами Московского государства нависала татарская угроза, и долгая война на два фронта грозила серьезными осложнениями. Между тем "ливонским наследством" всерьез заинтересовались Швеция, Дания и Польско-Литовское государство. Из них только датчан дипломатия Ивана IV смогла превратить в непоследовательных и ненадежных союзников. Прочие стали неприятелями России. К тому же русской администрации не удалось наладить добрые отношения с местным населением. Немцы не горели желанием становиться подданными русского царя.

Итог: в первой половине 1560-х Ливонская война перестала быть "увеселительной прогулкой" для наших воевод. Польско-литовские силы наносят первое поражение русским войскам. Следует молниеносный ответ: взятие Полоцка. Волна панических слухов об этом триумфальном успехе Москвы прокатилась по доброй половине Европы. Но после "Полоцкого взятия" русское наступление на западных рубежах остановилось. Победы первых лет войны не получили достойного продолжения. Более того, в 1564 году большая русская армия была наголову разбита. Служилая знать заколебалась, некоторые ее представители начали перебегать на сторону врага. Самой значительной фигурой среди этих перебежчиков стал князь Андрей Курбский, известный военачальник. Поляки и литовцы попытались отбить Полоцк, но действовали нерешительно и в результате безуспешно.

С середины 1560-х годов на литовско-ливонском театре военных действий устанавливается "клинч". Ни одна из сторон не может добиться решительного перелома в свою пользу, сражения сменяются длительными перемириями, дипломаты ведут хитроумную игру.

Участвовал ли Малюта в ливонских походах? Неизвестно. До наших дней дошел весьма подробный разряд большого похода на Полоцк 1563 года. Среди "начальных людей" царской армии Григория Лукьяновича нет. Но не исключено, что он бился с литовцами как рядовой боец.

Как ни досадно, а о его службах в первые годы Ливонской войны никаких сведений не сохранилось.

Но это еще не все из белых пятен в его биографии.

Глава вторая. Начало опричнины. «Новый кадровый курс»

Здесь разговор о службах Малюты и о его карьере стоит прервать. Лично Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский и всё его разветвленное семейство представляют собой лишь частный случай в истории многотысячного общественного слоя — небогатого и неродовитого дворянства. Из таких людей набирали полки и гарнизоны, им давали должности рядовых бойцов, десятников, а если уцелеют в многочисленных битвах — сотников. И очень редко самых заслуженных из них возвышали до положения воинского головы. Воинский голова — «начальный человек», которому порой могли доверить руководство несколькими сотнями бойцов.

О командовании полками и тем более целыми армиями они могли только мечтать. Воеводство — не для них.

Итак: по всей стране великому множеству «служилых людей» был поставлен низкий карьерный потолок. Разумеется, время от времени выходцы из этого слоя пытались прыгнуть повыше, но в подавляющем большинстве случаев подобные попытки заканчивались разбитым черепом.

Если не обрисовать положение многолюдной, воинственной, хорошо вооруженной массы «неродословного» дворянства в целом, то история одного Малюты не обретет должной рельефности и глубины. Получится человеческая фигура в центре живописного полотна, на котором вытравлен весь фон, весь «второй план». Персона, бодро шагающая по белой плоскости холста, — что может быть бессмысленнее?

Очень важно понимать: в Московском государстве XVI века военно-политическая элита не включала в себя ни провинциальное дворянство, ни даже большую часть дворянства московского. Представители этой среды занимали очень скромное место в составе правящего класса страны. Им позволяли восходить на нижние ступени управления армией, местной администрацией, «дворовыми» (придворными) делами. А все ключевые посты доставались служилой аристократии.

Но и служилая аристократия не составляла единую сплоченную группу. Русская знать выглядела весьма пестро, и отдельные ее части долго не срастались друг с другом.

До второй половины XV века главной опорой московских государей служила знать нетитулованная. Многочисленные роды ее поставляли своих представителей в московские полки, в Боярскую думу, на важнейшие должности в управлении городами, которые подчинялись Москве. Таковы Захарьины-Юрьевы, Челяднины, Бутурлины, Шереметевы, Плещеевы, Колычевы, Сабуровы, Морозовы и немало иных.

К ним добавились отдельные боярские семейства из других земель, присоединенных Иваном Великим или Василием III. Так, из Твери на службу московским державцам перешли могущественные Борисовы-Бороздины и Карповы, происходившие от князей Фоминских, чьи потомки утратили титул. К древней ветви смоленских князей, также потерявших титул, восходили Заболоцкие. Из Крыма, захваченного татарами, в Москву переехали знатные греки, среди которых явился влиятельный род Ховриных-Головиных.

Порой родовитое московское дворянство «дотягивалось» до боярских семейств и входило в их состав, но такое происходило весьма редко. В качестве примера можно назвать разве только

род Новосильцевых. «Чужаков» и людей «неродословных» уже во второй половине XV столетия оттесняли от ключевых постов, не давали им прорваться в Боярскую думу.

Историк А. А. Зимин высказался на этот счет кратко и точно: «Старые роды не уступали своих мест, а число потомков старомосковских бояр все увеличивалось»[27].

Конечно, потомкам Даниила Московского и Ивана Калиты служили не только боярские роды, но и княжеские, то есть титулованная знать.

Прежде всего, ближняя родня всякого московского князя получала уделы — в Дмитрове, Звенигороде, Галиче, Серпухове, на Коломне — и так далее. Она обязана была служить государю, даже если престол занимал отрок или сущий младенец, а на уделах сидели умудренные опытом мужи.

Помимо них в новую столицу Северо-Восточной Руси приезжали небогатые, а то и вчистую лишенные владений князья, желавшие стать слугами московских государей за богатые земельные пожалования. Таковы, например, князья Куракины, Голицыны, Щенятевы, Хованские — огромная ветвь литовского княжеского дома Гедиминовичей, полностью зависевшая от благорасположения московских правителей. Таковы же не столь родовитые, но все же заметные князья Звенигородские: Ноздроватые и Токмаковы.

Ситуация стала меняться во второй половине XV — первой четверти XVI столетия.

Московское государство стремительно расширялось. Один за другим подчинялись ему соседние города, области, целые княжества. Вместе с тем Кремлю доставались не только новые земли, не только новые доходы, но и… многочисленные княжеские семейства, более или менее мирно переходившие под власть Калитичей.

На западных рубежах Россия граничила с огромным Великим княжеством Литовским. Вся его центральная и восточная часть — «Литовская Русь» — населена была русскими православными людьми. Ими правили главным образом князья из семейства Рюриковичей (не столь могущественные, как московская линия Рюрикова рода) и, реже, из семейства Гедиминовичей (не столь могущественные, как ветвь великих князей литовских, утвердившихся в Вильно). В ходе масштабного военного столкновения между Литвой и Россией немало княжеских фамилий предпочли перейти под сюзеренитет Москвы.

Итог: московская служилая аристократия пополнилась князьями Глинскими, Бельскими, Мстиславскими, Шуйскими, Холмскими, Микулинскими, Пронскими, Воротынскими, Одоевскими, Ростовскими, бесчисленными родами плодовитых ярославских князей и т. д.

Все они должны были получить место при дворе, в Боярской думе, среди воевод русской армии, занять должности наместников в крупных городах, усесться в высоких судах и самых значительных государственных учреждениях. Это привело к двум последствиям.

Во-первых, старинное московское боярство должно было потесниться. Со времен Василия III позиции его заметно ухудшаются. Рюриковичи и Гедиминовичи теснят его в Боярской думе и особенно в армии. Всё реже и реже выходцы из нетитулованной знати ставятся во главе полевых соединений, всё меньше их отряжают командовать полками. Отчасти подобное положение дел связано с внешнеполитическими сложностями. В первой половине XVI века Россия четырежды вступает в открытые боевые действия с Великим княжеством Литовским. Русско-литовские войны имеют тяжелый, кровавый, затяжной характер. Идут они с переменным успехом. И позиция князей, чьи владения находятся в приграничной зоне (а

особенно — родовитых Гедиминовичей), значит как никогда много. Московское правительство щедро расширяет сферу их влияния при дворе, в армии, а потом и в Боярской думе. Они получают богатые земельные пожалования. Им даже прощают попытки «отъехать» назад, за «литовский рубеж», когда они конфликтуют с московскими государями. Василий III вторым браком женится на Елене Глинской, а князья Глинские — такие же выходцы из Литовской Руси. Они обрели большое влияние при дворе.

Московские бояре, поколение за поколением верно служившие роду Калитичей, прочно связанные с землей московской, воспринимали пришлых князей как чужаков, получивших слишком многое не по заслугам. А те похвалялись на Москве своею «высокой кровью» и ставили себя выше местного боярства.

Во-вторых, в среде служилой аристократии утверждается и коснеет система местничества. Собственно, XVI столетие — классическая эпоха местничества, его расцвет, его наиболее полное и яркое воплощение в общественной жизни.

Суть местничества состоит в том, что ключевые военные и административные посты распределяются по критерию «отечества», то есть происхождения. Самые высокие должности в первую очередь получают знатнейшие люди государства, а также те, чьи предки занимали высшие должности на московской службе. Лишь во вторую очередь и в гораздо меньшей степени учитываются действительные заслуги и деловые способности.

Местничество играло роль политических гарантий, от которых трудно отказаться.

Фактически государи московские, особенно Василий III, выдали служилой знати гарантии, что она и только она будет делить с ними власть над Россией. Постоянно воспроизводящийся механизм «местнических счетов» обеспечивал пребывание на важнейших постах не только тем из аристократов, кто оказался у подножия трона в первой трети XVI века, но также их детям, внукам и правнукам. Приблизительно 50–80 знатнейших родов составили корпорацию, имеющую колоссальные привилегии. Без нее, помимо нее государь московский не мог править страной, поскольку все сколько-нибудь значимые управленцы рекрутировались из ее состава.

Княжеская знать, подобно живому тарану, пробивала себе дорогу ко всё большему объему привилегий, ко всё большему пространству для карьеры в высшем эшелоне власти. На острие этого тарана пребывало совсем уж небольшое количество родов — может быть, десяток или два. Но они оказались «аристократией в аристократии». Представителям таких родов по праву рождения принадлежали места в Боярской думе, во главе полевых армий и на наместничестве в богатейших городах. А вот знати второстепенной — княжеским семействам с родословием, подпорченным, допустим, службой при удельном дворе, а не в Москве, бунташным характером предков или принадлежностью к какой-нибудь младшей ветви — предоставлялась возможность выслужить «думный чин».

Русское «княжьё» расслоилось. Князья Мстиславские, Бельские, Шуйские, Пуньковы-Микулинские оказались «столпами царства», им одно только происхождение открывало все двери. Князья Хворостинины, Телятевские, Токмаковы оказались второстепенной аристократией, им требовалось трудиться в поте лица, чтобы сделать хорошую карьеру. Князья Болховские, Вяземские, Тулуповы составили аристократию «третьего сорта»[{5}]. Происхождение давало им кое-какие возможности роста, но закрывало дорогу на самый верх.

К чему привело взрывное развитие местнической системы? Итоги ее были неоднозначны.

С одной стороны, местничество тормозило служебный рост талантливых неродовитых людей.

Оно создавало в высшем эшелоне власти своего рода «пробку», закрывавшую путь к высотам карьеры для подавляющего большинства дворян. Более того, оно препятствовало консолидации самой аристократии. Между разными ее группами и слоями накапливались трения. Старинное московское боярство и «второстепенная» княжеская знать недобро поглядывали на высшие семейства «княжат»: не слишком ли много забрали они себе власти, возможностей, льгот? Не слишком ли высоко они забрались на Москве? Кроме того, местничество жестоко било по армии. В условиях боевых операций местническая тяжба, разгоревшаяся в войсках, могла привести — и приводила! — к тяжелому поражению.

С другой стороны, местничество устранило в гуще богатой, амбициозной и агрессивной аристократии возможность «войны всех против всех». В России практика «наездов», широко распространенная среди польско-литовской магнатерии, не привилась. В России не случилось фронды. Местничество давало пусть и громоздкую, но эффективную систему мирного разрешения конфликтов в рамках правящего класса. Не мечом добивались своего, а через суд! Это свидетельствует о высоком уровне политической культуры. Ну а военная среда постепенно выработала систему «вторых воевод» — опытных, талантливых «заместителей» при родовитых вождях воинства. Они подстраховывали более знатных, но менее одаренных командующих от серьезных ошибок.

Система, со всеми ее недостатками, действовала эффективно… пока имела мощный противовес в лице самих государей московских. «Живой таран» большой массы «княжат» в своем стремлении к власти и привилегиям наталкивался на волю монарха. А тот, в свою очередь, мог — более того, был заинтересован — ограничивать аппетиты первостепенных княжеских родов.

Иван Великий и его сын Василий III умело использовали разобщенность служилой знати. Находили себе опору в одних родах, удаляли от себя другие, жаловали, но не допускали к высотам власти третьи, накладывали опалу на четвертые… Это была трудная работа: механизм управления Московским государством не отличался простотой, и государю требовались постоянное внимание, постоянное напряжение воли, чтобы не дать усилиться тем аристократическим «партиям», которые могли бы создать для него серьезную угрозу. Если подобное политическое маневрирование проводилось регулярно, русская знать, отлично освоившая искусство управления и войны, служила стране, как надо. Приносила победы на поле боя, обеспечивала административную стабильность по всей огромной державе.

Но в малолетство Ивана IV политический контроль с великих семей знати оказался снят. Никто их не контролировал. Первостепенные княжеские роды присвоили себе колоссальную власть и распоряжались всей страной безраздельно. Предел их амбициям полагало одно лишь соперничество между разными группировками. Единство оказалось для них слишком сложной задачей, и междоусобные свары следовали одна за другой. Лет на двадцать, с середины 1530-х примерно по середину 1550-х годов, в Московском государстве установилось аристократическое правление. Монарх-мальчик, монарх-подросток сам зависел от придворных «партий» знати и управлять ими не мог.

А когда царственный отрок превратился во взрослого мужчину, ему пришлось заниматься «перетягиванием каната», возвращая себе главнейшие рычаги власти.

Со второй половины 1550-х до середины 1560-х годов идет долгий, трудный и в конечном счете безуспешный процесс налаживания компромисса между государем и высшей княжеской аристократией. Царь желает вернуть себе власть в полном объеме, как было при его отце, Василии III. Княжата многое предпочли бы оставить себе, хотя и готовы кое-чем поступиться.

В первой половине 1560-х на головы служилой аристократии обрушиваются опалы и казни. Но

она все еще не торопится выпускать власть из своих рук. Высшие княжеские семейства не понимают, что оказались в изоляции: у них, помимо самого монарха, достаточно неприятелей среди не столь привилегированных слоев правящего класса — старинного московского боярства и второстепенных княжеских родов. Не говоря уже о неродовитом дворянстве, для которого вся эта «пробка» над головами, мягко говоря, не в радость…

И вот в 1565-м грянула опричнина.

Ее спровоцировали два неприятных события. Во-первых, тяжелое поражение русских войск во главе с «княжатами» в 1564 году. Во-вторых, бегство видного военачальника, князя Андрея Курбского, в Литву, к неприятелю.

Царь удалился в Александровскую слободу и отправил оттуда к столичным жителям два письма, сообщая о своем отказе от престола. Его уговорили вернуться на трон. Но по итогам переговоров между Иваном Васильевичем с одной стороны и служилой знатью и церковным священноначалием — с другой возникло странное учреждение — опричнина.

Что оно собой представляло? Что являлось главной его функцией?

Автор этих строк видит в опричнине военно-административную реформу, притом реформу не слишком продуманную и в итоге неудавшуюся. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить систему управления — и в первую очередь управления вооруженными силами России, сделать их полностью и безоговорочно подконтрольными государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Формально государь «владел» всей страной. На деле же он мог править лишь посредством весьма узкого слоя аристократов, а среди них ненормально много властных полномочий и привилегий получили знатнейшие «княжата» — всего десяток-другой родов.

Летопись подробно пересказывает государев указ о введении опричнины, и среди прочего там сказано:

«А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов, и поместья им подавал в тех городах с одново, которые городы поймал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно»[28].

Иван IV фактически создал себе «удел», как создавали в XIV–XV столетиях удельные области для членов Московского правящего дома. На территории этого «удела» царь завел свою армию и свою администрацию, куда не попал никто из первенствующих княжеских семейств. Что же касается персон, набранных для нового двора Ивана IV, — тех, кому предстояло занять высокие должности в опричной армии и системе управления, — то их богато обеспечили землей. Для этого пришлось согнать с многочисленных поместий и вотчин прежних землевладельцев.

Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным направлением опричнины. Но недовольство сотен или даже тысяч людей, пострадавших от опричной земельной политики, создало почву для острейшего конфликта. Очевидно, старинных родовых земель тогда лишали с большой жесткостью… Что ж, неприязненные

чувства к царю, решившему досыта напитать свое детище, понять можно. Не последние персоны в стране оказались лишены родовых владений, к которым приросли умом и сердцем, а потом отправились в места безлюдные, скудные, опасные, хотя и не совершили никаких преступлений. Первый же год существования опричнины взрастил массовое негодование против нее. Накалявшееся под спудом недовольство обиженных и беспощадное упорство царя рано или поздно должны были привести к большой трагедии… Со временем борьба против «измен» и «изменников» начала разрастаться, приобретая гипертрофированные масштабы. Но произошло это через три года после учреждения опричной системы, никак не раньше.

Итак, царь создавал новую политическую иерархию. Фактически он очищал огромную зону от всякого присутствия главнейших княжеских родов. Эта зона распространялась прежде всего на вооруженные силы «удела», а также на земли, отданные в опричнину и управляемые опричными служильцами. Появилась вторая Боярская дума — опричная. Многое государь Иван Васильевич доверил опричникам и в сфере дипломатии.

С течением времени опричная зона расширялась — и территориально, и как область государственных дел, и как военная сила. В 1568 году опричная боевая машина могла выводить в поле армию из трех полков. А в 1569–1570 годах — уже из пяти полков[29].

Для того чтобы это стало возможным, опричнина должна была получить мощную социальную базу. Так и произошло.

Несколько больших общественных групп оказались на стороне царя и опричнины. Как ни парадоксально, еще в ранней опричнине служило множество аристократов. Первое время этот новый политический уклад был настоящим благом для большой группы знатных людей.

Для тех же старых боярских родов, изнемогавших от господства княжат. В их число попали Плещеевы-Басмановы, Плещеевы-Очины, Колычевы-Умные, Салтыковы, боярин Чеботов, военачальник Волынский-Попадейкин, а возможно, и кое-кто из знатнейших Захарьиных-Юрьевых. Они сыграли роль столпов опричнины.

Для титулованной знати «второго ряда». Выходцы из этой среды могли в опричнине получить высокие чины быстрее, нежели в земщине, ведь из опричнины были исключены их главные соперники — первостепенные княжеские роды.

А какую позицию занял еще один общественный слой — худородное дворянство? Разве не было бы уместным предположить великую поддержку опричнины со стороны тех, кто ни при каких обстоятельствах не мог конкурировать со служилой знатью. Ни с княжатами, ни с отпрысками старинных семейств московского боярства. Полезно будет повторить и подчеркнуть: провинциальный «городовой» сын боярский (дворянин) или, чуть лучше, «выборный», то есть порой служивший в столице «по выбору», не мог рассчитывать ни на полковые воеводские чины, ни на место в Боярской думе, ни на должность приказного судьи, ни на высокие должности при дворе великого государя. Сын боярский «дворовый», то есть время от времени служивший при дворе монарха, кое-какие карьерные перспективы имел, но весьма незначительные. Вне опричнины на воеводские чины такие люди попадали исключительно редко. А на уровень командующего армией за всё полувековое правление Ивана Грозного «выскочил» один только Никифор Павлович Чепчугов-Клементьев — безо всякой опричнины, за счет выгодной матримониальной комбинации, обеспечившей поддержку влиятельной родни.

Опричнина всем этим людям — многим сотням и тысячам дворян! — дала шанс на возвышение. Попав в состав опричного двора или опричной военной иерархии, худородный дворянин мог впоследствии взлететь намного выше, чем позволяло его происхождение.

Складно получается? О да.

И сколь многие историки писали о том, как государь Иван Васильевич выдвигал «молодых», «талантливых», «худородных» дворян! Как он опирался на них «в борьбе с княжеско-боярской знатью». Как много доброго принесли эти люди своей службой России…

Однако исследования последних десятилетий показали: в опричных административной и военной иерархиях весьма немногие «худородные выдвиженцы» дошли до сколько-нибудь серьезных назначений. А общий состав опричного двора по степени знатности не столь уж сильно отличался от земщины.

Почему, собственно, царь должен был двигать наверх людей, которые в среде служилой знати и за людей-то не считались — так, собаки, нечто малость повыше холопов? Свои, конечно, русские, православные, но ведь собаки же. Куда им наверх? Почему царь, имея под своей рукой сколь угодно много опытных, способных, умных, поднаторевших в делах войны и управления аристократов, должен был черпать кадры для опричнины из этих людей, заведомо не имевших подобного опыта? Допустим, к середине 1560-х он мог приобрести недоверие к горделивым княжатам. Допустим, надежды на старомосковское боярство не оправдались: после нескольких лет опричнины эта группа оказалась то ли недостаточно сильной, то ли слишком самостоятельной. Тогда рука монарха могла потянуться к тем, кто попроще, пониже…

Самое время задаться вопросом: как царю выделить среди огромной массы простых служильцев именно тех, кто ему нужен? Выбор огромен. По-настоящему способных людей мало: худородных дворян сызмальства не учили ни воеводствовать, ни управлять землями, ни рассуживать судебные тяжбы.

Требовались особые случаи, позволявшие кому-то из них предъявить свои особые таланты великому государю. Показать себя во всей красе. Тогда в минуту острой необходимости Иван Васильевич вспоминал об «умной собаке» и ставил ее наравне с «людьми». Так, например, государь Иван Васильевич должен был высоко ценить служильцев, замеченных им во время зимнего 1562/63 года похода на Полоцк. Царь тогда лично возглавлял армию и мог поставить себе в заслугу приобретение богатого древнего города. Радость от большой победы, надо полагать, соединялась в его сознании с образами тех участников похода, которые отличились у него на глазах.

Очень характерна фраза из его послания Василию Грязному, как раз одному из «худородных выдвиженцев»: «Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам как это утаить), что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды. А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине — такие там в станицах езживали, а ты в станице Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили. И мы не запираемся, что ты у нас приближенье был. И ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим{6}, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали…»[30]

Сам царь гнушался «неродословным» отребьем. Но все же принялся «перебирать людишек».

Во время Полоцкого похода царь, как видно, отметил для себя в лучшую сторону нескольких дворян, не отличавшихся знатностью, то есть таких вот «охотников с собаками». Из числа участников «Полоцкого взятия» видными опричниками стали Михаил Безнин, Роман Алферьев, Игнатий и Михаил Блудовы, Василий Ошанин, Григорий Ловчиков, Иван Черемисинов. Что ни человек — то всё заметная фигура.

Но редко случались подобные счастливые совпадения обстоятельств. Да, опричнина предоставляла великий шанс, однако им смогли воспользоваться лишь считаные единицы «худородных», стремительно взлетевшие по лестнице служебных назначений. Может быть, полтора или два десятка.

Если же такому человеку удавалось счастливо пережить опричнину, он мог потерять высокое положение в постопричные годы. Так случилось со многими опричными воеводами. Побывав на почетных воеводских постах в годы опричнины, они скатывались потом до службы на уровне воинских голов. Немногие дожили до следующего царствования, оставшись на высотах власти. Но с 1584 года, когда скончался Иван IV, их ждала незавидная судьба. При царе Федоре Ивановиче аристократы полностью их разгромили за два года. К 1586-му последние крупные фигуры из числа неродовитых деятелей опричного посола были выведены за пределы высшего яруса властной пирамиды. Ко временам правления Бориса Годунова о небольшой группке «худородных выдвиженцев» уже и думать забыли: была и нету.

Но когда-то некоторые из них сыграли яркую роль.

Стоит, пожалуй, вглядеться в их судьбы.

Поднимались эти люди разными маршрутами. Чтобы сделать карьеру, им надо было показать по-истине выдающиеся способности к военному делу или дипломатии; если же подобных способностей не имелось, существовал иной путь — стать выдающимися палачами.

Так вот, не стоит смешивать тех, кто совершал восхождение по первому пути, с теми, кто пошел по второму. Это очень разные судьбы. И очень разный у них итог.

Наиболее известные люди из этого сектора опричных служильцев — Р. В. Алферьев, М. А. Безнин, И. Б. Блудов, К. Д. Поливанов, Г. Л. Скуратов-Бельский, Б. Я. Бельский[7], Г. Д. Ловчиков, род Грязных-Ильиных, род Черемисиновых-Карауловых. Их совсем немного! Дюжина… собак. Они тонут в окружении гораздо более значительных по знатности лиц и в опричной Думе, и в опричной военной иерархии. Отнюдь не они определяют лицо опричной военной машины и опричной администрации. Но они — хотя бы и в столь незначительном количестве — представляют собой живой прецедент: «худородные», «низкая кровь», «неродословные люди» прорвались к власти! Водят полки, командуют гарнизонами крепостей, заседают в Боярской думе, ведут переговоры с иностранными послами… Да, их мало. Однако это уже не единичный случай, не аномалия, а — политика. Система. Зародыш будущего, которое перевернет всё общественное устройство Московского государства.

А теперь хотелось бы повторить: «дюжина собак» поднималась к вершинам власти разными маршрутами.

Ведь и собаки бывают разных пород.

Есть цепные псы, которые охраняют хозяина, готовы облаять, укусить, а если надо — разорвать чужака, появившегося во дворе.

А есть волкодавы, приученные выходить с хозяином в лес — на крупного и опасного зверя.

Так вот, «путь цепных псов», то есть карателей, палачей, заплечных дел мастеров, прошли Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский (самая видная фигура на этом маршруте), Василий Грязной, Григорий Ловчиков и еще несколько персон, не столь заметных. А «путь волкодавов», иными словами, бешено работоспособных военачальников, дипломатов, администраторов, достался Михаилу Андреевичу Безнину, Роману Алферьеву, Игнатию Блудову и т. п.

Чтобы понять, насколько две траектории карьеры, допущенные для опричных парвеню, различаются между собой, следует всмотреться в биографии царских худородных фаворитов.

Вот история одного из них — Михаила Андреевича Безнина. Наверное, это самый яркий из «волкодавов».

Он был в близком родстве с другим большим человеком опричнины — Романом Васильевичем Алферьевым. Оба они в московской системе определения знатности далеко стояли от аристократических уровней. Но всё же это люди далеко не простые. Худородными они считались лишь в сравнении с теми же Басмановыми, Трубецкими, Темкиными. Они относились к старинной тверской «родословной» фамилии Нащокиных. Это семейство к середине XVI века невероятно расплодилось и утратило влияние, но все-таки не скатилось до уровня простых городовых дворян, хотя думных чинов при Иване IV до опричнины Нащокины не достигали.

Михаил Андреевич — фигура крупная, примечательная, о нем много писали в прошлом столетии. Он представляет собой пример опричника, прорвавшегося на высокую ступень власти и оправдавшего свой «скачок наверх» и честной службой, и основательной книжностью. Этот человек отличался бешеным честолюбием, но вместе с тем и значительными способностями к государственным делам, невероятной энергией, неустанной трудоспособностью, сочетавшимися с неистовым желанием пробиться наверх.

При его уровне знатности, учитывая даже принадлежность к старинному роду, возможностей осуществить честолюбивые мечтания просто не существовало. Требовался какой-то исключительный случай. Или новая иерархия, с большей вертикальной мобильностью.

Полоцкий поход зимы 1562/63 года дал первое.

Опричнина — второе.

В доопричных разрядах Михаил Андреевич малозаметен. В 1559 году мы видим его в головах на береговой службе, затем в той же должности он ходил с Ф. И. Мстиславским на Алыст и на Феллин в Ливонии[31].

Безнин проявил решительный характер во время переговоров с осажденным в Полоцке гарнизоном (февраль 1563 года) и тем, по всей видимости, угодил царю. После взятия города он был отправлен к архиепископу Пимену в Новгород с почетной миссией гонца, несущего весть о победе. Михаилу Андреевичу дали это поручение вопреки его очень скромному служебному положению: он числился на протяжении Полоцкого похода в дозорщиках, затем в есаулах[32].

А несколько месяцев спустя он уже участвует в переговорах с литовцами!

О полоцком эпизоде известно из официальной государственной летописи. На этом эпизоде стоит остановиться подробнее, поскольку он связан с иной линией в биографии Михаила Андреевича.

М. А. Безнин, помимо того, что делал карьеру военачальника и дипломата, был выдающимся литератором. Он в разное время стал автором самостоятельного летописного сочинения, воеводских «отписок»{8} и монастырских «приговоров»{9}, сделанных в особом, художественно-публицистическом стиле. Он же составлял опись книжного собрания Иосифо-Волоколамского монастыря (1591), а также, вероятно заготовку для повести о взятии Полоцка, попавшую

впоследствии в Лебедевскую летопись. Возможно, он также вместе с А. Ф. Адашевым принимал участие в работе над официальной летописью[33].

Пространное сообщение об осаде Полоцка известно по Лебедевской и Александро-Невской летописям, по Записной книге Полоцкого похода 1562—563 годов, а также другим памятникам разрядного типа.

Среди историков существует полемика по поводу того, кто был автором повествования о «Полоцком взятии». Ведь это весьма крупное и заметное произведение литературы — целая воинская повесть, куда вставлены официальные документы и послания. Тот, кто создал ее основу, — талантливый литератор середины XVI столетия.

Историк В. И. Буганов, исследуя разрядные памятники, без особых оснований приписал авторство Д. И. или И. С. Черемисиновым. Но тут концы с концами не сходятся. Ю. В. Анхимюк убедительно показал, что летописная повесть о «Полоцком взятии» первична по отношению к текстам частных разрядных памятников, на которые ссылается В. И. Буганов[34]. Иначе говоря, летописный текст — более ранний, он ближе к оригиналу, чем тот, что попал в разряды.

К этому остается добавить следующее: при том внимании Ивана IV, которое он уделял официальному царскому летописанию, в тексте летописной повести вряд ли могли быть искажены события, происходившие у царя перед глазами и при его активном участии. Искажения в разрядных документах, особенно в частных разрядных книгах[35], представляются более вероятными. Между тем Иван IV вел через доверенных лиц переговоры с полоцким гарнизоном. Никакие детали переговорного процесса не могли ускользнуть от царского пристального взгляда… Русского монарха представляли на «съездах» с литовцами в разное время Иван Черемисинов, Василий Разладин и Михаил Безнин. Дела польско-литовского гарнизона, защищавшего город, начали складываться скверно, как только русские привели в действие «тяжелый наряд» — осадную артиллерию, несколько опоздавшую к началу осады. Полоцкие укрепления оказались слишком слабыми, чтобы остановить совокупную мощь ее огневого удара. Переговоры давали осажденным передышку. По ходу переговоров 7 февраля 1563 года у русской стороны создалось впечатление, что представители полоцкого гарнизона Василий Трибун и Лукаш Халабурда специально медлят, затягивают процесс.

Далее в частных разрядных памятниках можно найти следующий текст: «И в те поря по государеву приказу приехал от дворовых воевод Михайла Безнин и учал говорити от воевод Ивану Черемисинову: “Прытко будет с полоцкими людьми дело, и они бы делали ранее, а не будет дела, и они бы розъехалися и государевым делом промышляли, а государевой рати про што без дела томитца”. И Иван Черемисинов Михайлу Безнину говорил: “Вы де молотцы молодые, смышляете битися, и ты поедь прочь, а дай нам с Лукашем поговорити о крестьянской крови, штоб кровь крестьянская не пролилась, про што пролитися крови крестьянской, нечто бы дело зделалось без крови”»[36]. Таким образом, создается впечатление, что мудрый Черемисинов одернул не в меру горячего Безнина, к тому же унизив его званием «молодца молодого» по сравнению с собой, старшим.

Странная коллизия! Ведь, как уже говорилось, в том походе Безнин получил полное одобрение царя. В виде особой милости его даже отправили гонцом с известиями о падении Полоцка. Учитывая этот факт, возвеличивание Черемисинова, к тому же идущее за счет унижения Безнина, действовавшего по воле командования и самого царя, выглядит неестественно.

В летописном варианте всё иначе. Длинная ремарка Черемисинова полностью отсутствует, а значит, именно Безнин выставлен в выгодном свете: он явился, чтобы поторопить не слишком

ретивого коллегу и произвести на литовских дипломатов впечатление своей решительностью[37]. Роль переговорщиков выделена столь отчетливо и характер их действий передан столь подробно, что это заставляет предполагать в одном из них автора записки, превратившейся затем в летописную повесть. С этой точки зрения гораздо более вероятным автором является Михаил Безнин, а не кто-то из рода Черемисиновых.

Но Черемисиновы, составляя или редактируя какой-то частный разрядный памятник, могли вписать туда несколько фраз от имени своего родича, Ивана Черемисинова. Почему бы не исправить негативное впечатление от его деятельности? Частный разряд — частное дело. Он к государственным документам не имеет никакого касательства. Его правят так, как потребуется хозяевам.

Наконец, последний аргумент в пользу авторства Безнина. Михаил Андреевич, как уже говорилось, — человек «книжный». В будущем он станет книгохранителем Иосифо-Волоцкой обители. Историки замечали у него особый литературный стиль и «писательский темперамент» — даже в тех случаях, когда он составлял деловые документы. Такого человека логично поставить на роль автора текстовой заготовки для царской летописи о полоцких событиях.

И Безнин, и его родственник Алферьев неоднократно назначались на воеводские должности в опричнине. Особенно Михаил Андреевич. Карьеру, как будет показано ниже, они делали и по военной, и по административной, и по дипломатической части. Так вот, вмешавшись в ход переговоров под стенами Полоцка, Михаил Андреевич, надо полагать, вытащил из пруда золотую рыбку. Иван IV, возглавлявший войско, оценил его слова. Оценил из-за отважного стремления «пить смертную чашу» с неприятелем — как тогда говорили. И впоследствии сделал Безнина одним из крупнейших деятелей опричнины.

Ворвавшись с несколькими фразами в поворотный момент военной истории России, великий честолюбец положил основание своей карьеры. На протяжении всей Ливонской войны у Московской державы не было ни одного столь же крупного успеха, как взятие Полоцка. Иван IV не без оснований видел в этой победе личный триумф: он присутствовал в войсках и лично руководил операцией от начала и до конца.

Безнин, как видно, чувствовал особое значение происходящего. И он сделал рискованный ход: ведь его могли засмеять, пристыдить, а то и наказать. Но Михаил Андреевич не прогадал. Государь видел его. Государь одобрил его. Государь запомнил его, а потом приблизил к себе…

Безнин служил в опричнине с года ее основания. И в первом же походе опричного корпуса (под Волхов, осенью 1565 года) он числится вторым воеводой опричной рати, шедшей из Белева; затем он появляется под Калугой осенью 1567 года — вторым воеводой передового полка[38]. Явный взлет карьеры! В 1569 году он поднимается еще выше: его назначают вторым воеводой в большом полку на Туле «после отходу опришнинских больших воевод». Через два года Михаил Андреевич отстраивает городские укрепления Москвы после великого пожара, разожженного крымцами Девлет-Гирея. А в 7080-м (скорее всего, с весны 1572 года) он уже стоит первым воеводой в Нарве-Ругодиве, что для человека его социального уровня — за пределами мечтаний[39].

У государя он, что называется, «в приближении». Знаком царской милости стало пребывание Михаила Андреевича на двух свадьбах высших людей царства. В 1573 году русский ставленник в Ливонии Магнус берет в жены девицу из рода удельных князей Старицких — государевой родни. А в 1580 году сам Иван IV женится на Марии Нагой. И там, и там Безнин — желанный гость. Он присутствует на торжествах «без чинов», в окружении людей на два порядка более

знатных.

Стоит напомнить, кем он был без опричнины, кем он был до опричнины: воинский голова, есаул. Иначе сказать, фигура малозаметная. А тут — такое возвышение!

Это очень деятельный, энергичный человек. Не боится службы, готов закатать рукава, когда надо, а если потребуется — выйти в поход против любого неприятеля. Для него страшнее остаться на задворках службы. Побывав на высотах власти, вновь оказаться никем, лишиться доступа к великим делам правления…

Люди бесталанные выпрашивали у царя хотя бы разовое почетное назначение на воеводский пост, чтобы повысить тем самым статус рода — ведь имя назначенного навсегда останется в разрядных книгах, и потомки смогут на что-то претендовать, поминая предка-воеводу! В отличие от подобного «живого балласта» Безнин был настоящим прирожденным полководцем. В армии он ценился высоко. Его ставили на воеводские посты много раз. Причем ставили на ответственных направлениях, против сильного врага, прежде всего татар. Его должности пахнут битвами, порохом, кровью. Это не человек свиты. Это серьезный военачальник.

После отмены опричнины его положение в армии изменяется к худшему. В январе 1573 года царь посылает его на штурм «пролома» в стене Пайды вместе с другими именитыми опричниками, а затем оставляет в небольшом завоеванном городе вторым воеводой[40]. Вскоре его переводят в ту же Нарву, где он недавно был первым воеводой, на роль… *четвертого* (!) воеводы.

Но уже в августе 1573 года Михаил Андреевич вернется в Пайду в чине *первого* воеводы[41]. Царь до крайности недоволен ходом дел на Ливонском фронте: большая русская армия потерпела жестокое поражение под Коловерью, какую-то оплошку допустили и прежние воеводы в той же Пайде: Василий Ошанин и Василий Пивов. Им на смену является Безнин с отрядом стрельцов и конными сотнями дворян. Царь направляет ему строгое повеление: «Идти ис Пайды под Колывань воевать колыванские места». Вскоре Михаил Андреевич шлет ему с гонцами «сеунч»: «По государеву указу под Колыванью был и колыванские места воевал и многих немецких людей побил, и языки поймал»[42]. Таким образом, Безнин отомстил за поражение под Коловерью и перехватил инициативу на театре военных действий. Иван IV богато наградил гонцов.

А Михаила Андреевича назначили вторым воеводой передового полка в русской армии, концентрировавшейся для защиты Нарвы и Раковора[43]. За боевые действия против немцев у Раковора зимой 1573/74 года Безнин, среди прочих военачальников, был награжден «четью золотого»[44]. Несколько месяцев спустя он опять отправляется в поход — на этот раз как первый и единственный воевода передового полка в армии, которая атаковала пригороды Таллина (Колывани). Итог: русское войско разорило местность под Таллином и сожгло городские посады[45]. Три года спустя тот же неугомонный Безнин, теперь воевода в Кореле, совершает удачный поход на шведов[46].

Как военачальник он предпочитает решительные действия, атакует, когда только возможно, и нередко добивается успеха.

Для того чтобы определить, каков статус того или иного монаршего выдвиженца в последние годы царствования, следует внимательно изучить разряд большого летнего похода на Ливонию 1577 года. Это очень подробный разряд, а за ним следует не менее подробное описание боевых действий. Иван IV, видимо, считал эту наступательную операцию большим стратегическим успехом. Ему действительно удалось поставить под контроль очень значительную территорию,

хотя на ней не было первостепенных городов и крепостей. К тому же очень быстро большая ее часть была потеряна. Но в данном случае важнее другое: походный разряд содержит имена всех сколько-нибудь значительных персон, состоящих в ближнем круге царя Ивана Васильевича. Ясен статус каждого.

М. А. Безнина перебросили в армию, концентрировавшуюся для удара по Ливонии, вскоре после того, как он нанес удар шведам. Летом 1577 года Михаил Андреевич числится есаулом в государевом полку, отвечает за сторожевую службу[47]. По понятиям того времени — невелика честь. Должность почти незаметная. Что ж, разве не ходил тогда Безнин в монарших фаворитах?

Ходил, очень даже ходил. Отдельная разрядная запись сообщает об особой службе М. А. Безнина, исполненной тем же летом по царскому указу. Перед началом большого похода из Пскова, где формировалось боевое ядро армии, вышел пятитысячный корпус. На две трети он состоял из служилых татар. Этот корпус совершил глубокий разведывательный рейд по территории противника. Подобная тактическая работа — как раз по Безнину. Михаил Андреевич — храбрец, задира, в какой-то степени — авантюрист. Ему милы стремительные, рискованные нападения на врага. Соответственно, его и назначают третьим воеводой передового полка, подчинив ему сотню конных дворян[48]. Когда основные силы русской армии вторглись в Ливонию, этой сотнею, после непростых переговоров, он занял город Невгин.

Из крупных служб Михаила Андреевича, последовавших за великим царским походом на Ливонию, выделяются боевые действия на том же фронте несколько лет спустя. Летом 1579 года Безнин ходил против «курляндских немцев» в составе небольшого трехполкового корпуса князя В. Д. Хилкова — как первый воевода передового полка. Для неприятеля этот удар оказался неожиданным и разорительным: «[Русская армия], перейдя тихонько реку Двину у Кокенгаузена, которым… московский царь овладел раньше, отбросив, благодаря неожиданности нападения, около 150 всадников курляндского герцога, находившихся в карауле по сю сторону Двины, и опустошив области Зельбургскую герцога Курляндского и Биржанскую Христофора Радзивила, поспешно вернулась за Двину»[49]. Корпус Хилкова действовал успешно, и воевод наградили золотыми монетами. Ясно видно, что на этот раз Безнин — второй человек во всем полевом соединении, после самого Хилкова. Ему, наряду с Хилковым, достается высшая награда —»золотой корабленый»[50]. Это английская монета «нобль» с изображением корабля. Она содержала около семи граммов золота и нередко использовалась в Московском государстве как аналог боевого ордена.

Осенью тот же корпус ходил на защиту Ругодива в Русской Ливонии.

В конце 1579-го или первой половине 1580 года Безнин оказался третьим воеводой в незначительном Зубцове[51]. Повышение это или опала? Не опала — определенно! Литовские войска действовали на землях Пол отчины и Смоленщины, угрожая атакой на царскую резиденцию в Старице. Зубцов прикрывал Старицу с запада. Соответственно, туда назначали тех, на чью твердость и отвагу надеялся сам государь. А лично для Безнина отправка в Зубцов обернулась очень большим везением. Михаила Андреевича удалили из корпуса Хилкова, доселе победоносного, незадолго до того, как полоса удач для корпуса закончилась. Князь Хилков, бывший командир Безнина, 21 сентября 1580 года потерпел тяжелое поражение от литовцев под Торопцом.

Чтобы заткнуть брешь, образовавшуюся в русском фронте, в октябре был срочно сформирован новый небольшой корпус. Его возглавил Фома Бутурлин, а вторым воеводой большого полка

ему назначили Безнина. Силы Бутурлина наступали в общем направлении на Великие Луки, и в русских источниках с необыкновенной лаконичностью сказано, что «…с литовскими людьми сходу им не было»[52]. Очевидно, наступление развивалось нерешительно или же закончилось неудачно: Великие Луки пали за полмесяца до поражения под Торопцом, и там находились значительные силы польско-литовской армии; корпус Бутурлина вряд ли был в состоянии причинить им урон. По иностранным источникам известно, что после сдачи Великих Лук и крепости Заволочье небольшие русские отряды вели боевые действия под Вороночем и в районе Холма. Но в обоих случаях операции имели весьма ограниченный масштаб и завершились неудачно: противник захватил и Вороноч, и Холм. Возможно, Бутурлин «скорым изгоном» совершил набег на Великолуцкую волость со стороны Холма, но ни к чему доброму это не привело.

В добавление к тактическим неприятностям на Михаила Андреевича пали огорчения иного рода. Безнин, с точки зрения служилых аристократов, оказавшихся в том же полевом соединении на схожих постах, вознесся слишком высоко. По окончании боевых действий ему пришлось претерпеть две тяжкие местнические тяжбы.

Зато в феврале 1582 года успех опять сопутствовал и русскому воинству, и воеводе Безнину. Тогда главные силы нашей армии столкнулись со шведами на Новгородчине и разгромили их под Лялицами. Михаил Андреевич, второй воевода передового полка, оказался в числе главных творцов победы. Вот что сообщает об этом славном деле разрядная запись: «Божиею милостию и Пречистыя Богородицы молением немецких людей{10} побили и языки многие поймал и; и было дело наперед Передовому полку — окольничему и воеводам князю Дмитрею Ивановичю Хварастинину да думному дворенину Михайлу Ондреевичу Безнину, — и пособил им Большой полк, а иные воеводы к бою не поспели»[53].

До конца царствования Ивана IV М. А. Безнин еще успел сходить вторым воеводой полка правой руки на взбунтовавшуюся «луговую черемису»{11}.

Легко увидеть: после отмены опричнины Михаил Андреевич сохранял положение воеводы до самой смерти Ивана IV. Он использовался как военачальник довольно часто, но самостоятельными соединениями ни разу не командовал. Безнина ценили как военачальника, но выше определенного уровня должностей ход ему был закрыт даже при самом покровительственном отношении со стороны государя.

Так воспринимал бы, наверное, судьбу Безнина его современник.

Но если всмотреться в его жизнь глазами далекого потомка, ею можно залюбоваться. У Михаила Андреевича, как сказали бы позднее, «биография

боевого генерала». Красивая биография. Он двигался по жизни от похода к походу, от сражения к сражению, от победы к победе… а не как Малюта Скуратов: от пытки к пытке, от казни к казни. Казалось бы, оба — незнатные дворяне, оба поднялись в опричные годы, оба полностью зависели от переменчивого благорасположения Ивана IV… Но какие разные судьбы!

Как администратор Безнин взошел на высокую ступень, получив в 1576 году чин думного дворянина. Его держали на высоких постах на протяжении многих лет. С точки зрения служилой знати, Михаил Андреевич свой карьерный потолок намного «перепрыгнул».

Чин следовал ему и на другом поприще. Михаил Андреевич становится видным дипломатом. По поручению царя он исполнял важную работу. Первые, еще весьма скромные роли на

дипломатической службе он исполнял в 1563–1564 годах[54]. Но как специалист по внешнеполитическим делам Безнин по-настоящему развернулся лишь под занавес царствования. Так, весной 1582 года Михаил Андреевич встречал римского посла в Старице, а в 1583 году он встречал уже английских послов. В том же 1583-м вел переговоры о размене пленных с послами Речи Посполитой. Двумя годами позднее в составе «великого посольства» ездил для заключения перемирия с Речью Посполитой (это было уже после кончины Ивана Грозного).

При государе Федоре Ивановиче влияние Михаила Андреевича быстро падает, несмотря на то, что он был когда-то дядькой при юном царевиче, теперь взошедшем на престол[55]. В 1584 году Безнин одерживает победу в бою с татарами на реке Выси, участвует в «утишении» восставшего столичного посада и дворян, но военная карьера его не клеится. Да и дипломатическая также постепенно сходит на нет. Служилые аристократы теснят его и ему подобных, постепенно отбирая у них высокие посты.

В первые месяцы 1586 года он еще — призванный на дипломатическую службу человек, задействован в переговорах с послами крымского хана и польского короля, но уже скорее как статист, чем в роли активно действующего лица.

И — всё. Точка. Конец пребыванию худородного честолюбца у великих дел.

Летом Михаил Андреевич постригся в Иосифо-Волоколамской обители[56]. Карьера его закончилась. Но и в стенах обители он искал приложения своей неуемной энергии. Ему хотелось играть серьезную роль и там. Ему хотелось деятельности. Он чувствовал, что его рано списали со счетов! И никак не мог успокоиться.

В монастыре М. А. Безнин (старец Мисаил), во-первых, составил краткий летописец, где зафиксированы его заслуги перед отечеством: победа над татарами, успокоение восставших в 1584 году…

Во-вторых, он стал строителем — вторым лицом после настоятеля (выше келаря, выше казначея!) и попытался провести крупную хозяйственную реформу. Старец Мисаил ввел принудительное кредитование монастырских крестьян, увеличил оброки, которые с них взимались{12}. Похоже, именно эта реформа вызвала крестьянские волнения 1593–1594 годов. Впоследствии Безнин поссорился с прочими монастырскими властями. В его неуемном предпринимательстве увидели, вероятно, источник лишних для обители проблем.

В 1595 или 1596 году старец Мисаил вынужден был перейти в Троице-Сергиеву обитель. Дожил он до преклонных лет. По крайней мере в 1598 году он еще был жив, поскольку подписал тогда грамоту об избрании царя Бориса Федоровича — в качестве представителя Троице-Сергиевой обители. К тому времени бывший опричник достиг возраста шестидесяти пяти — семидесяти лет, не меньше[58].

Нескольких слов заслуживает еще один видный опричник и близкая родня Безнина, Роман Васильевич Алферьев. В 1570—580-х годах Алферьев стоял при дворе весьма высоко. Он следовал тем же маршрутом «волкодавов», что и Михаил Андреевич.

Роман Васильевич появился в разрядах под 1553 годом — как стрелецкий голова в боевой экспедиции на «Луговую сторону» и «Арские места» — области недавно завоеванной Казанской земли. В 1558 году, во время одного из второстепенных ливонских походов, его назначили на очень скромную службу пристава у «черкасских князей» при служилых татарах. Во время большого похода князя И. Ф. Мстиславского на Феллин (1560) Алферьев числился

головой в большом полку — тоже невелика честь. После взятия Феллина Роман Васильевич остался там как один из воевод, командовавших русским гарнизоном. Это назначение — почетное, оно свидетельствует о том, что Алферьев отличился во время боевых действий. Два года спустя он назначается вторым воеводой в Невель. Оттуда, по царскому указу от 28 сентября 1562 года, Р. В. Алферьев командируется в состав огромной армии, предназначенной для взятия Полоцка; здесь он пребывает на должностях есаула и дозорщика. Поздней весной 1565 года он опять поставлен головой (а не воеводой) в большую армию, выступавшую к южным рубежам[59].

Таким образом, до опричнины Роман Васильевич пребывал на средних «офицерских» должностях, как сотни других дворян. Он не был особенно заметен. В опричнину Алферьев попал не сразу — в отличие от Безнина, оказавшегося там в первые же месяцы существования опричного боевого корпуса. Да и то на первых порах Роман Васильевич не поднимался выше привычной для него должности воинского головы.

Но в 1568 году он уже второй воевода передового полка в опричном корпусе под Вязьмой и Мценском. Под 7076 годом (видимо, весна 1568-го) Алферьев показан в разряде как третий воевода небольшого отряда опричников на одоевском направлении. Это уже заметное продвижение в чинах! Роман Васильевич — на подъеме.

Впрочем, хотя он и стоит выше, чем в доопричные времена, но всё еще играет довольно скромную роль в опричном воинстве.

Вскоре ему удается одержать крупную победу в местнической тяжбе, одолев князя Иосифа Гвоздева. К 1570 году статус Романа Васильевича в опричнине резко повышается. Р. В. Алферьева ставят командовать войском, занятым строительством города Толшебора «по Колыванской дороге»[60]. Выше этого в военной карьере он уже не поднимется[61].

Зато карьера дипломатическая удалась ему гораздо больше. Еще в опричные годы он возвысился до положения печатника{13} и впоследствии играл одну из ведущих ролей во внешней политике России, будучи думным дворянином. При Федоре Ивановиче Алферьев растерял все свое влияние, испытал царскую опалу и потерпел тяжелые поражения в местнических тяжбах[62]. Это естественно: по родовитости он намного уступал аристократам Рюриковичам, Гедиминовичам и старинным московским боярским родам; до определенного момента монаршая милость выводила его к вершинам власти, никак не соответствующим степени его происхождения, затем появился другой государь и благоволение было отнято; тут старым врагам оставалось только вспомнить прежние счеты с Алферьевым. Умер он в Царицыне под занавес 1589-го или в 1590 году[63].

Вот биография еще одного опричника, шедшего по «пути волкодавов».

Игнатий Борисович Блудов — представитель «опричной гвардии» и фигура, задействованная в армейской иерархии опричнины гораздо больше, чем Алферьев и Безнин: его отправляют на воеводские должности постоянно. Блудов располагал колоссальным опытом военной работы — большим, чем у кого бы то ни было из «худородных выдвиженцев» опричнины. Или даже так: чуть ли не самым значительным по всему командному составу ранней опричнины.

Историк С. Б. Веселовский считал, что этот военачальник «…был, по-видимому, выдающимся человеком и рано обратил на себя внимание царя»[64]. Действительно, иначе как замечательными способностями полководца Игнатий Борисович не мог подняться над тем уровнем служебных назначений, какой диктовало его происхождение. По словам В. Б. Кобрина, «Блудовы принадлежали к верхнему слою провинциального дворянства. В Думе не

бывали и в Государев родословец не попали, хотя и посылались в разные “именные посылки”. Так, Игнатий Борисович был настолько невысок в местническом счете, что стоял даже ниже весьма захудалого кн. Ал. И. Вяземского»[65].

До опричнины он уже бывал в воеводах — с 50-х годов XVI века: в марте 1555 года назван в разряде «почапским наместником», в 7067 (1558/59) году он годовал вторым воеводой во Мценске, а в 7068 (1559/60) году сидел воеводой в Карачеве[66]. Ему пришлось драться с крымцами в страшной битве на Судьбищах 1555 года, когда часть русской армии чудом отбилась от превосходящего неприятеля. Блудов тогда оказался в плену, но был выкуплен и опять встал в строй. В Полоцком походе 1562/63 года Игнатий Борисович должен был «за государем ездити»[67]. Возможно, тогда-то Иван IV и выделил эту фигуру как перспективную. А летом 1565-го, на пороге опричнины, незнатный дворянин назначен вторым воеводой полка левой руки в небольшой армии, развернутой под Калугой[68].

Это — заметное повышение.

Но происхождение провинциального дворянина не давало ему подняться на высшие ступени армейской иерархии; в местническом отношении он стоял слишком низко. Потолок Игнатия Борисовича в опричнине — назначение воеводой сторожевого полка под Тулой в 1569 году «после отходу опришнинских больших воевод»[69]. Это единственный случай, когда ему, опытнейшему командиру, доверили полк. В остальное время Блудова ставили главным образом вторым воеводой в полках. Очевидно, предполагалось, что человек со столь длинным шлейфом воеводских постов «подстрахует» менее опытных опричных командиров. На подобных должностях он четырежды ходил с опричным боевым корпусом к Калуге, стоял у Ржевы, отбивал Изборск в составе опричного отряда, приданного земской армии М. Я. Морозова, оставался «дежурным» воеводой в Слободе весной 1572 года[70].

Иными словами, Игнатия Борисовича охотно использовали как военачальника «второго ряда», но не спешили его возвышать, как возвысили того же Малюту Скуратова. Даже появление новой, опричной иерархии не позволило столь «неродословному «человеку — при всех его способностях! — совершить головокружительный карьерный прорыв…

Отмена опричнины дурно сказалась на карьере Игнатия Борисовича. Собственно, многие «худородные «опричники прошли тогда через понижение служебного статуса: воеводы становились головами, большие люди опускались до уровня дюжинных служильцев… Но И. Б. Блудов, благодаря незаурядному тактическому дарованию, в постопричные годы сумел, хоть и не сразу, восстановить прежнее свое положение воеводы. В сентябре 1576 года он получил пост воеводы в отряде, отправленном «по вестям» к Полоцку, а в 1580 году попал одним из воевод в Смоленск и участвовал там в разгроме большого литовского войска[71].

Он и погиб осенью 1580 года под Смоленском — отбивая литовцев. Смерть его не была напрасной: дела русских войск шли скверно, польский король Стефан Баторий брал одну крепость за другой, и всякий успех в борьбе с неприятелем, даже самый незначительный, считался на вес золота; так вот, тогда у Смоленска неприятель потерпел тяжелое поражение.

В опричнине служил также его брат Михаил Борисович. Он, очевидно, не обладал столь же выдающимся опытом и надежностью, как И. Б. Блудов. До весны — лета 1569 года его вообще не видно в разрядах на командных должностях[72], и лишь «Тысячная книга» сообщает о его службе по Воротынску, в числе детей боярских третьей статьи[73]. По всей видимости, только протекция брата позволила Михаилу Борисовичу получить чин второго воеводы в самостоятельном опричном отряде, отправленном к Великим Лукам летом 1569-го[74]. После

отмены опричнины он никогда не поднимался до уровня воеводских чинов и получал лишь малозаметные «именные» поручения. Например, «ставить сторожи «во время похода к Пайде зимой 1572/73 года, идти одним из голов в составе передового полка на «береговой» службе летом 1576 года[75].

Хотя Михаил Борисович никогда не возглавлял в опричнине ни полков, ни самостоятельных отрядов, да и вообще был невеликой фигурой, список его служб приведен здесь по одной причине — чтобы показать, сколь заурядные личности попадали в опричный боевой корпус на командные посты «по родству». В какой-то степени высокий чин М. Б. Блудова, полученный лишь однажды, мог быть своего рода компенсацией за долгую честную службу Игнатия Борисовича Блудова.

В опричной военной системе все трое — Михаил Безнин, Игнатий Блудов и Роман Алферьев — исполняли роль «рабочих лошадок». Все трое были подняты по воле государя намного выше, чем могли мечтать в предопричное время. Алферьев и Безнин начали местничать в опричнине и стали настоящими «рекордсменами» местнических тяжб после ее отмены, поскольку единственным для них способом удержать высокий статус являлось постоянное соперничество с высокородной знатью и апелляции к монаршей милости[76]. Блудов местничать не смел. Но у него и уровень притязаний, судя по занимаемым постам, не поднимался до честолюбивых планов этой двоицы.

М. А. Безнину, как местнику, принадлежит экстраординарное действие — в начале 1582 года он угрожал самому Ивану Грозному постричься во иноки после поражения на ниве местнической борьбы: «…искал своего отечества Михайло Безнин на Василье Зюзине. И, берегучи Василья, бояре перед Михайлом оправили тем, что Василья Зюзина дядя боярин Офонасей Щетнев был на Галиче намесник больши намесника боярина Михайла Тучкова, а ему, Василью, дана правая грамота на Петра Головина. И Михайло Безнин от тое боярской обвинки хотел постритца. И государь, розсмотря тово дела, Михайла пожаловал, велел дати на Василья правую грамоту»[77].

Тогда, при Иване Васильевиче, Безнин был нужен. И ради его способностей государь дал ему преимущество, хотя случай выглядел, по всей видимости, сомнительным. Многие местнические тяжбы, вершенные в опричное время, впоследствии не рассматривались как прецедент: слишком много было в них нарушений традиционной иерархии знатности.

Пока на троне оставался Иван Васильевич, было кому брать под свою защиту «худородных выдвиженцев». Но вот их общий защитник умер — и они перестали быть кому-либо нужны, не успев стать сколько-нибудь сильной и самостоятельной корпорацией. Их смели в мгновение ока…

В чем урок стремительного разрушения их карьеры? Наверное, так: Бог смиряет чрезмерно честолюбивых.

Конец 1560-х — середина 1580-х — золотое время Безнина, да и прочих «худородных». Михаил Андреевич постоянно играет серьезные роли в политике и на военном поприще. Он добился того, о чем мечтал. Как должен он смотреть на опричнину?

Да совершенно так же, как смотрели на нее Малюта Скуратов, Василий Грязной, Василий Ошанин, Константин Поливанов, Игнатий Блудов, Григорий Ловчиков, Роман Алферьев и иные люди их уровня. Они, надо полагать, денно и нощно молились за здравие государя царя и великого князя Московского и всея Руси Иоанна Васильевича. Ибо без него они были — пыль, а с ним, с его защитой, вознеслись на высоты заоблачные, даже в самых дерзких мечтах

нечаемые.

Выходцы из старинных боярских родов и без опричнины были большими людьми, хоть и не на первых ролях. Минула опричнина, и те, кто уцелел, не попал в опалу, не вызвал царского гнева, слишком приблизившись к огню высшей власти, сохранили высокое положение.

А вот для худородных, стоявших по «отечеству» намного ниже, опричнина сыграла роль манны небесной. Только мало ее было, и частички ее сумели ухватить лишь самые талантливые и самые жестокие изо всех. Кому-то (как тому же Безнину или превосходному полководцу Игнатию Блудову) Россия и через несколько столетий может сказать спасибо за добрую верную службу. О ком-то слова доброго не скажешь. Но и первые, и вторые готовы были на что угодно ради сбережения опричнины и своего личного в ней положения. А служилая знать, и в опричнине занявшая главные высоты, вряд ли вызывала у них особенное уважение. Худородные были своего рода «революционерами», радикалами. Им возвращение старого порядка ничего хорошего не сулило…

У нас часто говорят: «От века начальство тиранило народ, тянуло из него деньги и ничем не занималось! «Вот лучшее «оправдание» для современного начальства. Ведь если предки были сплошь никчемными руководителями страны, то нечего стыдиться потомкам, занявшим их места. Они бездельничали — так и нынешним не зазорно проводить рабочее время в праздности. Они брали взятки, так и преемникам их… Стоп!

А вот и неправда.

Среди людей, облеченных властью в громовые времена последних Рюриковичей, восседавших на престоле московском, многие были умны, деятельны, служили не за страх, а за совесть. Тогда Россия располагала настоящим «хорошим начальством». Строгим, энергичным, опытным, умевшим не щадить себя ради дела и грозным для врагов страны. Пример полководцев и администраторов Старомосковской эпохи — великий укор для ничтожества и подлости современной российской элиты.

Даже опричнина, собравшая множество злодеев, не стала исключением. В ее рядах с пустейшими лизоблюдами и карателями соседствовали талантливые и энергичные служильцы. Михаил Андреевич Безнин — безусловно положительный пример подобного деятеля.

Если бы так со всеми! Но вышло иначе. Безниных в опричнине оказалось совсем мало. Их и вообще-то вряд ли могло быть много: дворянская среда, не столь «книжная», как аристократическая, не столь привычная к управлению людьми, в принципе являлась скудной почвой для рождения великих полководцев и крупных администраторов. Да, безниных вышло из ее недр немного.

Никак не больше, чем Скуратовых…

Иначе складывалась судьба еще одного «худородного выдвиженца». Этот оказался ближе к «цепным псам»…

Константин Дмитриевич Поливанов принадлежал старинному роду, не попавшему в государственный родословец и известному лишь по частным. Этот род стоял очень далеко от воеводских назначений, и тем более думных чинов. Тем не менее Константин Дмитриевич, сопровождавший царя в его знаменитом походе 1564 года из Москвы в Александровскую слободу, был одним из доверенных лиц Ивана IV.

Летопись сообщает, что 3 января 1565 года «…прислал царь и великий князь из Слободы ко

отцу своему и богомольцу к Офонасию митрополиту всеа Руси с Костянтином Дмитриевым сыном Поливанова с товарыщи да список, а в нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству…»; с тем же Поливановым Иван IV отправил иную грамоту купцам «и всему православному крестиянству града Москвы», а в грамоте говорилось, что на купцов и других горожан, не относящихся к числу «служилых людей по отечеству», у него «гневу… и опалы никоторые нет»[78]. Можно сделать вывод: на заре опричнины царь доверял Поливанову наиболее ответственные дела, посвящал его в свои планы.

Константина Дмитриевича неоднократно ставили в опричнине на должности уровня полковых воевод и поручали иные крупные службы. Высшее служебное достижение Поливанова относится к 7076 (1567/68) году: его расписали первым воеводой в опричном отряде, отправленном к Мценску[79]. Другие крупные военные назначения К. Д. Поливанова в опричнине таковы: чуть позже под Мценском он был первым воеводой сторожевого полка, а в 1569 году под Калугой числился вторым воеводой передового полка.

Очевидно, Константин Дмитриевич обладал в глазах царя значительными заслугами: ему удалось «втащить» на высокие чины и своего брата Ивана, начавшего службу задолго до опричнины, но не попавшего ни на одно «именное» назначение[80]. Иными словами, совершенно незаметного человека.

После отмены опричнины звезда К. Д. Поливанова закатилась: высокие чины он более не получал, ходил в приставах и головах. Очень характерное назначение: в 1579 году его послали следить за тем, как из Пскова в Полоцк перетаскивают «пищаль» (в данном случае — тяжелое артиллерийское орудие) с именем «Свиток»[81]. Иными словами, он был в головах при единственной пушке. Очевидно, тем тактическим дарованием, которое было присуще Блудову, Константин Дмитриевич не располагал. А вот кровь на нем есть: он участвовал в погроме Северной Руси 1570 года. После завершения карательного похода К. Д. Поливанов остался в Новгороде еще почти на год, «правя казну» на монастырях, то есть под видом «штрафных санкций» просто вытягивая из братии материальные ценности[82]. В результате он, на пару с У. Безопишевым, вывез в столицу 13 тысяч рублей — громадную сумму.

Константин Дмитриевич Поливанов в какой-то степени принадлежал обеим линиям «худородного» дворянства, делавшего карьеру в опричнине, — и линии Михаила Безнина, и линии Малюты Скуратова. Он стал своего рода промежуточной фигурой: поднимался и за счет дельной службы, и за счет участия в карательных акциях.

С его-то истории жизни легче всего будет вернуться к Малюте Скуратову, а заодно и к прочим неродовитым дворянам, пошедшим в опричнине по пути «цепных псов». Ознакомившись с биографиями Безнина, Алферьева, Блудова, нетрудно понять: при Иване IV незнатный дворянин мог сделать большую карьеру, при этом не взявшись за ремесло карателя. Мог *не быть Малютой,* попросту говоря. Разумеется, ему пришлось бы проламывать путь к высоким назначениям на пределе сил и возможностей, не щадя себя, рискуя собой. Блудов вот, вернувшись в воеводы, голову сложил за отечество… Но возвыситься даже при очень высокой конкуренции стало возможным делом. Требовались лишь воля, энергия и способности. Душегубом становиться не требовалось.

Выходит, при Иване IV «неродословный служилец» избирал для себя душегубство как инструмент карьерного возвышения отнюдь не по необходимости. Нет. Лишь по собственному желанию и в результате осознанного выбора.

В конце концов, не все же обладали способностями Безнина и Блудова.

А наверх, к государю «в приближение», очень хотелось.

Глава третья. Ранние службы

Возвращение к судьбе Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского по прозвищу Малюта получится, наверное, парадоксальным. Ранняя опричнина, быть может, строилась без его участия.

На протяжении первых двух с половиной лет в истории опричнины его роль совершенно не прослеживается. Если сравнивать его с тем же Михаилом Андреевичем Безниным, сразу видно: Безнин-то летал выше. Безнин воеводствовал уже в самом первом походе опричного военного корпуса — осенью 1565 года. А вот Малюты там не заметно. Известны некоторые персоны, сопровождавшие Ивана Грозного в его походе к Александровской слободе, из которого и выросла впоследствии опричнина. Так вот, Малюту Скуратова в их числе никто не называет. Известны люди, занимавшиеся отбором опричных кадров «первого призыва» на государев двор и в армию. Но и тут Малюта не у дел. А уж среди чинов опричной Боярской думы его и подавно нет…

Где же он?

В распоряжении историков даже нет данных, свидетельствующих о том, что на протяжении 1565–1567 годов Григорий Лукьянович вообще служил в опричнине. Хоть кем-то. Хоть конюхом, хоть псарем. Возможно, он и попал в опричнину, возможно, он и служил при дворе государя Ивана Васильевича. Но даже если так оно и было (а доказать это в принципе невозможно), то чины его тогда были очень невелики, почти незаметны.

На протяжении 1565–1566 годов активно проявляют себя «отцы-основатели» опричнины, крупные ее деятели, воеводы. Их нетрудно разыскать по источникам.

Боярин Алексей Плещеев-Басманов с сыном Федором отлично видны.

Князь Афанасий Вяземский — тоже на виду.

Крупный опричный деятель Петр Зайцев виден. Блистательный полководец князь Дмитрий Хворостинин в источниках упомянут.

Даже люди помельче — тот же самый Михаил Андреевич Безнин из рода Нащокиных четко прослеживается как один из первых военачальников опричной армии.

Да много кто виден в ранней опричнине…

А вот Малюты нет.

Первые следы его пребывания на опричной службе обнаруживаются без малого через три года после учреждения опричнины.

В сентябре 1567 года большая русская армия под командованием государя Ивана Васильевича отправится на литовско-ливонский фронт. Государь намеревается бросить цвет русского воинства в решительное наступление. Его сопровождает многолюдная свита, — как это уже бывало и еще будет во всех случаях, когда Иван IV выезжал в действующую армию. Монарх едет в сопровождении «государева двора», обратившегося в «государев полк».

Именно с этого момента — не раньше! — можно судить об уровне служебных назначений

Григория Лукьяновича.

В «государевом полку», помимо «дворовых воевод», то есть командующих этим полком военачальников, назначены также «воеводы на посылку»; их отправляют для решения административных и частных тактических задач; ниже «воевод на посылку» стоят сменные головы — младшие командиры. Григорий Лукьянович поставлен в список «третьих голов»[83]. 0 худости его рода говорит окружение: рядом с ним, среди тех же «третьих голов», — Василий Грязной. О Грязном однажды высказался сам царь Иван Васильевич: по его словам, «чуть ли не в охотниках с собаками» служил этот человек у князя Ленинского. Так вот, Грязной в данном реестре стоит до Малюты, то есть, как тогда говорили, «честию выше». И Малюта не затевает с ним тяжбы «о местах», признавая, таким образом, старшинство Грязного.

Любопытно, в каких же тогда «охотниках с собаками «были Григорий Лукьянович и его род?

Собственно, среди старших (первых) голов видны люди с аристократическим родословием, настоящая служилая знать, хотя и второго ряда, — трое князей Вяземских, князь Иван Охлябинин, князь Дмитрий Хворостинин, да еще отпрыск старинного боярского рода Иван Плещеев-Очин. Во вторых головах числятся служильцы не столь видные, но всё же, как тогда говорили, из «честных» или «родословных» семейств. А в младших, то есть третьих головах, состоят лишь пятеро дворян, и всё это персоны заведомо худородные. Малюта поставлен предпоследним. «Отечеством» его превосходят не только Грязной, но также Иван Баушев и Василий Ошанин — фигуры незначительные. Ниже Григория Лукьяновича — только Роман Алферьев, о котором уже говорилось выше.

Любопытно: помимо Малюты нет ни единого представителя его рода. Сам он еще не имел достаточного веса, чтобы оказать родственную протекцию членам семейства. А родня Григория Лукьяновича явно стояла на государевой службе еще ниже, чем он.

Стоит припомнить, сколько лет было этому человеку, когда начался поход 1567 года. Самое малое — тридцать. А возможно, и больше. Как оценивать первое для него «именное» назначение, зафиксированное источниками, — одним из многочисленных сменных голов государева полка? Для его возраста — не карьера. Совсем не карьера! Это только первый ее знак.

Доселе не видимый человек стал… едва заметным. Не воевода и не один из старших голов. Но для рядового «дворового сына боярского» и это — неплохой результат. По роду, то есть «по крови», Малюте, его братьям и их потомству не положено подниматься выше. Разве что в виде исключения.

Пост сменного головы в государевом полку должен считаться либо результатом каких-то служебных заслуг, либо результатом родственной протекции. Кто оказал ее Малюте и оказал ли кто-нибудь вообще, определить невозможно.

Итак, до конца 1567 года Григорий Лукьянович и в опричнине — человек небольшой. Выше положенного по происхождению он еще не прыгнул. Однако это назначение сослужило Григорию Лукьяновичу добрую службу. Фактически оно явилось трамплином для стремительного возвышения.

Сам ход фантастического карьерного рывка выглядит странно и даже страшно. На протяжении нескольких лет после 1567-го источники не балуют упоминаниями о каких-то значительных службах Малюты. Опричнина в самом разгаре, а он по-прежнему незаметен на военных и административных должностях!

Одна маленькая «именная службишка», а потом — тишина.

Очень долго.

И вдруг с мая 1570 года Малюта — думный дворянин в опричной Думе[84]. А чин думного дворянина — это весьма высоко. Думные дворяне заседают рядом с боярами и окольничими, вершат вместе с ними великие дела государственные, решают крупные задачи по личному поручению царя.

Об этом стоит поговорить обстоятельно.

Древняя Боярская дума — времен Василия Темного, Ивана Великого да и Василия III — знала всего два чина: бояре да окольничие. Путь к обоим чинам был открыт исключительно для самых знатных людей Московской Руси. Выходцы из высокородных княжеских и старинных боярских родов могли претендовать на присутствие в Думе. Что же касается людей родословных, но принадлежащих второстепенным или «захудалым» аристократическим семействам, то для них попасть в Думу являлось делом до крайности сложным, почти невозможным. Персонам же с таким происхождением, как у Малюты, обретение «думного» чина могло разве что присниться в самом радужном сне.

В середине XVI столетия положение изменилось. Во-первых, появился чин думного дьяка — своего рода секретаря и редактора; думных дьяков брали из опытных «приказных людей», не имевших никакого отношения к аристократии. Во-вторых, утвердился чин думных дворян. И это — исключительно важное для политического устройства России нововведение. Когда государю требовалось дать место в Думе доверенному человеку, никак не проходившему даже в «окольничие» по критерию «отечества «, выдвиженцу давали чин «сына боярского, который в Думе живет». Формально он стоял «честию ниже» любого, даже самого молодого окольничего. А на деле у него появлялась возможность участвовать в заседаниях Думы наряду с боярами. Присутствие такого человека не задевало родовую честь служилой знати, поскольку он заведомо проигрывал аристократам по статусу. С другой стороны, монарх мог полноценно использовать способности своей креатуры.

Подобные назначения случались и прежде, например, при Василии III. Но происходили они весьма редко, нерегулярно. Скорее как исключение, нежели как правило. И только в 1560-х пожалования в думные дворяне пошли каскадом[85].

Думные дворяне получали высокие воеводские назначения, ставились во главе «приказов» — русских министерств XVI века, вели переговоры с иностранными послами. Что касается опричной Боярской думы, то в ней думные дворяне составили мощный и влиятельный сектор. После отмены опричнины думных дворян не стало меньше — царь до кончины своей пожаловал этот чин еще примерно десятку верных служильцев.

Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский оказался далеко не первым в этой череде назначений. Но он обрел особое благорасположение царя. Любопытно, что одновременно или почти одновременно с Малютой в думные дворяне вышли и его сослуживцы по «литовскому» походу осени 1567 года: Василий Грязной, Василий Ошанин, Роман Алферьев… Четверо из пяти «третьих сменных голов» в одной военной операции, не оказавшей никакого воздействия на ход войны.

Случайно ли это?

Ответ будет дан ниже.

А пока можно констатировать: Малюта вместе с иными «худородными» товарищами по той небоевой кампании вознесся небывало высоко.

Без сравнения с гораздо более поздними временами трудно объяснить, какую пропасть преодолел Григорий Лукьянович, прыгнув из сменных голов в думные дворяне. Если использовать военные звания советской эпохи, то он примерно за два — два с половиной года совершил переход из майоров в генерал-лейтенанты. Или, может быть, даже в генерал-полковники. Но поскольку «думные» чины не имели точного соответствия с чинами воинскими, то, наверное, правильнее будет сказать: из майоров в министры.

Из едва заметных персон — в политическую фигуру первой величины.

Фантастический, взрывной переворот в судьбе человека!

Выходит, в течение 1568—569 годов Григорий Лукьянович должен был оказать государю весьма значительные услуги… Во всяком случае, государь оценил его деятельность исключительно высоко. Малюта превратился в доверенное лицо Ивана IV, в персону, исключительно полезную для монарха. Где же он проявил себя?

На фронте?

Разряды, как и раньше, не упоминают в эти годы ни воеводу Скуратова-Бельского, ни даже воинского голову Скуратова-Бельского.

На дипломатическом поприще?

Работа наших дипломатов XVI века фиксировалась подробнейшим образом. Известны даже второстепенные личности, хоть как-то поучаствовавшие в ней при Иване IV. Тот же Безнин виден в полный рост!

Малюты — нет.

Возможно, ему доверили управлять какой-то жизненно важной отраслью государственной машины?

Нет данных и на этот счет.

Зато имеются совершенно определенные данные иного рода.

Это возвышение можно связывать с карательной деятельностью Григория Лукьяновича. Иными словами, он поднялся как «исполнитель». Попросту же говоря, как палач[86].

И тут сведений — хоть отбавляй.

Глава четвертая. Карательная работа

Возвышение Малюты Скуратова восходит к событиям зимы 1567/68 года.

Поход на литовско-ливонский театр военных действий, в котором участвовал и сменный голова Г. Л. Скуратов-Бельский, пришлось прервать еще до того, как русские войска пересекли литовский рубеж. Огромная армия остановилась на пол пути, так и не нанеся решительного удара по врагу. Она, в сущности, даже не соприкоснулась с неприятельскими силами. Воинские соединения были распущены, воины отправились по домам. Царь спешно вернулся

из Ршанского яма, где остановился поход.

Между тем царь давно жаждал решительного наступления. На успех операции делалась серьезнейшая ставка.

И… ничего.

У столь странного поворота событий было несколько причин. Во-первых, поход оказался скверно подготовлен. Не удалось отмобилизовать достаточного количества вспомогательных войск — так называемой «посохи». А те, кого смогли собрать, неудержимо разбегались. Продовольственное обеспечение оставляло желать лучшего. На эффект внезапного нападения рассчитывать не приходилось: выяснилось, что армия польского короля концентрируется для контрудара.

Во-вторых, и главное, царь получил весьма серьезные известия о готовящемся против него заговоре. Иван Васильевич встревожился, а потом разъярился.

В среде служилой знати возобновились разговоры о возможности «сменить» монарха, благо князь Владимир Андреевич Старицкий, потомок московских государей по прямой линии, был жив и здоров. В «Пискаревском летописце» это массовое настроение передано следующим образом: «И приставша тут лихия люди ненавистники добру, сташа вадити великому князю на всех людей, а иныя по грехом словесы своими погибоша. Стали уклонятися [к] князю Володимеру Андреевичу. И потом большая беда зачалася»[87].

Иностранные источники сообщают о том, что русская знать заключила соглашение с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Еще сложнее определить, в чью пользу он был составлен, если и существовал: князя Владимира Андреевича Старицкого или польского короля. Однако дипломатические документы того времени донесли до наших дней сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем.

Поляки предлагали князьям И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и боярину И. П. Федорову перейти на их сторону, причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и совместных боевых действиях против царя. Что это было? Масштабный военно-политический проект? Или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроигрышный вариант: либо удастся «подставить» лучших воевод Ивана IV, либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль «суперагента» в стане московского государя. Царь, в распоряжение которого эти послания попали, игру противника раскусил. От имени адресатов он отправил ответные письма, осыпая врага колкими насмешками.

Воля царя водила рукою И. П. Федорова, когда боярин писал ответное послание королю Сигизмунду II Августу. Среди прочего письмо содержало задиристые слова: «…Я уже человек немолодой, и недолго проживу, предав государя своего и учинив лихо над собственной душой. Ходить вместе с твоими войсками в походы я не смогу, а в спальню твою с курвами ходить — ноги не служат, да и скоморошеством потешать не учен. Так что мне в твоем государском хотении?»[88]

Государь ничуть не опасался за своих вельмож. Позднее он скажет представителю английской короны Энтони Дженкинсону: «Всё это — козни польского короля, сделанные с намерением… вызвать обвинения различных сановников… в измене»[89].

Для Ивана Грозного, с его артистической натурой, совокупность ответных «кусательных» посланий составляет прежде всего выигрышную «сцену»: речь центрального персонажа о гнусности злодеев, ему противостоящих. Царь вышел на сцену, произносил монологи, издевался над вражеским тупоумием. Красивая роль. Пусть не из тех, какие положено играть на котурнах, однако… едкий пафос ее пришелся русскому монарху по душе.

Но все ли письма удалось перехватить?{14} Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего. Несколько княжеских и боярских родов к тому времени «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Кашины, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым адресовались послания поляков, — не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, в тайне подготовить переворот? В отношении князей Мстиславского, Бельского и Воротынского подобного рода подозрения, скорее всего, беспочвенны: эти люди всю жизнь честно дрались за Россию, а Бельский и голову за нее сложил. Но вот у Федорова основания пойти на сотрудничество с поляками как будто имелись. Его держали голым в заточении в связи с расследованием событий 1546 года, и он во всем тогда повинился. Впоследствии И. П. Федорову пришлось отправиться в ссылку. Трудно забыть такие унижения…

Один польский агент прямо сообщал своему монарху, что московская знать «хочет перейти под его покровительство». Однако впоследствии он попался, был схвачен и посажен на кол.

Осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем сосредоточилась в Южной Белоруссии для противодействия наступающим русским полкам, но бездействовала. По данным польских ученых, там собралось 47 тысяч бойцов — огромная сила![90] С самого начала Ливонской войны поляки и литовцы не выводили столь мощной армии против русских. Откуда у польского короля появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в нашем лагере, возникшее в результате чаемого переворота, и разбить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович Федоров?[91]

Князь Владимир Андреевич предоставил царю список из тридцати знатных людей, склонявшихся к заговору[92], и, возможно, другие бумаги, способные скомпрометировать их как изменников. Заговорщики вроде бы планировали передать царя в руки поляков. Было ли это всего лишь намерением или чем-то более серьезным? Трудно сказать. Они могли рассчитывать на содействие своих многолюдных свит — слуг, зависимых людей, «боевых холопов». Иными словами, располагали серьезной военной силой. Князь Старицкий выдал их колебания в сторону нелояльности то ли непосредственно во время военного похода осенью 1567 года, то ли после того, как польская армия отступила от русских границ.

В середине ноября царь отменяет поход и распускает армию, так и не нанеся решающего удара. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее — при желании поляки могли устремиться в тыл наступающим войскам и даже отрезать их от Москвы. Он видит перед собой список людей если и не вступивших в заговор, то находящихся на пол-пути к этому. Он извещен о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. А отменив поход, он узнает, что армия Сигизмунда II Августа тоже отступает. Король ждал, не предпринимая никаких действий, очень долго. Русские полки давно разошлись по домам, а он не распускал войска. Польский монарх пребывал неподалеку от русского рубежа и в декабре 1567-го, и даже в январе 1568 года…

Это подтверждало худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения,

как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение поляков ясно показало — некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был или просто среди наших появился иуда, сказать невозможно. Но только никто никогда не собирал армий ради бездействия…

В результате разразилась настоящая буря. Расследование заговора поставило в центр его очень значительную фигуру. Это один из крупнейших землевладельцев боярин И. П. Федоров. Его разорили дотла, продержали в опале много месяцев, а потом пригласили к Ивану IV. Там, по велению государя, боярин должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Иван Васильевич, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получил ли все, о чем мечтал. А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму.

Являлся ли Иван Петрович Федоров изменником? Царь имел основания не доверять ему, однако до наших дней не дошло свидетельств, неопровержимо доказывающих вину воеводы. Невозможно дать ни твердый отрицательный, ни твердый положительный ответ относительно его истинных намерений.

Гораздо важнее другое.

Царь, еще недавно чувствовавший себя на пороге решительного разгрома Литвы, пребывавший в покое относительно верности своих подданных, вдруг увидел: нет ничего твердого под ногами! Земля опять колеблется! Ему самому и его семье грозят неведомые опасности. Обладая нервной, гамлетовской натурой, Иван Васильевич подвержен был скорым перепадам чувств. Он сам признавался в том, что несколько раз в жизни испытывал сильнейший страх за свою жизнь: например, во время московского бунта 1547 года или, скажем, пять лет спустя под Казанью. Иной раз он проявлял и недюжинную храбрость, достойно вел себя под неприятельским обстрелом, совершал поход вглубь вражеской территории… Но всякий раз его поведение оказывалось результатом эмоций — взрывных, мощных, слабо сдерживаемых. Что могло случиться в начале 1568-го? Очередной эмоциональный взрыв, достаточно сильный, чтобы до основания потрясти душу государя и помрачить ее, вызвал наплыв страстей. Неотвязный страх вызвал не менее ужасный гнев. А гнев явился причиной неистовой жестокости.

«Дело Федорова» имело страшные последствия. Кровавый вихрь закружился над Россией и не стихал в течение нескольких месяцев. Жизни человеческие переламывались, словно спелые колосья под ударами косы. Доселе опричнина цвела, теперь вызрел плод; по горькому вкусу его узнавалось многое.

Сам царь со свитой и отдельные команды опричников объезжали многочисленные владения Ивана Петровича и всюду устраивали казни, пожары, разорение. Погибли сотни людей, виновных лишь в том, что они состояли на службе у Федорова. В связи с «делом Федорова» в Москве и «по городом» опричники уничтожили немало высокородных аристократов. В числе жертв оказались опытный воевода князь Федор Иванович Троекуров и боярин князь Андрей Иванович Катырев-Ростовский, несколько выходцев из боярских родов Шейных, Колычевых и Лыковых. Пострадала верхушка приказного аппарата земщины: полетели головы дьяков и казначеев… Тогда же, видимо, погиб выдающийся военный инженер Иван Григорьевич Выродков. «Следствие» обернулось кровавой расправой, когда заодно с подозреваемыми предавали унижению и смертной муке невинных, в том числе женщин, слуг, детей.

Репрессии, которыми завершилось расследование «дела Федорова», превратили опричнину в аппарат грандиозной террористической деятельности. Об этом повороте в политике Ивана Васильевича впоследствии писал Джильс Флетчер: «И тех, и других по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судом или законом, продолжавшаяся семь лет, послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала достижению его цели, то есть истреблению дворян, ему ненавистных, коих в одну неделю только в Москве было убито до 300 человек{15}. Такие тиранские его поступки, направленные на всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли, как должно думать, от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из местного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он, вследствие худого положения дел, впал в подозрение, что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных»[93].

Флетчер конечно же рисует «русские ужасы», намекая англичанам на то, что и в их отечестве существует угроза тиранического правления. Поэтому он нередко использует беспросветно-черную краску. В действительности, как уже говорилось, первые годы опричнины не знали массовых репрессий. Однако теперь, в ходе расследования по «делу Федорова» или, если угодно, по делу о «земском заговоре», опричнина стала трансформироваться. В 1568 году ее административные прерогативы оказались значительно расширены, а карательные функции возросли многократно. Здесь англичанин не отступил от истины.

Расследование по «делу Федорова-Челяднина» началось зимой 1567/68 года и продолжалось более полугода. По всей вероятности, именно тогда Григорий Лукьянович и был впервые использован как каратель. В синодике Свияжского Троицкого монастыря есть указание, что под Калугой («Губин угол») разгром во владениях И. П. Федорова-Челяднина учинял именно Малюта[94]. Жертвами его отряда стали 39 человек.

Кто еще «поработал» в карательной сфере вместе с Малютой?

Григорий Дмитриевич Ловчиков, занимавший должность ловчего в опричнине, участник того же осеннего похода 1567 года. В вотчинах И. П. Федорова-Челяднина, разбросанных по Коломенскому уезду, его отряд перебил 20 человек[95]. Позднее Ловчиков погубил доносом своего покровителя — князя Афанасия Вяземского. Царь почтил Григория Дмитриевича, обеспечив выгодный брак его дочери: она стала женой родовитого князя-Рюриковича И. М. Шуйского. Кроме того, семейство Ловчиковых изрядно разбогатело и пошло в чины.

Другие участники разгрома родовых владений И. П. Федорова-Челяднина — князь Афанасий Вяземский и дворянин Василий Грязной. Сохранилось известие немецких дворян-опричников Иоганна Таубе и Элерта Крузе: «19 июля 1568 года в полночь послал он (царь Иван IV. — Д. В.) своих ближайших доверенных лиц, князя Афанасия Вяземского, Малюту Скуратова, Василия Грязнова, вместе с другими и несколькими сотнями пищальников; они должны были неожиданно явиться в дома князей, бояр, воевод, государственных людей, купцов и писцов и забрать у них их жен; они были тотчас же брошены в находившиеся под рукой телеги, отвезены во двор великого князя и в ту же ночь высланы из Москвы. Рано утром великий князь выступил со своими избранными словно в военный поход, сопровождаемый несколькими тысячами людей. Переночевав в лагере, приказал он вывести всех этих благородных женщин и выбрал из них несколько для своей постыдной похоти, остальных разделил между своей дворцовой челядью и рыскал в течение шести недель кругом Москвы по имениям благородных бояр и князей. Он сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек,

лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать. Бедный ни в чем не повинный деревенский люд, детишки на груди у матери и даже во чреве были задушены. Женщины, девушки и служанки были выведены нагими в присутствии множества людей и должны были бегать взад и вперед и ловить кур. Все это для любострастного зрелища, и когда это было выполнено, приказал он застрелить их из лука. И после того, как он достаточно имел для себя жен указанных бояр и князей, передал он их на несколько дней своим пищальникам, а затем они были посажены в телеги и ночью отвезены в Москву, где каждая сохранившая жизнь была оставлена перед ее домом. Но многие из них покончили с собой или умерли от сердечного горя во время этой постыдной содомской поездки»[96].

«Послание» Таубе и Крузе — скверный источник, слишком много в нем недоброжелательных эмоций, обиды, слишком много работало воображение немцев, слишком мало — их память и здравый смысл. Таубе и Крузе сначала добились от царя больших почестей, затем, как стали говорить в XX веке, «не оправдали доверия» и, опасаясь за свою участь, подняли мятеж, окончившийся неудачей. Им оставалось перебежать к полякам. Там дуэту пришлось отрабатывать «художества», совершенные на территории России (в том числе авантюрный проект подчинения царю всей Ливонии). У Таубе и Крузе имелись все причины для крайне отрицательных высказываний о стране и ее государе. Внимательный источниковедческий анализ обнаруживает в «Послании» фактические нестыковки и очевидную тенденциозность. Историк С. Б. Веселовский вынес ему справедливый приговор: «В… “Послании” мы находим очень мало достоверного, а их суждения о событиях не имеют никакой цены. В общем ни один сообщаемый ими факт, ни одно высказывание Таубе и Крузе не могут быть использованы в историческом исследовании без самой строгой критики и без проверки других, более достоверных источников».

Но сведения Таубе и Крузе о погроме 1568 года, к сожалению, подтверждаются другими источниками — как иностранными, так и русскими.

Во-первых, в начале 1580-х появились обширные синодики, рассылавшиеся в монастыри для поминовения тех, кто подвергся казни или просто бессудной расправе по воле государя. В них собраны сведения о 369 жертвах террора за период с зимних месяцев по лето 1568 года. В соответствии с рассказом одного позднего летописного памятника, вотчины боярина Федорова «огнем и мечем пусты соделаны, а нарочитых, согнав в одно место, порохом подорвали, а простой народ, жен и девок, погнали в лес нагих, и по многих срамех замучены»[97]. Примерно то же пишет князь Андрей Курбский, внимательно наблюдавший за опричными делами из Литвы.

Кроме того, существуют свидетельства Алессандро Гваньини, а также Альберта Шлихтинга. Первый из них опричнину знал понаслышке, издалека, пользовался чужими данными, а потому его свидетельствам полцены.

Второй — совсем другое дело. Немецкий дворянин, он служил на протяжении нескольких лет у придворного медика переводчиком и являлся, по всей видимости, тайным осведомителем поляков. Он оказался русским пленником в 1564 году, а бежал из России осенью 1570-го. Шлихтинг — гораздо более осведомленный человек и к тому же более точный в деталях. Вот его сообщение о репрессиях, связанных с «делом Федорова»: «Умертвив… воеводу Иоанна, его семейство и всех граждан, тиран (так Шлихтинг именует Ивана IV. — Д. В.), сев на коня, почти год объезжал с толпой убийц его поместья, деревни и крепости, производя повсюду истребление, опустошение и убийства{16}. Захватив в плен некоторых воинов и данников (а этот воевода Иоанн был очень богатый человек), тиран велел обнажить их, запереть в клетку или

маленький домик и, насыпав туда серы и пороху, зажечь, так что трупы несчастных, поднятые силой пороха, казались летающими в воздухе. Тиран очень забавлялся этим обстоятельством и воображал, что таким убийством людей он устроил себе подобие трофея и триумфа. Весь крупный и мелкий скот и лошадей, собранных в одном месте, тиран приказал рассечь на куски, а некоторых и пронзить стрелами, так что он не пожелал оставить живым в каком-либо месте даже и маленького зверька. Поместья и кучи хлеба он зажигал и обращал в пепел. Он приказывал убийцам насиловать у него на глазах жен и детей тех, кого он убивал, и обращаться с ними по своему произволу, а затем умерщвлять. Что же касается жен поселян, то он приказал обнажать их и угонять в леса, как скот, причем тайно были расположены засады из убийц, чтобы мучить, убивать и рассекать этих женщин, бродивших и бегавших по лесам. Такого рода жестокость проявил тиран при опустошении деревень и поместий Иоанна, воеводы Московского, а жену его приказал постричь и удалить в монастырь, где она и умерла. Таким образом уничтожил он род и все семейство столь великого мужа, не оставляя в живых совершенно ни одного его свойственника или родственника»[98].

Есть еще несколько иностранных известий о трагедии 1568 года. Но по степени точности данных и независимости суждений автора от прочих источников заслуживает внимания лишь высказывание еще одного немца-опричника, Генриха Штадена: «Великий князь приезжал из Александровой слободы в Москву и убил одного из первых бояр в земщине, а именно Ивана Петровича Челяднина: на Москве в отсутствие великого князя он был первым боярином и судьей, охотно помогал бедному люду добиваться скорого и правого суда; несколько лет он был наместником и воеводой в Лифляндии — в Дерпте и Полоцке. Пока он был наместником в Дерпте, немцы не знали беды, чтобы, например, великий князь приказал перевести их из Нарвы, Феллина и Дерпта [куда-нибудь] в Русскую землю…[Челяднин] был вызван на Москву; [здесь] в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур. Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них (опричников? — Д. В.) были тайно убиты»[99].

Главные источники тут, помимо «Послания» Таубе и Крузе, — Шлихтинг, Штаден и русские синодики убиенных. Они текстуально не зависят друг от друга, но одни и те же факты повторяются в них. Поэтому нет никаких оснований отрицать массовые опричные репрессии 1568 года.

Как уже говорилось, помимо Малюты и Григория Ловчикова к этой волне расправ приложили руку Афанасий Вяземский и Василий Грязной.

Судьба и деяния князя Афанасия Ивановича Вяземского, активно участвовавшего в разгроме федоровских владений, обсуждаться здесь не будут. Во-первых, автор этих строк уже написал когда-то краткую его биографию[100]. Во-вторых, нельзя исключать, что Вяземский не столько занимался душегубством, сколько материальным обеспечением душегубства. Обеспечивал поддержку, так сказать, «по хозяйственной части». В-третьих, князь был, что называется, «родословным человеком». Пусть он выглядел в аристократической среде фигурой второго, если не третьего сорта, но все-таки располагал хорошим старинным «отечеством». Малюте — не чета! А книга эта посвящена Григорию Лукьяновичу Скуратову-Бельскому и таким же, как он, «худородным» опричникам. Вяземский тут ни при чем.

А вот Василий Григорьевич Грязной и Малюта — одного поля ягоды. Оба родовитостью не отличались. А потому Василий Григорьевич, спутник и соратник Малюты по нескольким

карательным акциям, достоин нашего внимания. Он так же идет за Григорием Лукьяновичем (а первое время — впереди него) по «пути цепных псов», как Игнатий Блудов или, скажем, Роман Алферьев шествуют за Михаилом Безниным по «пути волкодавов».

Василий Григорьевич происходил из незнатного рода Ильиных, служивших когда-то владыке Ростовскому; а служба церковному иерарху говорила в XVI веке о весьма низком статусе дворянина. Грязной числился сыном боярским Алексинского уезда, бывал в ловчих при Старицком удельном дворе.

Родословная рода Ильиных гласит, что их предок вышел из «Виницейския земли» еще в XIV веке, а внук его, некий Илья Борисович, ходил в боярах аж при трех великих князьях московских — Василии I, Василии II Темном, Иване III Великом. В совокупности они правили более века, так что Илья Борисович выглядит, мягко говоря, недюжинным долгожителем. Потомки Ильи Борисовича ссылались на жалованные грамоты, подтверждающие его высокий статус, но самих грамот предъявить не могли. И в целом эта пышная история больше всего похожа на выдумку. В боярах, может, Илья Борисович и бывал, вот только не в великокняжеских, а в архиерейских, коим цена невелика[101].

Иван IV сделал Грязного приближенным, поручал ему крупные карательные акции. Впрочем, Грязной служил монарху не только как «исполнитель». Царю нравился его характер, он благосклонно принимал застольные шутки Василия Григорьевича.

Первое время протекцию на служебном поприще ему оказывали, вероятно, Ошанины — родичи Грязных, «…более удачливые в прохождении “лествицы” московских чинов»[102].

Трезво оценивая способности этого опричника, Иван IV долгое время не давал ему — как и Малюте — сколько-нибудь значительных военных должностей. Как выяснилось, вполне справедливо. Каратель, он и есть каратель. Навыки его «профессии» никак не связаны с воинской наукой. Вскоре после отмены опричнины Грязной поучаствовал в успешном штурме Пайды — рядом с опытными военачальниками М. А. Безниным и Р. В. Алферьевым[103], — а потом провалил разведку на донецкой окраине и попал в плен к крымцам. Там, на дальнем рубеже страны, рядом с ним не оказалось Безнина с Алферьевым… В армии его до такой степени не любили, что во время незначительной стычки с татарами отдали без боя неприятелю. Видимо, обычные служильцы крепко помнили опричные «подвиги» Грязного…

Государь Иван Васильевич обещал за него хану огромный выкуп — две тысячи рублей и выплатил всё сполна. Более того, царь согласился с тем, что пленник бывал у него «в приближенье», — потому столь значительный выкуп и оказался уместным. Но о роде и воинских качествах Грязного монарх отозвался пренебрежительно. Сам Василий Григорьевич превосходно осознавал полную свою зависимость от царского гнева и царской милости. Он дважды писал Ивану IV из плена, униженно отрицая всякое свое высокое положение у престола: «А величество [мое], государь, што мне памятовать? Не твоя бы государская милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки Бог, и мала и велика чинишь»[104].

Эти слова можно считать девизом всех «худородных выдвиженцев» Ивана Грозного. Ты, государь, как Бог…

Историк П. А. Садиков, посвятивший Грязному большую статью, писал о нем: «Это не “раб подлый и льстивый”, не “шут” и не “страдник”, а человек хорошего рода, придворный “в случае”, удалой в словах и на уме, человек, которому государева воля кажется Божьей и заменяет нравственные принципы, но который, наторевший в придворных интригах, понимает, что волю эту можно использовать, когда окажется нужным. Поэтому-то он и хитрый, и

рассчитывает, хотя и действует так, может быть, в значительной степени бессознательно, в силу привычки. Страстный темперамент, ловкость в шутке сказываются в том несомненном литературном даровании, которым отличаются оба дошедших до нас письма Грязного: легкий образный язык, живость и яркость красок и образов»[105]. Конечно, Садиков прав: Василий Григорьевич — страстная натура. И страсть он вкладывал, наверное, не только в «живость и яркость образов» на письме, но и в карательные акции. Крови за ним очень много. После Малюты Грязной — второй по значимости «исполнитель «государя Ивана Васильевича. Что же касается «хорошего рода», то историк, несколько раз заявив об этом, не сумел аргументировать свою точку зрения должным образом. Правильнее было бы говорить не вообще о «хорошем роде», а о том, какое конкретно место занимали Грязные-Ильины на лестнице местнических счетов. Ясно видно: они могли превосходить «отечеством» дюжинных «городовых «детей боярских, нижний слой русского дворянства, но при дворе занимали третьестепенное положение и не имели никаких шансов тягаться с аристократами. Род Грязных-Ильиных стоял на уровень ниже старинных боярских семейств Москвы и на два-три уровня ниже первостепенных «княжат». Лишь возвышение Василия Григорьевича, случившееся по милости царя, приблизило его к великим делам державы.

Василий Грязной, как и Малюта, возвысился из мелких фигур опричнины до статуса государевых приближенных после и вследствие репрессий, сопровождавших «дело Федорова». Вот они, «заслуги» Григория Лукьяновича и ему подобных персон. Вот он, фундамент его карьеры. Видя ужас Ивана IV перед земскими заговорщиками и ярость на них, такие люди, как Малюта, Грязной, Ловчиков, напросились к царю в добровольные помощники по палаческой части. Он, уступив душевному помрачению своему, дал голубчикам волю душегубствовать. А потом еще и наградил за щедро пролитую кровь. В нужный момент они проявили себя верными, на всё готовыми слугами монарха. Царь не знал, на кого опереться, опасался, что «земский заговор» охватил всю служилую аристократию. И тут ему подвернулись дельцы, бесконечно далекие по своему положению от знати. Сами, надо полагать, попросили роль злых псов при особе государя, а он обрадовался такой поддержке. Этими-то цепными псами аристократы побрезгуют, не пожелают приблизить к себе, к ядру заговора!

Выходит, им можно доверять…

Приблизительно в середине 1569 года пыткам и казни подвергся глава Пушкарского приказа земский боярин Василий Дмитриевич Данилов. Шлихтинг пишет о его участи без особенного сочувствия: «[Данилов] чинил обиды стрельцам, не выплачивая им жалованья. Было также несколько польских стрельцов, уведенных из Полоцка, которых тиран приставил к своим орудиям. Они из-за полученных обид убегают, во время бегства снова были схвачены и, привлеченные к допросу, объясняют причину бегства, что, мол, Василий отправил их в Литву. Узнав это, тиран зовет его к себе и велит пытать. Тот, не стерпев пытки, сознается в совершенном проступке. Тиран тотчас велит посадить его на телегу, привязать его к ней и ехать на лошади, у которой предварительно выкололи глаза, и гнать слепую лошадь с привязанным Василием в пруд, куда он и свалился вместе с лошадью. Тиран, видя, что он плавает на поверхности вод, воскликнул: “Отправляйся же к польскому королю, к которому ты собирался отправиться, вот у тебя есть лошадь и телега!”, — а тот, поплавав некоторое время, был поглощен водой»[106].

Этот эпизод не имел бы никакого касательства к повествованию о Г. Л. Скуратове-Бельском, если бы не один нюанс. Рассказ о смерти боярина Данилова известен в двух редакциях. Первая — Шлихтинга, вторая — Гваньини. Последний вводит Малюту в историю расправы над Василием Дмитриевичем.

Итальянец Алессандро Гваньини, никогда не бывавший в Москве и Александровской слободе,

не знавший опричных дел воочию, обыкновенно менее точен, нежели Шлихтинг. Чаще всего он попросту заимствует сведения у других авторов — то у польского хрониста Мачея Стрыйковского, то у того же Шлихтинга. Но в данном случае итальянец добавляет деталь, скорее всего, невыдуманную — не видно причин, по которым Гваньини был заинтересован измыслить такую вот подробность: «…слепая кобыла [с боярином Даниловым] поплыла на середину… стремительной, бурной реки. Сам же князь был зрителем, вместе со своими приспешниками стоя на берегу… чтобы видеть исход дела. После долгого плавания несчастная слепая кобыла подплыла к берегу. Но командир царских приспешников по имени Малюта Скуратов, чтобы доставить удовольствие великому князю, шестом оттолкнул от берега кобылу и всадника, и она снова была увлечена силой течения. Тут великий князь в восторге закричал: “Вот замечательный и прекрасный поступок!”[107].

К тому времени Малюта уже отлично знал, чем можно угодить государю. И при всяком удобном случае демонстрировал готовность порадовать монарха.

Осенью 1569 года Григорию Лукьяновичу и тому же Василию Грязному дали более ответственное поручение. Они предъявили царские обвинения удельному князю Владимиру Старицкому.

Неофициальный «Пискаревский летописец» в подробностях рассказывает о судьбе князя Старицкого и его родни: «Положил князь велики гнев свой на брата своего{17} князя Володимера Андреевича и на матерь его. И послал его на службу в Нижней, а сам поеде на Вологду. И побыв тамо и поеде с Вологды к Москве. А по князя Володимера послал, а велел ему быти на ям{18} на Богону{19} и со кнегинею и з детьми. И поиде с Москвы в Слободу и и[з] Слободы, вооружася все, кобы [на ратной]. И заехал князь велики на ям на Богону и тут его (князя Старицкого. — Д. В.) опоил зелием и со княгинею и з дочерью большею, а сына князя Василия и меньшую дочерь пощадил. А дал ею замуж за короля Ор[ц]ымагнуса{20} невелику, а к венчанию несли на руках… А сын князь Володимеров Андреевича князь Василей после отца своего был женат, а была за ним Мезецких княжна, а свадьба была в Слободе с великим срамом и с поруганием. А выслал ея [царь] за заставу в одной сорочке, и она ходила по деревням; нихто не смеет пустити; и тако скончалася. И князя Василия убил Володимеровича… А мать князь Володимерова княгиня Евдокея жила в горках на Белеозере в девиче монастыре у Воскресения. И послал [царь] по нее, а велел ея привести к Москве да на дороге велел ея уморити в судне в ызбе (в Судной избе? — Д. В.) в дыму. И положиша ея на Москве у Вознесения…»[108]

Что касается слов «на Москве у Вознесения», то они расшифровываются следующим образом: мать князя Владимира Андреевича погребли в Вознесенском Стародевичьем монастыре московского Кремля — усыпальнице женщин, принадлежащих Московскому правящему дому. Царская опала не отобрала у нее этой почести. Как-никак, она была замужем за сыном Ивана Великого! Из жизни княгиня ушла 20 октября 1569 года. По другим сведениям, ее не уморили дымом, а утопили с двумя спутницами-монахинями и прислугой в Шексне[109].

Был ли князь Владимир Андреевич виноват в заговорщической деятельности, не был ли, этого за отсутствием достоверных источников точно определить невозможно.

Версий несколько.

Русский автор XVII века дьяк Иван Тимофеев полагал, что князя Старицкого оклеветали, а царь этой клевете, не разобравшись, поверил: «Брат же бе ему двоероден по плоти… к нему же оклеветаху его рабы его, извет совершенна, яко желати ему, глаголаша, царства братняя

великаго жребия. Он же, на него разжен быв яростию, ят веру клевещущим, утвердив в мысли своей истинно бытии се, наученья лукаваго не позна и, яко лев… порази брата напоением смертным купно з женою и с сыном[{21}]: вси принужены быша испити смертные горести чашу от повеления руки его… рабов же всех дома его… различие умучи муками, женску же полу всяко наругаяся срамче»[110].

Наиболее подробный, хотя и бог весть насколько достоверный рассказ об искоренении семейства Старицких принадлежит всё тем же Таубе и Крузе. По их словам, некий повар, подговоренный ближними людьми царя, выдвинул против Владимира Андреевича страшное обвинение, будто бы тот предложил ему за 50 рублей отравить государя неким порошком.

Делу дали ход: «Повар был взят для вида к допросу. Порошок был признан ядом, и повара предали пытке, но так, что он не испытывал боли. К этому делу были привлечены ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи в качестве свидетелей, и все дело держалось в тайне, пока все не было приготовлено и выполнено согласно их желанию, и добрый, благочестивый князь, который ничего не знал о своем несчастии и близкой смерти, не был осужден. Великий князь написал ему… пусть направит он свой путь в Александровскую слободу; в Москатине, который отстоит в полумиле от слободы, ему будет приготовлен лагерь. Произошло так, как было приказано. Добрый князь, узнав это, выполнил все больше с радостью, чем с тяжелыми мыслями, ибо он не знал ничего дурного за собой, и отправился вместе с супругой, двумя дочерьми-невестами и двумя молодыми сыновьями[{22}] и со всеми бывшими при нем женщинами и челядинцами и прибыл в описанное место. Когда князь прибыл туда и это стало известно великому князю, велел он сказать ему, что вызывает его к себе рано утром на следующий день. Когда ночь прошла, рано утром великий князь вместе с несколькими тысячами людей оделся и вооружился, как будто бы он выступал против врага, велел напасть на то место, где был лагерь благочестивого князя, окружить его с шумом литавр и труб… Когда князь Владимир сам явился и остановился в соседнем доме, были посланы Василий Грязной с Малютой Скуратовым сказать ему, что великий князь считает его не братом, но врагом… Тотчас же был вызван повар, которого добрый князь никогда, быть может, и в глаза не видел, и хотя все дело было совершенно чуждо доброму князю, он скоро заметил, что все это подставное; тем не менее стал он доказывать жене и плачущим детям свою невинность… Великий князь (Иван IV. — Д. В.) приказал ему вскоре явиться вместе с супругой и детьми, которые, как только они появились, опечаленные и подавленные горем, бросились перед ним на колени и стали просить милости, во внимание к их невинности, и пощады их жизни и жизни их людей и обещали сделаться монахами и отшельниками до конца их дней, пока Бог не потребует их из этого мира… Жалостные речи и вызывающие жалость лица, тем более их полная невиновность, не отклонили великого князя от его решения и тиранства, но, наоборот, укрепили его в этом. Великий князь объявил, что, так как Старицкий покушался на его власть и жизнь и приготовил для него еду и питье с ядом, должен он сам выпить то питье, которое хотел дать великому князю, и тотчас же велел позвать благочестивого князя с женой и детьми и передать кубок прежде всего князю. Последний отклонил его и сказал жене: “Я должен, к сожалению, умереть, но не хочу все же убить сам себя”. На это жена его отвечала: “Милый, ты должен принять смерть и выпить яд, и это делаешь ты не по своей воле, но убивает тебя своей рукой тот, кто дает его тебе пить, и убивает, и душит тебя царь, а не какой-нибудь палач, и Бог, справедливый судья, взыщет с него твою невинную кровь в день Страшного суда”. Поэтому князь взял кубок, предал свою душу руце Божьей и выпил яд; князю сразу стало очень плохо, и через четверть часа он отдал душу Богу. Вслед за тем то же самое сделали его жена и четверо детей[{23}], которые все отдали свои души Богу на глазах у тирана и покончили с этим миром. Затем великий князь приказал привести к себе многих знатных женщин и других лиц женского пола и сказал им: они видят, как он наказывает своих изменников, и хотя они все также достойны смерти, но если они попросят милости, он им ее окажет. Когда они увидели

раздирающее душу зрелище, которое представлял их господин, и его полную невинность, им было словно ниспослано приказание Божие, и они воскликнули в один голос: “Ты, кровожадный убийца нашего благочестивого, невинного господина, мы не желаем твоей милости и гораздо лучше жить у Господа Бога на небе и кричать о тебе вплоть до дня Страшного суда, чем оставаться под твоей тиранской властью, поэтому делай, что хочешь”»[111].

Таубе и Крузе путаются в своем рассказе. То у них Иван IV заранее планировал «по закону и хитростью «погубить двоюродного брата, то он вспылил из-за того, что Владимира Андреевича слишком радушно приветствовали костромичи, когда он проезжал через их город, — ясности «Послание» Таубе и Крузе не вносит.

Датский дипломат Ульфельдт через много лет написал: «Лет девять тому назад, если не ошибаюсь, у великого князя возникло некое подозрение на своего единоутробного брата — подозрение в том, что тот задумал ему навредить и строит козни. Было ли это так — знает Бог. Итак, он (царь. — Д. В.) вызвал его к себе [и] поднес ему яд. После того как тот выпил его, он (князь Старицкий. — Д. В.) заболел и умер»[112]. Так возникает еще одна версия: царь убил брата по подозрению в «кознях»… Впрочем, достоверность известия датчанина вызывает сомнения: большей частью он извлекал сведения из слухов.

Ясности в этом деле нет.

Но в любом случае смерть Владимира Андреевича страшна. Уж очень не по-христиански выглядит умерщвление князя. Даже если он был виновен, чем провинились маленькие его дети? А мирные инокини, сопровождавшие княгиню Старицкую?

Можно предположить, что Иван IV «убрал» семью Старицких с доски большой политики, просто опасаясь Владимира Андреевича как «живого знамени «для любых заговорщиков. Если бы им удалось отстранить царя Ивана Васильевича от власти, то князя Старицкого рассматривали бы в качестве главного претендента на престол. Ну а убийство тех, кто оказался рядом с князем Старицким, — «акт устрашения». Любая связь с этим делом, любое слово, сказанное по поводу инцидента на Богонском яме неосторожно или невпопад, должны были ассоциироваться с неминуемой лютой смертью.

Любопытная деталь: как только Иван IV уничтожил Старицких, он взял на службу в опричнину родовитых аристократов, службой или брачными отношениями связанных с этой семьей. Так опричниками стали персоны высшей степени знатности: князья Пронские, князь А. П. Хованский, князь Н. Р. Одоевский, а также Г. Н. Борисов-Бороздин из старинного рода тверских бояр. После уничтожения Старицких многие люди могли быть объявлены причастными к их «делу», а оно основывалось на страшном обвинении: будто бы князь Владимир Андреевич покушался на жизнь Ивана IV. Таким образом, те, кого не тронули — не арестовали, не сослали, не казнили по «делу» Старицких, — должны были с удвоенной силой «отрабатывать» монаршую «милость». Опасности же они не представляли, поскольку лишились потенциального лидера.

С точки зрения интересов центральной власти государь Иван Васильевич, возможно, поступил со Старицкими рационально и прагматично. Если же руководствоваться христианской нравственностью, оценивая его поступки, то нетрудно различить исходящий от них запах серы.

В этом деле царю требовались подручники, не гнушавшиеся подобною «пахучей» работой. Василий Грязной и Малюта Скуратов, «проверенные» еще «делом Федорова», подошли в самый раз. Старшим был, кажется, Грязной: его первым упоминают в карательном тандеме.

Двое мастеров террора постарались на славу. Они работали не за страх, а за совесть: 9 октября 1569 года вместе с князем Старицким, его женой и старшей дочерью опричники убили на Богоне трех священников, дьяка Якова Захарьева, подьячего Василия Карпова, более двадцати человек свиты, а также несколько человек, ставших, очевидно, невольными свидетелями расправы. В их числе — ямской дьячок Горяин Пьямов, очутившийся не в том месте и не в то время[113]. Убийство всех этих людей — на совести Грязного и Малюты.

Еще раз, чтобы было понятнее:

Дети.

Свита Старицких.

Священники.

Монахини.

Слуги.

Случайные свидетели.

Женщины, коих раздели донага, а затем травили собаками и расстреливали из ружей.

Таков список жертв Малюты Скуратова и Василия Грязного…

Нет ни малейших оснований отрицать роль Малюты в убийстве нескольких десятков человек по «делу» Старицких. Иностранные и русские источники, независимо друг от друга, расходясь в деталях, в главном дают единую картину происшедшего. И нет никаких причин утверждать, что пострадали «только виновные», «только изменники».

Для Малюты участие в истреблении Старицких изменило многое. Если считать, что у карателей существует своего рода иерархия, то она напрямую зависит от иерархии жертв. А во всей России только царь мог считаться знатнее удельного князя Владимира Андреевича. Малюте дали пролить кровь Калитичей. Никакая другая кровь не была выше ее.

Это уже не безымянная дворня боярина Федорова. Это столкновение с человеком, стоящим бесконечно выше Малюты на социальной лестнице. К тому времени государь, как видно, крепко доверял Малюте, коли дал ему задачу подобного уровня. Выполняя ее, сам Г. Л. Скуратов не побоялся мести со стороны родственников семьи Старицких, а также людей, издавна связанных с Владимиром Андреевичем служебными отношениями. Следовательно, чувствовал полную поддержку царя.

Малюте в его карательной иерархии дали повышение…

А вот еще один важный штрих к пониманию карьеры Григория Лукьяновича.

Митрополит Филипп оказался самым последовательным, самым мужественным и самым влиятельным противником опричнины. Он осмелился принародно обличать опричнину и отказывать царю в благословении. Глава Русской церкви просил Ивана IV отказаться от сего политического нововведения.

Его «дело» сыграло роль точильного камня, на котором заострялась преданность виднейших опричников государю.

На Филиппе оступился поистине великий человек — Алексей Данилович Плещеев-Басманов. Талантливый полководец, крупный администратор, он оказался в числе «отцов-основателей» опричнины. До поры до времени А. Д. Плещеев-Басманов поддерживал царя, действуя в интересах своего семейства, своей общественной среды. Именно он командовал группой опричников, арестовавшей митрополита прямо в соборе, а затем подвергшей его позору и поношениям. Но потом Алексей Данилович отступился от опричнины и пал ее жертвой вместе с родичами.

Против Филиппа поработал дюжинный мерзавец и карьерист князь Темкин-Ростовский. Этот опричник-аристократ то щедрыми посулами, то пытками вытягивал из иноческой братии Соловецкого монастыря, где прежде игуменствовал Филипп, клеветнические свидетельства против митрополита.

Наконец, в «дело» митрополита вступил главный «исполнитель» Ивана Васильевича — Малюта.

Житие святого Филиппа недвусмысленно сообщает: вожаки опричной свиты Ивана IV ходили к царю «воздвигать ков» против митрополита. Особенно старались двое — Малюта Скуратов и Василий Грязной. Они вступили в игру, имея прямой корыстный интерес.

Стоит представить себе, каково пришлось бы грязным, скуратовым и иже с ними, если бы Иван IV послушался митрополита Филиппа и решил отменить опричнину. Рухнула бы вся жизнь! Им пришлось бы вернуться в ничтожество, в бедность. У большинства худородных опричников судьба так и сложилась после 1572 года, когда царь, спустя несколько лет после кончины Филиппа, все-таки вынужден был сделать это. Бывшие воеводы опустились до уровня армейских голов. Земли, полученные за службу в опричном боевом корпусе, пришлось отдать прежним владельцам. Доходы резко сократились. Иными словами, сломалось множество карьер. Разумеется, в 1568–1569 годах, когда все эти молодые выскочки были на подъеме, слова Филиппа воспринимались ими как кость в горле. Они постарались сделать всё, чтобы очернить митрополита в глазах царя и отвести от Ивана Васильевича любые мысли о расформировании опричного двора с опричным войском.

Для тех, кто недавно поднялся «из грязи в князи», возможность примирения Ивана Грозного и Филиппа таила прямую угрозу. Главной заинтересованной стороной в новом скандале являлись именно они. Да и главными действующими лицами, включившими механику столкновения. Могли бы, так зубами бы загрызли старика-митрополита.

Филипп лишился кафедры и превратился в обыкновенного инока. Но… вдруг вернет великий государь смиренного монаха на прежнее место, вдруг опять приблизит его, вдруг послушается советов Филиппа? Опасный человек — простой ссыльный инок. У лукавых опричных фаворитов, голи вчерашней, имелись основания всерьез опасаться его.

Не хватало последнего мазка в картине чистой, белоснежной судьбы святителя Филиппа. Не хватало последнего мазка в картине страшного падения Малюты. Декабрь 1569 года завершил оба полотна: на территории Тверского Отроча монастыря Г. Л. Скуратов-Бельский собственноручно умертвил Филиппа, бывшего митрополита Московского.

Житие святого Филиппа донесло до наших дней картину расправы над 62-летним стариком. По словам Жития, «властолюбивый раб» Малюта, явившись и с лукавством «умильне припадая ко блаженному», испрашивал у Филиппа благословение для царского похода на Новгород Великий. Вскоре всей Северной Руси предстояло умыться большой кровью. Филипп, как видно, понимал, на что именно просят у него благословение. И решительно отказал Малюте.

Вместо благословения бывший митрополит, готовясь к скорой гибели, начал читать молитву: «Владыко, Господи Вседержителю! Прими с миром дух мой и пошли аггела мирна от пресвятыя славы своея, наставляюща мя усердна ко Трисолнечному Ти Божеству! Да не возбранен ми будет восход от начальника тьме со отступными его силами! И не посрами мене пред аггелы Твоими, и лику избранных мя причти, яко благословен еси во веки! Аминь!»

Как знать, что за судьба ожидала прежнего владыку, будь он сговорчивее. Как минимум сохранил бы жизнь. А там, быть может, и вновь возвысился бы.

Но Филипп — истинный монах, то есть человек для мира умерший, а значит, мирским соблазнам не подвластный. Поэтому и не дает он благословения, а произносит обличительную фразу, именуя «начальником тьмы» самого царя и отступниками — его опричное воинство. Но и это еще не все. Фраза «прими с миром дух мой» означает понимание страшного обстоятельства: в случае отказа благословить царя Филиппу уготована смерть. Следовательно, страшный посланник заранее изготовился к убийству. Услышав слова молитвы, Малюта «заял праведного уста подглавием», то есть задушил его подушкой. Убийство совершилось 23 декабря 1569 года.

Доподлинно не известно, давал ли царь Иван Васильевич распоряжение убить Филиппа или же акт душегубства был инициативой самого Малюты. Более правдоподобно второе. Но вот каковы факты: за смерть святителя Григорий Лукьянович не подвергался никаким наказаниям. Его ожидал лишь служебный рост…

Глава пятая. Слободской орден

В научной, научно-популярной и художественной литературе об опричнине так много сказано про таинственную опричную организацию, центром которой стала Александровская слобода! Создали эту организацию сам государь Иван Васильевич и его ближний круг. Год за годом появляются новые версии ее истинного происхождения, тайного предназначения и т. п. Год за годом ученые, писатели, публицисты пытаются разгадать, как могли соединиться в ней христианская молитвенность и кровавая террористическая деятельность. Ее по-разному оценивали, по-разному определяли главные ее функции и даже именовали по-разному. Автор этих строк предпочитает название «Слободской орден»: 90 процентов сведений об опричном братстве содержатся в «Послании» Таубе и Крузе, а там причудливое сообщество опричников именуется «орденом».

История Слободского ордена нерасторжимо связана с биографией Малюты Скуратова, занимавшего в нем один из главнейших постов. Поэтому Ордену следует уделить особое внимание.

Думается, полезно полностью привести всё то, что сообщают об Ордене Таубе и Крузе:

«Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны. Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху. Он, великий князь, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, все смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней.

Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего, монастырь или место, где это братство было основано, был ни в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имела свое местопребывание. Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе с обоими сыновьями (царевичами Иваном и Федором. — Д. В.) и пономарем. Рано утром в 4 часа должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас же появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подаются еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен к столу. После того как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытать или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву, продолжающуюся до 9. После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, за одной другую. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже чем до 12 часов ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены; этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за счастье, милость, святое и благое дело выполнить его.

Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками, которыми можно сбить крестьянина с ног, а также и длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть, даже еще длиннее, для того, чтобы, когда вздумается убить кого-либо, не нужно было бы посылать за палачами и мечами, но иметь все приготовленным для мучительства и казней. Он издал также закон и руководство для оценки, согласно которому все население должно было платить ежегодно, кроме всех остальных податей, по 180 талеров с 70 гаков. От этого, как и от других податей, как и от конной службы, опричники были освобождены»[114].

В разное время историки и публицисты считали слободское сообщество опричников то своего рода «сверхмонастырем», то, напротив, изощренным кощунством над православными церковными устоями и даже мистической организацией самого темного, чуть ли не

сатанинского характера. Я. Н. Любарский и С. В. Алексеев обратили внимание на некоторое сходство обычаев, заведенных Иваном Васильевичем в Слободе, с шутовским собором византийского императора Михаила III Пьяницы. Деятельность последнего освещается в широко распространенных церковно-исторических сочинениях, с которыми Иван IV, один из образованнейших людей России, непременно был знаком. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) находил опричное сборище истинно православным по духу{24}. А. Л. Юрганов увидел в опричном институте земную реализацию представлений русского государя о мучениях и «казнях», которые грешникам предстоит претерпеть в аду[115]. Высказывались догадки о сходстве Ордена с тайными инквизиционными трибуналами, то есть наследием Торквемады, а также с настоящими военно-монашескими орденами Европы. Предпринимались поиски связей между Слободским орденом и западноевропейскими эзотерическими организациями. Некоторые историки вообще сомневаются в достоверности сведений об опричном братстве. Как уже говорилось, Таубе и Крузе не отличаются точностью изложения. Но ничего другого, столь же подробного, о Слободском ордене в принципе нет. Приходится пользоваться этим известием, хотя достоверность его вызывает ряд сомнений.

Автор этих строк решительно отказывает в какой бы то ни было связи между христианством и ассасинами в монашеских одеяниях. Опричный орден имел две основные функции: охранять царское семейство и карать врагов монарха. Остальное — антураж.

За скудостью источников трудно определить, тянется ли в Слободу какая-либо эзотерическая ветвь из Европы и насколько возможно инициатическое посвящение в русских условиях того времени. Возможно, дело тут не в мистике и не в эзотерике. Царь, обладая артистической натурой и вкусом к театрализованным политическим представлениям, задолго до появления в России театра воздвиг для себя идеальную «сцену». При этом он мог и не иметь далекоидущих мистических соображений. Монарх использовал как «территорию лицедейства» храм — идеальную по тем временам площадку для театральных представлений, с отличной акустикой и роскошными декорациями. Ведь приказания по государственным делам отдавались им в церкви — зачем? По причине особенного монаршего благочестия? Не исключено. А возможно, из-за того, что государю они виделись частью «роли».

А в целом история опричного братства темна. Слишком мало информации о нем дошло до наших дней.

Итак, в Слободском ордене Малюта играл не вполне понятную роль пономаря, распределявшего «службы монастырской жизни» вместе с келарем — князем А. И. Вяземским — и самим царем. Вяземский, по всей видимости, выполнял в Ордене работу своего рода «завхоза»[116]. Иначе говоря, смотрел за имуществом. Для «пономаря» остается пригляд за «кадрами» — отбор наиболее преданных служильцев{25}, распределение охранной и карательной работы между ними.

Из иерархии Ордена, помимо самого игумена — Ивана IV — и двух названных персон более никто не упомянут. Следовательно, Григорий Лукьянович пребывал на самом верху странной организации в Александровской слободе.

Крайне сложно определить, когда именно возникло орденское учреждение опричников. «Послание» Таубе и Крузе, содержащее рассказ о Слободском ордене, появилось в 1572 году. Оба немца служили в опричнине до 1571 года, когда они подняли мятеж в Юрьеве, а затем бежали за пределы Московского государства. Итак, история Слободского ордена вряд ли относится к поздней опричнине. С мая 1571 года на протяжении нескольких месяцев Иван IV находился за пределами и Москвы, и Александровской слободы. Позднее Таубе и Крузе не могли наблюдать Слободской орден, так как оказались в Литве. Кроме того, один из

важнейших фигурантов Ордена, князь Афанасий Вяземский, в 1570 году попал в опалу в связи с расследованием «новгородского изменного дела» и выбыл из орденской братии. Он был отставлен от дел и подвергся преследованиям в середине — второй половине 1570 года. Позднее князь уже не мог быть «келарем» и «коллегой» Малюты по Слободскому ордену. Значит, Орден существовал раньше. Но конец 1569 года и первые месяцы 1570-го царь провел в большом карательном походе против Северной Руси — Новгорода, Пскова, Твери и т. п. Следовательно, история Ордена завершается не позднее чем во второй половине 1569 года.

С другой стороны, существование опричного братства не могло начаться ранее окончательного переезда Ивана IV в Слободу (вторая половина 1568 года). Историк Р. Г. Скрынников сделал, по всей видимости, справедливое наблюдение: «Пока [митрополит] Филипп сохранял пост главы Церкви, он не потерпел бы, чтобы опричные палачи разыгрывали кощунственный спектакль. Когда Филипп покинул митрополию, руки у Грозного оказались развязанными»[117]. Святой Филипп, митрополит Московский и всея Руси, был свергнут с кафедры осенью 1568 года, а отстранен от действительного руководства Церковью несколькими месяцами ранее.

Следовательно, речь идет о довольно кратком периоде: середина 1568-го — вторая половина 1569 года. Таковы самые широкие хронологические пределы. В реальности, вероятно, слободская опричная организация функционировала не столь долго. Время ее жизни могло составлять всего несколько месяцев или даже недель.

Фактически Слободской орден вырос из «расследования» по «делу» боярина И. П. Федорова-Челяднина. А Слобода, как видно, сыграла роль организационного центра, откуда карательные отряды расходились по своим маршрутам.

Можно назвать и ту церковь, где происходили собрания опричников с песнопениями. От времен Василия III и Елены Глинской государь Иван Васильевич унаследовал хорошо укрепленную загородную резиденцию с белокаменными палатами, тремя большими церквями — Покровской, Успенской и Троицкой «на Дворце», — а также маленьким под-колокольным храмом Святителя Алексия, митрополита Московского[118]. При Иване IV производится множество переделок, перестроек, строятся новые здания. В частности, к домовой Троицкой церкви «…была пристроена напоминающая дворцовую залу трапезная на погребе и подклете»[119]. Она-то и была, очевидно, местом сбора опричной братии. Вместе с «игуменом» здесь отстаивал длительные богослужения и Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский. Ныне этот храм именуют Покровским.

Так или иначе, возвышение Малюты в Слободской организации состоялось после того, как минуло нескольких лет существования опричнины. И, что не менее важно, Григорий Лукьянович получил шанс высоко подняться, лишь выполнив волю государя в качестве палача.

Немец-опричник Генрих Штаден, перечисляя лиц из опричнины, в наибольшей степени приближенных к монарху, назвал Г. Л. Скуратова-Бельского, а затем указал, что Малюта вообще являлся «первым в курятнике»[120]. Но к какому времени относятся эти свидетельства? Судя по контексту, у власти в опричнине тогда еще находились Плещеевы-Басмановы и Вяземский. Стало быть, восхождение Малюты произошло между концом 1567 года, когда Григорий Лукьянович получил именное назначение в государевом полку, и серединой 1570 года, когда Плещеевы-Басмановы и Вяземские подверглись репрессиям. Как раз тогда и «работал» Слободской орден.

Это еще раз подтверждает версию об источнике Малютиной карьеры: она куплена головами других людей и больше ничем.

В исторических песнях русского народа время от времени встречаются странные существа — «скурлаты немилостивые». Это верные слуги государей, всегда исполняющие их волю, не стесняясь, если придется, душегубства и жестокости. Надо ли расшифровывать, чье родовое прозвище стало колыбелью для слова «скурлаты»?

Здесь стоит ненадолго прервать жизнеописание Скуратова и задуматься: чем для него была опричнина? Как он глядел на нее? О, вот взгляд, хуже которого трудно что-то придумать: Григорий Лукьянович не располагал ни знатностью, ни командным опытом, ни великими ратными заслугами, а хотел наверх. И опричнина в глазах Малюты была местом торга, где он мог предложить государю чужую кровь за почести и возвышение. Сколь угодно много. Вернее, столько, сколько потребуется. На протяжении нескольких лет он выплачивал цену, а затем получил необходимый «товар» — чин думного дворянина. В будущем Скуратов повторит свои действия с неменьшим успехом. Система безотказно срабатывала в его пользу.

Ну и как такому человеку может не нравиться опричнина? Надо полагать, Григорий Лукьянович был просто влюблен в нее. Без опричнины, до опричнины он был никем, невидимкой. Высокородной знати, заседавшей в Думе, такие, как Г. Л. Скуратов-Бельский, виделись запечными тараканами, нисколько не выше. Автор этих строк предложил аналогию с «цепными псами» и «волкодавами», но в XVI веке ее вряд ли поддержали бы. Назвать «худородного» дворянина собакой — еще большая честь! Не всякий аристократ согласится. «Каликами» именовал князь Курбский «неродословных» выдвиженцев Ивана Грозного. Но и это еще, пожалуй, звучит милостиво, с оттенком снисхождения. Какие там «калики»! По рождению своему и социальному положению Григорий Лукьянович оказывался тараканом что для врага-Курбского, что для соратника-Басманова! И вдруг его равняют с величайшими людьми царства, поднимают до высоты думного чина, более того, ему дают попробовать кровушки знатнейших людей царства. Да Григорий Лукьянович, пуская эту кровушку, вешая, пытая, пребывал на седьмом небе от счастья!

С чем сравнить такое?

Хуже мог быть разве что Генрих Штаден — хитрый и жестокий немецкий наемник, назвавший Малюту «первым в курятнике». Ему повезло попасть в опричнину, повезло возвыситься в ней, но русская служба привлекала его лишь постольку, поскольку он мог обогащаться. Когда эти возможности исчезли, Штаден сбежал из России. Чувствуя себя в безопасности, он составил план вторжения в нашу страну и полного захвата ее немцами. Свой план беглец предложил императору Рудольфу II. Вот характерные отрывки оттуда: «В одной миле от него (Волока Ламского. — Д В) лежит Иосифов монастырь, богатый деньгами и добром. Его можно пограбить, а награбленное увезти в кремль»[{26}]. Далее: «Когда будет пойман великий князь, необходимо захватить его казну: вся она — из чистого золота… захватить и вывезти в Священную Римскую империю». Самого Ивана IV Штаден предлагал доставить в Германию, чтобы потом у него на глазах убить всех русских пленников, а над их мертвыми телами надругаться. «Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы — лишь грех один!»[121] Таким Штаден, не без труда унесший ноги из Московского государства, показал себя соотечественникам. Но каков же тогда он был на службе у царя, в опричнине? Вот его собственные воспоминания об участии в карательном походе на Новгородчину: «Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Мои люди устремились вовнутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные глупости…» Еще: «Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке… Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей». Еще: «Когда

я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра»[122].

Для кого-то опричнина — горе, а для кого-то — прибыльное предприятие.

К чему здесь помянут Штаден, ведь он чужак, немец, ему Россия — сплошь вольные хлеба и ничего другого? Но ведь и он опричник! Русский или не русский, а в опричнине он служил наравне с русскими, наравне с ними честно воевал, наравне с ними и душегубствовал. У него тоже был свой взгляд на опричнину. Из иноземцев не один Штаден попал в опричники. Там оказались и немцы, и татары, и выходцы с Северного Кавказа (князья Черкасские). Надо полагать, все они, покуда были в чести у государя, покуда им давалось многое, искренне радовались опричнине. Ведь она давала море возможностей безнаказанно набить мошну.

Генрих Штаден — очень неудобный автор. Многие хотели бы считать, что его тексты недостоверны, что он — сущий враль. В отношении опричнины Штаден сообщает такие подробности, которые либо страшны до умопомрачения, либо не укладываются в чьи-нибудь теоретические схемы. Штаден — живая черная глыбища, ворочающаяся в кромешной темноте, разнося в щепы то одно, то другое прокрустово ложе «нового осмысления» опричнины. Петербургский историк Д. Н. Алыииц посвятил специальную статью «развенчанию» Штадена[123]. Многие впечатлительные люди полагают: «Авантюрист, наемник, необразованный человек, да какие басни он там насочинял!» Но вот беда, с каждым годом всё больше обнаруживается свидетельств того, что Генрих Штаден весьма точен и в фактах, и в оценках. Да, он — авантюрист. Да, он — безжалостный и бессовестный наемник. Да, он — редкий подлец, если называть вещи своими именами. Сущая правда! Но всё это не мешает ему быть довольно точным рассказчиком. Одно ведь другому не противоречит. Темень в душе не губит ум, не лишает памяти и не отнимает способностей к последовательному изложению…

По сравнению с этим уродом, а также ему подобной публикой и Малюта хорош… Но только по сравнению.

Глава шестая. Опричный поход на Северную Русь

Шел декабрь 1569 года. Большая карательная армия устремилась в северорусские земли. После убийства святителя Филиппа произошло великое опричное разорение Новгородчины, досталось также Пскову, Клину, Твери, Торжку и другим городам земской Руси.

Самый конец 1569-го — первые месяцы 1570 года стали временем наиболее масштабной волны опричных репрессий: на этот раз погибло как минимум в десять раз больше народа, чем при «расследовании» по делу о «земском заговоре».

Вот скупые, но устрашающие слова псковского летописца, рассказывающего об опричном разгроме Новгорода: «[Царь Иван] прииде с великою яростию в Великий Новград, с силою, и плени Новградконечне, яко же и от начала не бысть над ним таково зла и не мощи изрещи сицевыя беды, еже сотворися над ним: первое, архиепископа Пимена взят и в заточение посла… и Святую Софею соборную церковь пограбил, и пойма чюдотворныя иконы корсунския и казну всю, драгие вещи пойма, и архиепископль двор и монастыри все и церкви пограбил, и всех людей. И многих православных умучи многими муками… глаголют, 60 ООО{27} мужей и жен и детей в великую реку Волхов вмета, яко и реки запрудитися… И сице бысть Великому Новуграду запустение»[124]. А вот еще одно летописное известие на ту же тему: «Меж Рожества и Крещения прииде царь и великий князь Иван Васильевич с великою опалою в Великой Новгород, и многия нарочитыя люди погуби, и множество много людей на правежи

побиено бысть иноческого и священническаго чина, и инокинь, и всех православных християн. И бысть туга и скорбь в людех велия, и святыя обители и церкви Божия и села запустеша»[125].

Что же Малюта? Он оказался в своей стихии. То ли ему было поручено возглавить «зачистку», то ли он возглавлял крупнейший отряд «исполнителей». В любом случае, Григорий Лукьянович сыграл поистине выдающуюся роль в трагических событиях зимы 1569/70 года.

Синодики репрессированных содержат знаменательное свидетельство: тогда отряд Г. Л. Скуратова-Бельского уничтожил 1505 человек; некоторых, для разнообразия, расстреляли из пищалей. Очевидно, кому-то хотелось изобразить подобие настоящих боевых действий с настоящим неприятелем. А может быть, опричные стрелки просто желали потренироваться. Ведь без долгой практики навык утрачивается!

Впрочем, свидетельства Шлихтинга и опирающегося на него Гваньини как будто позволяют дать случаю с расстрелом из пищалей иную трактовку. По их данным, помимо Новгорода и Пскова серьезный ущерб причинен был Торжку и Твери. Иван IV с карательным отрядом опричников «…учинил такое же тиранство, как и в Новгороде Великом: поубивал и потопил горожан, похитил все их движимое и недвижимое имущество. Храмы Божии он лишил золота и серебра; пятьсот литовцев и русских, которые были взяты в плен в крепости Полоцке и там же (то есть в Торжке и Твери. — Д В) содержались в тюрьмах, он приказал удушить и перебить. Девятнадцать военнопленных татарских вельмож, содержавшихся… в тюрьме, он приказал убить и для выполнения этого назначил начальником своего приспешника Малюту Скуратова. Татары же, узнав об этом и не ожидая ничего другого, кроме стоящей перед глазами гибели и жалкой смерти, пришли в отчаяние и твердо решили между собой защищаться, пока смогут. У каждого был скрытый в рукаве ножик. Когда вышеупомянутый Малюта ворвался к ним с прочими приспешниками, татары единодушно, как рычащие львы, начали энергично защищаться и каждый из них кинулся на предводителя приспешников Малюту с ножом. Хотя он был в кольчуге, они пропороли ему живот, так что вытекли внутренности. Татары, защищаясь, так ожесточенно сражались, что четверо из приспешников пали от страшных ран, а прочие отступили, не сделав дела. Когда великому князю донесли об этом событии, он тотчас послал пятьсот стрелков с пищалями и луками на помощь этим приспешникам против девятнадцати татар. Они были со всех сторон осыпаны стрелами и прикончены пулями из пищалей, и потом рассечены на части и брошены в реку».

Известие вполне достоверно, помимо, разумеется, фантастического числа стрелков: пребывая на службе у придворного медика Арнольфа (по другой версии — Лензея[126]), Шлихтинг, скорее всего, отлично знал, от каких ран тому приходилось лечить царских приближенных. Следовательно, татарских вельмож расстреляли вовсе не потому, что опричному командованию захотелось жестокой забавы. Просто отряд «исполнителей» во главе с Малютой не сумел с ними справиться врукопашную.

Ранение в живот Григорий Лукьянович получил, скорее всего, в марте 1570 года. Нет точных данных, когда именно карательная экспедиция добралась до Твери, но во второй половине февраля опричное воинство все еще грабило Псков[127].

Очень похоже на то, что пожалование думного чина Г. Л. Скуратову-Бельскому явилось «заслуженной наградой» за его неустанные усилия в карательной работе. И особенно — за ранение, полученное на этой службе от тверских пленников. В черновом наброске завещания, составленном летом 1572 года{28}, государь Иван Васильевич поучает сыновей: «А людей бы есте, которыя вам прямо служат, жаловали и любили, их ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат». Что ж, «прямой служилец» Малюта получил от него

«жалование» и «любовь» полной мерой.

Крайне сомнительно, что в Новгороде, Пскове, Твери и т. п. сложился какой-то чудовищный разветвленный заговор, требовавший столь масштабных карательных усилий. В конце 1567-го — начале 1568 года, когда царь вплотную столкнулся с угрозой «земского заговора», у него были серьезные основания тревожиться. Угроза, в той или иной степени, реально существовала. Что же касается северного карательного похода, то измены и заговоры, приписанные целым областям, имели фантомный характер.

До наших дней дошли документы, свидетельствующие о расследовании по «изменному делу» в Новгороде и Пскове. Из них, в частности, известно об обвинении «…наугороцкого архиепискупа… Пимена и… новгородцких дьяков… и подьячих… и гостей… и владычных приказных… и детей боярских… о сдаче Новагорода и Пскова, что архиепископ Пимен хотел с ними Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Владимира Андреевича».

Поздние новгородские источники донесли предание, согласно которому некий Петр Волынец злостно оболгал перед Иваном IV всю землю Новгородскую — архиепископа, дворян, купцов… Историк В. Б. Кобрин увидел в клеветнике дворянина Петра Волынского, прежде служившего князьям Старицким, а затем занявшего важный пост в Посольском приказе. Этот человек сам какое-то время находился под следствием: будто бы не донес про чужие «непригожие речи» о государе. Но репрессии он счастливо пережил, отделавшись испугом. Кобрин полагал, что именно П. Волынский помог царю состряпать «дело» о новгородской «измене» и тем самым избавил себя от расправы. Другой специалист, Р. Г. Скрынников, убедительно показал: версия о губительной роли Петра Волынского в разгроме Северной Руси не получила у Кобрина серьезной аргументации[128]. Думается, прав тут Скрынников. Красивая получается история о вынужденном злодействе Петра Волынского… вот только нужна ли была такая игрушка царю? Какое еще расследование требовалось спровоцировать? Требовался ли предлог для того, чем занимались государь и опричники в Северной Руси?

Характер действий опричного воинства в Новгороде, Твери, Пскове, Торжке, да и в других местах, нимало не напоминает следствие и наказание выявленных предателей. Ничего подобного! Это серия масштабных погромов, сопровождавшихся ограблением монастырей, городов и деревень, уничтожением имущества, убийствами виноватых и случайных людей без разбора, в том числе представителей духовенства. Опричники сказочно обогатились. На финальной стадии похода они перестали поддерживать хотя бы видимость организованной службы: многие разбрелись по богатым усадьбам земцев в поисках наживы и не явились на смотр, назначенный Иваном IV.

Допустим, даже такой вот сумасшедший способ наказывать всех за грехи некоторых еще можно было бы понять — не оправдать, нет, но хотя бы понять. Но… каким образом могли изменить царю и сдать Новгород военнопленные? А их истребили несколько сотен человек. В том числе татар, которые, видимо, пытались сдать Новгород полякам… сидя в Твери!

Ну а новгородский посад, что, имел какие-то возможности договориться с правительством Речи Посполитой о сдаче города? И откуда у посадских людей — ремесленников и торговцев — возьмется власть для подобного действия? Предположим, богатые купцы новгородские могли замыслить недоброе, а наказание досталось не только им, но и всем торговым людям города. Уже очень большая натяжка, но она еще как-то объяснима.

Но тогда придется еще объяснить, какую роль в «изменном деле» по связям с польской

короной и князем Владимиром Андреевичем Старицким сыграло крестьянство отдаленных сельских областей. Громили-то не только центры обширных земель, но и окраины. Деревни, села. Тот же Р. Г. Скрынников приводит факты: «Следы “набега” опричников можно обнаружить даже в самых отдаленных уголках Новгородской земли. Согласно ревизии, проведенной через год после разгрома в “черных” волостях Кирьяжского погоста под Корелой, немало крестьянских дворов погоста запустели после опричного погрома. Крестьян “опричники замучили, живот (имущество. —Д.В.) пограбили, двор сожгли”, “опричные замучили Ивашка, а скотину его присекли, а живот пограбили, а дети збежали от царева тягла”… “опричные кони и коровы… пограбили, и он осиротел и безвестно збежал”»[129], — и тому подобное. О, конечно же крестьяне, жившие под Корелой, между Ладожским озером и озером Вуокса, только и думали, как бы отдать свою землю… полякам. Желающие могут отыскать на карте Карельского перешейка бывшую Корелу, а ныне город Приозерск Ленинградской области. С картой будет понятнее, какая там могла завестись «измена» в пользу литовцев и поляков, находившихся за пол-Руси от глухих деревень под Корелой…

Весьма удачно высказался на этот счет историк Б. Н. Флоря. По его мнению, столь масштабный заговор, в который — судя по тому, что сказано в следственном деле, — оказались вовлечены социальные верхи Новгородской области и правительство Речи Посполитой, должен был отразиться в источниках. Прежде всего — в переписке короля Сигизмунда с ведущими литовскими политиками. «Подобных документов, — пишет Б. Н. Флоря, — сохранилось немало, среди них большое собрание писем короля Миколаю Радзивиллу Рыжему, виленскому воеводе и одному из первых лиц в Великом княжестве Литовском. Однако сведений о каких-либо контактах с Новгородом в этих источниках нет». Наблюдение исключительно важное! Ученый также отмечает, что Новгородчина не знала древнего родового землевладения княжеской знати. Тут жили в основном небогатые помещики, получавшие выгоду от Ливонской войны, — им давали новые земли в завоеванных областях. Иначе говоря, внешняя политика царя Ивана Васильевича их устраивала. Новгородские купцы также получили от государя большой подарок — возможность участвовать в прибыльной торговле через Нарву, завоеванную в 1558 году. «Все это дает достаточные основания для того, чтобы считать новгородский заговор вымыслом — резюмирует Б. Н. Флоря. — Исследователи… затратили много сил и изобретательности, чтобы выяснить, как и при каких обстоятельствах появился этот вымысел и кто был заинтересован в его распространении, однако до сих пор никакого определенного ответа на эти вопросы мы не имеем»[130].

Царь Иван IV — опытный политик. Он многое повидал на этом свете. Монарх, занимающий трон вот уже несколько десятилетий и вдруг попавшийся на удочку какого-то «вымысла», — явление редкое, странное. Можно сказать, неправдоподобное.

А вот создать подобный вымысел он имел все возможности…

Причина опричного нашествия на Северную Русь — совершенно другая. Нет оснований видеть в насельниках громадной области общее стремление отложиться в пользу инославного монарха. И не более того оснований полагать, что Иван IV искренне заблуждался, был обманут и т. п. Если произошла ошибка, то при чем тут военнопленные? При чем тут вообще Тверь и Торжок? Население Корельского уезда? Массовые надругательства в отношении духовенства? Грабежи? Определенно, причины карательного похода совсем иные. Ничего романтического, одна «проза жизни».

Вероятнее всего, карательная экспедиция на Северную Русь отличалась продуманностью и была совершена с двумя целями. Первой из них было пополнение казны. Второй — устрашение земщины. Может быть, устрашение стояло на первом месте.

Русский народ того времени, молодой, агрессивный, полный энергии, отличался от будущих поколений, живших в XIX и XX веках. Он был прежде всего намного «моложе» в цивилизационном отношении. И, следовательно, для русских того времени было естественным сопротивляться притеснению; в первую очередь это относилось к любому нарушению церковных устоев и любой репрессии против добродетельного архиерея. Печальная судьба митрополита Филиппа уже являлась достаточным основанием для бунташных настроений. Омерзительное отношение опричников к храмам и их безнравственное поведение могли сыграть роль мощных дестабилизирующих факторов. Некоторые свидетельства источников позволяют предположить, что активное вооруженное сопротивление опричникам оказывалось. В частности, Генрих Штаден, повествуя об убийстве И. П. Челяднина-Федорова и о разграблении всех принадлежавших ему вотчин, пишет: «Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены… Великое горе сотворили они{29} по всей земле! И многие из них были тайно убиты»[131]. Более того, по его словам, переезд государя в Александровскую слободу произошел под влиянием «мятежа». Позднее, во время царского похода в северные земли, в частности против Новгорода и Пскова, бои с опричными отрядами, по свидетельству того же Штадена, явно имели место. В. И. Корецкий полагал, что летом 1568 года произошло выступление московского посада, напугавшее Ивана Васильевича[132]. Автор «Пискаревского летописца» сообщает: «И бысть ненависть на царя от всех людей[133].

Страна отстаивала себя, она не желала молча сносить унижения. Новгородчина, весьма вероятно, могла превратиться в очаг наиболее активного сопротивления. Царь нанес ответный удар, стремясь подавить любые искры смуты, которую пришлось облечь понятным и привычным именем «измены».

Если проанализировать маршрут «северного похода», то станет видно, что опричная армия прошла добрую половину земской территории. Видимо, Иван Васильевич задался целью не только подавить волнения, но и провести масштабную акцию устрашения на возможно большей территории.

Что ж, с карательными функциями Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский справлялся превосходно. Во время карательного похода на Северную Русь он оказался незаменимым помощником Ивана IV. Мало какой человек, пребывая в здравом уме и твердой памяти, помня о Боге, взялся бы за такое злодейство. А Малюта не только взялся, но и выполнил его с большой основательностью.

В то время как Безнин воевал, подставлял голову под пули и стрелы, вел долгие трудные тяжбы с западными дипломатами, этот «специалист»… тяжко трудился, едва успевая пот отирать со лба, после того, как у очередного «подследственного» голова слетала с плеч.

И кто из них более достоин царской награды?

Тогда почему Михаил Андреевич Безнин получил тот же самый чин думного дворянина на шесть лет позже, чем Малюта? Когда уже и опричнины след простыл…

Научные, публицистические, историософские труды о временах Ивана Грозного наполнены полемикой: нужна ли была та бойня, которая обрушилась на Московское государство в 60—70-х годах XVI века? Оправданна ли она? Каковы ее реальные масштабы?

Ответы на первые два вопроса во многом зависят от ответа на третий.

Существуют заметки иностранцев — как тех, которые посетили Россию, так и тех, кто никогда

в нашей стране не бывал, — где названы умопомрачительные цифры: десятки, сотни тысяч жертв грозненского террора! Критический анализ этих источников заставляет задуматься о том, откуда авторы заметок брали информацию. Чаще всего это слухи, сплетни или, еще того хуже, «контрпропаганда» поляков, литовцев, немцев. В тех случаях, когда иноземец начинает вещать самыми общими словами об эпическом деспотизме Ивана IV, об ужасах его правления, как раз и появляются ни с чем не сообразные исчисления жертв. При описании массовых казней — например в Новгороде Великом (1570) или Полоцке (1563) — иностранным авторам изменяет чувство меры. Тут их фантазии нет предела, а реальной информированности не видно. В подобных случаях использовать иностранный источник — большая ошибка.

Но когда речь идет о том, сколько именно русских людей или царских пленников подверглось казни в какой-то конкретный день, при стечении строго определенных обстоятельств, уровень достоверности в записках иностранцев — заметно выше. В конце концов, те из них, кто присутствовал при расправе, могли очень хорошо и точно запомнить всё происходившее. Так, думается, показания Шлихтинга о казнях в Москве летом 1570 года весьма точны{30}. И ни отвернуться от них, ни проигнорировать их нельзя.

Что ж русские источники?

Самым важным из них являются синодики казненных. Именно они составляют наиболее серьезную документальную основу, по которой можно судить о размахе государственного террора. Конечно, они не полны. Во-первых, твердо известны жертвы опричников, не попавшие в синодики. В их числе — бывший митрополит Филипп, убитый Г. Л. Скуратовым-Бельским в 1569 году. Во-вторых, синодики охватывают период с конца 1564-го — начала 1565-го по ноябрь 1575 года. Те, кто погиб от казней раньше 1564-го или позже 1575-го, туда заведомо не вошли. Правда, и массовый террор не выходит за эти хронологические рамки. Наконец, в-третьих, синодики составлялись в последние годы царствования Ивана IV. Точнее говоря, в начале 1580-х. Их создатели работали без особого тщания, небрежно[134]. К тому же многие документы, касающиеся карательной деятельности, за полтора-два десятилетия могли быть утрачены.

А значит, синодики дают документированный минимум жертв государственных репрессий. Если присоединить к их данным достоверные сведения из других источников, итоговая цифра получится примерно четыре-пять тысяч жертв.

Реальное количество тех, кто пострадал от грозненских казней, больше. Но насколько больше — на 500 человек или на пять тысяч, определить невозможно.

Теперь стоит задуматься, сколь велика названная цифра — четыре-пять тысяч строго документированных жертв — для средневековой России? Мало это или много?

Если применять мерки XXI века, то цифра эта впечатлить не может.

Во время Смуты начала XVII столетия казнили очень много. Особенно после того, как было подавлено восстание Болотникова. Нещадно казнили разинцев, чему не приходится удивляться: они и сами вдоволь напились чужой кровушки. Большими жертвами аукнулась Пугачевщина… и т. д.

А XX век внес новые коррективы. Всего за несколько месяцев после изгнания врангелевцев из Крыма большевики казнили там более пятидесяти тысяч человек[135]. Стоит повторить: за несколько месяцев — в десять раз большая сумма жертв государственного террора, чем за все правление Ивана IV. О дальнейших «успехах» карательной машины в «стране советов» и

вспоминать-то не хочется…

В интеллигентской среде вот уже третий век циркулируют мифы об «извечном» деспотизме русского государственного строя и о его же «извечной» свирепости. Дескать, у «Большого медведя» лапы и морда вечно в крови.

И после блаженной памяти XX столетия подобное искажение нашей истории легко утверждается в массовом сознании. Вот уже несколько поколений с удивительной неразборчивостью принимают его на веру. Между тем оно абсолютно неверно. Никакой «вечной», «постоянной», «изначально присущей» склонности к массовым репрессиям в русской политической культуре не существовало.

Конечно же совершались казни по политическим мотивам. Конечно же случалось так, что в распоряжении палача оказывалось сразу несколько человек. Такое бывало и в XV веке, и в начале XVI. У нас (по древней византийской традиции) ослепляли политических противников, держали их в заточении, терзали тяжкими кандалами, отправляли на плаху… Например, осенью 1537 года регентша Елена Глинская повесила три десятка новгородцев — за открытое участие в мятеже князя Андрея Старицкого.

Всё это так. Политическая борьба на Руси отнюдь не принимала благостных розовых оттенков.

Но если спускаться от времен Ивана Грозного век за веком в колодец времен, то чем дальше, тем яснее будет становиться: Русь на протяжении нескольких веков не знала массовых репрессий. Нельзя сказать, чтобы они находились на периферии политической культуры. Нет, неверно. Массовые репрессии пребывали за ее пределами. Они просто не допускались.

Никакая «азиатчина», «татарщина» и тому подобное не втащили на русские земли пристрастие к такого рода действиям. Русь знала Орду с середины XIII века. Но свирепости от Орды не научилась. На войне, в бою, в запале, в только что взятом городе, когда ратники еще разгорячены недавней сечей, — случалось разное. Крови хватало. А вот по суду или даже в результате бессудной расправы, связанной с каким-нибудь «внутренним делом»… нет. Никаких признаков масштабного государственного террора.

Можно твердо назвать дату, когда массовые репрессии вошли в политический быт России. Это первая половина — середина 1568 года. И ввел их не кто иной, как государь Иван Васильевич.

Его современники, его подданные были смертно изумлены невиданным доселе зрелищем: слуги монаршие убивают несколько сотен виноватых и безвинных людей, в том числе детей и женщин! Несколько сотен. На тысячи счет пойдет зимой 1569/70 года. А пока — сотни. Но и это выглядело как нечто невероятное, непредставимое. Царь устроил настоящую революцию в русской политике, повелев уничтожать людей в таких количествах…

Для XVI века не четыре тысячи, и даже не 400, а всего лишь 100 жертв репрессий и то — слишком много. Далеко за рамками общественной нормы.

Поневоле возникает почва для вопроса: а не стало ли это государево нововведение результатом западноевропейского «импорта»? Политическая культура Западной Европы XVI столетия отличалась гораздо большей жестокостью, нежели русская. Масштабное пролитие крови стало для европейцев приемлемым из-за грандиозных столкновений на религиозной почве.

Торквемада появился на политических подмостках Европы задолго до Ивана Грозного.

За доброе десятилетие до опричнины королева Мария Тюдор принялась массами жечь

протестантов на землях «просвещенной» Англии. Как на грех, примерно тогда между Московским государством и королевством Английским были установлены дипломатические отношения. В Москве с интересом ознакомились со свежим политическим опытом недавно обретенных союзников…

Кровопролитные войны между католиками и гугенотами во Франции начались до того, как у нас появилась опричнина. Боевые действия шли на протяжении многих лет и сопровождались характерными инцидентами, например знаменитым побоищем в Васси.

Расправы шведского короля Эрика XIV над собственными подданными, особенно над аристократией, относятся к 1560-м годам, то есть они по времени фактически параллельны опричнине… но все же производились чуть раньше того самого грозненского «срыва» 1568 года.

Зверства нидерландских иконоборцев относятся к 1566 году. Накануне, так сказать…

Ответные зверства герцога Альбы в тех же Нидерландах начались во второй половине 1567 года. Впритык!

О, у государя Ивана Васильевича были отличные «учителя». Российская дипломатия, связывавшая царский престол со множеством престолов европейских, приносила Ивану IV ценные сведения о тамошних политических «новинках». Если Московское государство, с легкой руки первого русского царя, действительно заимствовало практику массовых политических репрессий у Европы, то это был опыт, требовавшийся русской цивилизации меньше всего.

Глава седьмая. «Кадровый поворот» в опричнине

Несколько месяцев длился разгром Северной Руси, произведенный на громадном пространстве. Но акция устрашения, охватившая добрую половину государственной территории страны, на этом не завершилась. На очереди стояла Москва.

Летом 1570 года в русской столице произошли массовые казни. Пик их пришелся на 25 июля. Источники не дают возможности четко определить, сколько подданных Ивана IV было тогда умерщвлено. Но в любом случае память об этой волне репрессий сохранилась надолго. По словам историка А. А. Зимина, «московскую трагедию лета 1570 г. помнило не одно поколение русских людей. В летописях, исторических песнях и повестях слышатся отзвуки страшных событий, происшедших на Поганой луже»[136]. Их даже связывали с грозными пророчествами юродивых.

«Поганая лужа» — местность, которую специалисты локализировали в разных районах Москвы. То ли это на нынешних Чистых прудах. То ли где-то в Китай-городе, близ Красной площади — может быть, даже на территории современной Красной площади, где она переходит в прежние китайгородские места. Вторая версия выглядит предпочтительнее: привести из арбатской опричной резиденции к Чистым прудам, то есть на окраину города, сотни пытаных-ломаных людей, едва держащихся на ногах, — дело трудное.

Сюда доставили персон, обвиненных по делу о «новгородской измене» и иных «изменных» делах. Царь и его сын Иван явились в боевом облачении, окруженные опричной свитой и невиданным доселе эскортом из полутора тысяч стрельцов. Они выслушали «обвинительное заключение» по нескольким сотням приведенных на казнь. Видя страх москвичей, собравшихся к пустырю («полому месту») на Поганой луже, Иван Васильевич ободрил их, как

умел. Разъезжая на коне, он милостиво сообщил жителям столицы, что прежде хотел погубить их всех, но нынче гнев свой уже «сложил». Затем монарх спросил у собравшихся, правильно ли он делает, истребляя изменников. Из толпы, стесненной вооруженными стрельцами, зазвучали нестройные похвалы «преблагому царю». Тогда монарх объявил о помиловании 184 осужденных. Их освободили.

На пустыре оставалось еще 100–150 человек. Им никакой милости не полагалось…

Вот скупые строки «Пискаревского летописца»: Положил царь и великий князь опалу на многих людей и повеле их казнити розными казнями на Поганой луже. Поставиша стол, а на нем всякое оружие: топоры и сабли, и копия, ножи да котел на огне. А сам царь выехал, вооружася в доспехе и в шоломе и с копием, и повеле казнити дияка Ивана Висковатово по суставам резати, а Никиту Фуникова, дияка же, варом обварити; а иных многих розными муками казниша. И всех 120 человек убиша грех ради наших»[137]. Действия царя воспринимались как мор, засуха или наводнение — «казни» Господни за грехи. К тому времени многие перестали видеть в монархе человека; в нем видели живое орудие мистической силы, которому Бог попустил совершение злого душегубства.

Иностранные источники указывают разное количество казненных 25 июля — в диапазоне от 109 до 130 человек. Синодик опальных, по разным подсчетам, свидетельствует о казни 125–130 человек.

Москва не знала такого никогда, от основания города. Бывало, прилюдно казнили одного или нескольких человек. Порой, к изумлению горожан, лишалась головы весьма знатная персона. Например, при Дмитрии Донском казнили Ивана Вельяминова из рода московских тысяцких. Во времена Василия Темного несколько дворян-заговорщиков поплатились жизнями за преступные намерения. Иван Великий повелел спалить немногих еретиков. Но за все 400 лет своей биографии великий город не удостаивался столь страшной резни, какая случилась летом 1570-го! За полдня больше сотни людей подверглись пыткам и казням…

Самыми знаменитыми жертвами стали главнейшие представители московской приказной бюрократии. Иными словами, чиновники, известные всей стране и обладавшие колоссальным влиянием. Вместе с ними лишились жизни несколько аристократов невысокого ранга. Но даже смерть князей А. Тулупова и В. Шаховского на фоне гибели столь крупных управленцев оказалась менее заметной.

Была ли у обвиняемых какая-либо связь с внешними или внутренними врагами престола? Точно сказать трудно. Источники просто не позволяют сделать категорические заявления на сей счет.

Но, во всяком случае, самые видные из них, стоя на плахе, заглядывая в глаза смерти и зная, что скоро придется давать ответ Небесному судии, объявляли себя безвинными. Весьма вероятно, они стали жертвами поклепа или же царского недовольства большой их самостоятельностью. Например, дьяк И. М. Висковатый, по словам Шлихтинга, незадолго до своей кончины пытался урезонить царя, уничтожавшего своих подданных направо и налево. Нет, Иван Михайлович не пытался воззвать к совести или христианскому милосердию государя, подобно митрополиту Филиппу, но обратился к его здравому смыслу. «Опасно, великий государь, проливать столько крови, — говорил он, — с кем ты будешь впредь не то что воевать, но и жить, если казнил столько храбрых людей?» Попытка убедить монарха в пагубности массовых репрессий окончилась безуспешно. Царь отвечал: «Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось… А если дело дойдет до крайности и Бог меня накажет и я буду принужден упасть

ниц перед моим врагом, то я скорее уступлю ему в чем-либо великом, нежели сделаюсь шутом в глазах моих холопов». Надо полагать, беседа настроила Ивана IV против дьяка и его ближайших сотрудников.

В отношении этих людей Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский редкостно «отличился» как пыточных дел мастер. 25 июля он собственноручно исполнял мясницкую работу.

Вот свидетельства иностранных источников.

Уже не раз упоминавшийся Шлихтинг пишет: «В праздник св. апостола Иакова тиран посылает телохранителей на площадь города Москвы. Они получили приказ вбить в землю приблизительно 20 очень больших кольев; к этим кольям они привязывали поперек бревна, края которых соприкасались с обеих сторон с соседним колом. Население города, устрашенное таким небывалым делом, начало прятаться. Сзади кольев палачи разводят огонь и над ними помещают висячий котел или рукомойник, наполненный водой, и она кипит там несколько часов. Напротив рукомойника они ставят также кувшин с холодной водой. После этих приготовлений на площадь города является со своими придворными и телохранителями тиран в вооружении, облеченный в кольчугу, со шлемом на голове, с луком, колчаном и секирой… Приводят связанными 300 знатных московских мужей, происходивших из старинных семейств; большинство их — о жалкое зрелище! — было так ослаблено и заморено, что они едва могли дышать; у одних можно было видеть сломанные при пытке ноги, у других руки. Всех этих лиц ставят пред тираном…» Первым выводят дьяка Ивана Михайловича Висковатого, долгое время возглавлявшего посольское ведомство России. Его хлещут плетью, зачитывая обвинения. Но Висковатый отрицает свою вину. По свидетельству Шлихтинга, Иван Михайлович ответил: «Великий царь, Бог свидетель, что я не виновен и не сознаю за собою того преступления, которое на меня взводят. Но я всегда верно служил тебе, как подобает верному подданному. Дело мое я поручаю Богу, пред которым согрешил. Ему я предоставляю суд, он рассудит мое и твое дело в будущем мире. Но раз ты жаждешь моей крови, пролей ее, хотя и невинную, ешь и пей до насыщения». Опричники убеждали его сознаться и покаяться перед государем, но тот стоял на своем. Висковатый бросил им грозные слова: «Будьте прокляты с вашим тираном, вы, которые являетесь гибелью людей и питухами крови человеческой. Ваше дело — говорить ложь и клеветать на невинных, но и вас будет судить Бог, и за ваши дела вы получите соответственные кары в будущем мире». Царь подал знак схватить его и привязать к бревнам, нагороженным посреди пустыря. Тогда и наступило время Григория Лукьяновича. «К тирану подходит Малюта с вопросом: “Кто же должен казнить его?” Тиран отвечает: “Пусть каждый особенно верный казнит вероломного”. Малюта подбегает к висящему, отрезает ему нос и садится на коня; подбегает другой и отрезает ему ухо, и таким образом каждый подходит поочередно, и разрезают его на части. Наконец подбегает один подьячий государев Иван Ренут (вероятно, Реутов? — Д. В.) и отрезает ему половые части, и несчастный внезапно испускает дух. Заметив это и видя, что тот, после отрезания члена, умирает, тиран воскликнул следующее: “Ты также скоро должен выпить ту же чашу, которую выпил он!” Именно он предполагал, что Ренут из жалости отрезал половые части, чтобы тот тем скорее умер. И Ренут сам должен был бы погибнуть смертью такого же рода, если бы преждевременно не погиб от чумы. Итак тело его, Ивана Михайловича, было отвязано и положено (на землю); голова, лишенная ушей и носа, была отрезана, а остальное туловище телохранители рассекают на куски»[138].

Сведения Шлихтинга о московских казнях, произведенных летом 1570 года, имеют особую ценность. Всего несколько месяцев спустя он сбежит из России и вскоре изложит свои впечатления от опричного террора на бумаге. Так вот, июльские события 1570-го зафиксированы Шлихтингом по свежей памяти, а это уменьшает вероятность серьезных

ошибок.

В документации Посольского приказа, относящейся к XVII веку, есть упоминание «дела», хранившегося там на протяжении нескольких десятилетий. Описание этого «дела» свидетельствует в пользу достоверности рассказа Шлихтинга. Слишком уж много фактических совпадений! Вот характерный отрывок оттуда: «Ив том деле многие кажнены смертью… а иные розосланы по тюрмам, а до кого дело не дошло, и те свобожены, а иные пожалованы. Да тут же список, ково казнити смертью и какою казнью… и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город, на полое место сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити»[139].

До наших дней дошла народная историческая повесть про купца Харитона Белоулина, родившаяся, скорее всего, на московском посаде. Специалисты знают ее в разных вариантах. Историк Д. Н. Альшиц приводит наиболее раннюю редакцию этой повести. И опять присутствуют, хотя и в несколько искаженном, «затертом» виде, реалии, близкие тексту Шлихтинга, но совершенно независимые от него: «На второй неделе по Пасце во вторник, в утре, по указу великого государя, на Пожаре{31}, среди Москвы, уготовано 300 плах, а в них 300 топоров и триста палачей… Московстии же князи и боляре и гости{32}, всякого чину люди, зрящее такую належащую беду, страхом одержими быша. Егда же бысть третий час дни, царь и великий князь Иван Васильевич, выехав на площадь в черном платье и на черном кони с сотниками и стрельцы, и повеле палачем имати по человеку из бояр и из окольничих, и из стольников и из гостей и из гостиной сотни по росписи именитых людей казнити. Людие же зрящее, наипаче в недоумении быша, понеже никакия вины не ведуще. Взяша же из гостиные сотни 7 человек и казниша их. Емше же осмаго, именем Харитона Белеуленева, и не могоша на плаху склонити, бе бо велик ростом и силен вельми. И возкрича ко царю рече з грубостию: “Почто, царю великий, неповинную нашу кровь проливаеши?” И мнози псари{33} пособили тем палачем и едва возмогоша преклонити. Егда же отсекоша ему главу и спрянувши из рук их глава на землю… труп же его скочи на ноги свои и начат трястися на все страны, страшны зело обливая кровию окрест сущих себе… Сие же виде царь усумневся и бысть страхом одержим и отиде в полаты своя… И в 6 час дни вестник прииде от царя повеле всех поиманых отпустить. Они же от радости слезу испущающе, яко избыша нечаемыя смерти…»[140] Если убрать отсюда сказочный, фольклорный элемент, то сойдется многое: и подготовка к казни трехсот человек, и помилование для значительной их части, и место казней, и личное присутствие царя. Ну а синодик репрессированных подтверждает уничтожение князей (пусть и не самых родовитых). Что касается представителей купечества, тут сложнее: среди казненных названы Иван Резанцев, Ждан Путятин, Григорий Елизаров, а в московской купеческой среде были рода Елизаровых, Резанцовых (суконная сотня) и Потетиных (гостиная сотня), но точно ли казнены выходцы именно из этих семейств, сказать невозможно[141]. С большой вероятностью, это были новгородцы, возможно, новгородские «торговые люди». Харитона Белоулина или Белеуленева признать среди казненных трудно. Разве только это был некто Харитон Игнатьев, вероятно, новгородский подьячий, казненный в связи с новгородским «изменным делом» с женой и дочерью Стефанидой[142].

Следующей знаменитой жертвой — после Висковатого — стал казначей Никита Фуников, коего Шлихтинг ошибочно назвал Николаем. Казной Фуников управлял вместе с Висковатым, а потому, как думал царь, оказался под «преступным влиянием» последнего. На обвинения казначей кратко ответил, что он «…конечно, прегрешил пред Богом, но в отношении государя не совершал никакого преступления и не сознает за собою того преступления, в котором его обвиняют. Воля тирана допустить, чтобы его убивали безвинно». Фуникова привязали к бревнам, как и дьяка Висковатого, а потом один опричник принялся поливать его ледяной водой, а другой — крутым кипятком, покуда казначей не отдал душу Господу[143]. Алессандро

Гваньини добавляет к словам Шлихтинга одну немаловажную подробность, которую он вызнал, надо полагать, от хорошо осведомленного Мачея Стрыйковского. Оказывается, именно «…начальник приспешников Малюта зачерпнул из медного котла, где была кипящая вода, а потом начальник конницы взял сосуд, полный очень холодной воды, и сперва стал поливать ему (Фуникову. —Д. В.) голову этой водой, затем стал лить воду горячую, кипящую; этот несчастный, почувствовав, как обжигает его кипящая вода, закричал диким голосом; но этот слуга тирана, Малюта, все больше и больше лил на него эту кипящую воду, так что наконец кожа на голове стала сморщиваться наподобие извивающейся змеи. От этого жесточайшего рода пытки он и испустил дух».

Таким образом, в июле 1570 года Малюта всеми воспринимается как глава опричного братства, облеченный полным доверием царя, как первенствующая фигура монаршей опричной свиты. И Григорий Лукьянович не стесняется подтверждать свою преданность вновь и вновь, оказывая палаческие услуги, не брезгуя собственноручно совершаемыми пытками.

Таубе и Крузе добавляют: «Все другие были привязаны по порядку к барьеру, и он (Иван IV. — Д. В.) вместе с сыном проткнул их пиками и зарубил саблями. У многих приказал он вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу и каждому своему придворному определил он, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних приказал он отрубить правую и левую руку и ногу, а только потом голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ноги и голову»[144]. Очевидно, Малюте пришлось участвовать в расправе и над прочими обвиненными, не столь именитыми, как Висковатый и Фуников.

«Тела же убитых, ограбленные и обнаженные, лежали на земле, на середине площади, до вечера. Впоследствии тиран приказал вынести их за город и свалить в одну яму для погребения» — так Шлихтинг завершает рассказ о жутком дне[145].

На третий день после массовых казней, 28 июля, Малюта получит приказ в том же месте отрубить головы еще девяти детям боярским (дворянам). После того как Григорий Лукьянович с подручными выполнил очередное царское распоряжение, обезглавленные тела «лежали непогребенными семь дней и были добычей собак, ибо их находили повсюду среди собак растерзанными и разорванными»[146].

Чуть погодя подошла «вторая волна» новгородских «изменников»: начинается уничтожение жен и детей казненных. Казни подверглось еще более полусотни человек. Тут без Малюты, надо полагать, тоже не обошлось.

Жаркое в Москве выдалось лето…

Помимо этих расправ на Поганой луже Григорий Лукьянович оказался задействован в большом карательном мероприятии против княжеского семейства Серебряных-Оболенских. Серебряные — аристократы-Рюриковичи, высокородные княжата. Из их семейства вышли крупные полководцы, бояре. Это был весьма и весьма видный при дворе род. В мае — июле 1570 года Иван IV без особого успеха провел переговоры с польско-литовскими представителями. Переговорный процесс тонул во взаимных оскорблениях. 21 июля стало днем, когда по Москве прокатились казни пленников, захваченных во время боевых действий с Польско-Литовским государством. То ли царь желал устрашить западного соседа, то ли мстил ему за несговорчивость. Скорее всего, Малюта был участником этой истребительной акции, но точных данных на сей счет нет. Зато твердо известно, что именно тогда пострадали Серебряные-Оболенские, а Григорий Лукьянович стал их палачом[147].

Шлихтинг сообщает обстоятельства расправы: «Тиран посылает Малюту, дабы силком

вытащить Серебряного из хором. Малюта неукоснительно исполнил это и вывел несчастного на двор палат и там отрубил голову самому Серебряному и его слуге, пленному литовцу, последовавшему за господином. На другую улицу города тиран послал конюшего, по имени Булата{34}, к одному знатному мужу, жену которого год тому назад он велел повесить пред дверями{35}. Ему также отрубают голову. Виновники убийства приносят головы обоих к тирану со словами: «“Великий князь, исполнено, как ты приказал”. Тот ликуя восклицает: “Гойда, гойда!” и остальная толпа палачей вторит его возгласу»[148]. По сообщению другого иностранного источника, менее достоверного, опричники частично разграбили, а частично сожгли имущество Серебряных. Последнее вызывает сомнение: совершить поджог в центре Москвы — дело до крайности рискованное — весь город, по большей части деревянный, мог погибнуть в огне большого пожара. Царь, разумеется, это понимал.

Вероятно, Серебряные-Оболенские вызвали недовольство Ивана IV в связи с неудачными переговорами. Когда погиб боярин Федоров-Челяднин — крупный администратор, судья, славившийся справедливостью при вынесении приговоров, видный военный деятель, — можно было более или менее понять, в чем состоит его вина или, вернее, какую вину за ним подозревал царь. В отношении вины Серебряных-Оболенских в источниках не сказано ничего. Остается лишь строить предположения, отчего на них обрушилась столь злая кара. Князь Петр Семенович Серебряный — не менее значительная персона, нежели Федоров-Челяднин, если не более. Только профиль его деятельности отличался от того, чем занимался боярин Федоров. Боярин князь Серебряный — выдающийся полководец грозненской эпохи, настоящий «командарм», исключительно опытный. Князь Андрей Курбский пишет о Петре Семеновиче Серебряном-Оболенском с уважением: «…Петр Оболенский, глаголемый Серебряный, синклицким саном украшен и муж нарочит в воинстве и богат»[149]. За 17 лет до гибели князь Петр Семенович колебался, присягать ли сыну Ивана IV, когда царь заболел и был при смерти, или, может быть, принять сторону князя Владимира Андреевича Старицкого… Государь мог не простить ему той старой обиды. Но выглядит подобная версия явной натяжкой: столько времени прошло! Кроме того, минуло более пяти лет с тех пор, как появилась опричнина. Монарх назначал князя Серебряного на ответственные посты безо всякого сомнения: еще в мае 1570 года этот военачальник возглавлял авангардный отряд, развернутый на Оке против крымцев[150]. И вдруг Иван Васильевич соизволил вспомнить о «делах давно минувших дней»! Маловероятно. Историк Р. Г. Скрынников считал, что Серебряного связали с новгородским «изменным делом». Но, как говорилось выше, само это «изменное дело», видимо, — плод политической воли царя Ивана Васильевича. Причина монаршего гнева на Петра Семеновича, надо полагать, иная. Летом 1567 года князь потерпел серьезное поражение от литовцев в районе крепости Копие[151]. По ходу переговоров в мае — июле 1570 года литовцы, недавно объединившиеся с поляками в Речь Посполитую на основе тесной унии{36}, помня об относительно недавней победе над русским войском, проявили большую неуступчивость. В частности, вражеские дипломаты не согласились решить вопрос о пленниках так, как хотел царь[152]. Итог: военнопленных перебили вскоре после отъезда послов, а князю Серебряному-Оболенскому неудача трехлетней давности стоила головы.

А ведь эта голова так пригодилась бы русской армии в будущих битвах против Литвы! Трехлетнее перемирие, о котором российские дипломаты с большим трудом договорились с польско-литовскими, закончится, и наступит тяжелейший этап Ливонской войны. Вот тогда опытные военачальники окажутся в цене, а их нехватка скверно повлияет на итоги войны…

Но пока беспокоиться как будто не о чем! Перемирие.

Царь позволил худородному дворянину стать губителем знатнейших аристократов. Дал ему право на людях убить полководца, пусть и битого литовцами, но прежде того неуспеха

имевшего большие военные заслуги перед отечеством. Григорий Лукьянович, по понятиям русского общества тех времен, не стоил перстня на пальце князя Серебряного, а убил Петра Семеновича легко. Не чаял мести или расплаты. Знал: от любого нападения защитит своего любимца государь Иван Васильевич.

После большого карательного похода против Северной Руси в самой опричнине произошел резкий кадровый поворот.

Кто стал мощнейшей политической опорой царя при создании опричнины? Старомосковское боярство. Большие люди царства, ревновавшие к людям еще болышим —»княжатам».

Кого «жаловал» государь Иван Васильевич в первую очередь? Старомосковское боярство. Именно выходцы из его родов получали от государя чины опричных бояр и окольничих в первые годы существования новой иерархии. Представителям иных социальных групп думные чины в опричнине доставались намного реже. «Худородные выдвиженцы» Ивана IV, вроде Малюты, попадали в опричную Думу в виде исключения. За все время от начала опричнины до середины 1570-го из «худородных» помимо Григория Лукьяновича в думные дворяне прошел один лишь Василий Грязной.

Кто водил опричные полки и армии? Старомосковское боярство. Осенью 1565 года опричнина впервые вывела собственные боевые отряды на театр военных действий. С этого момента и до середины 1570 года важнейшие посты, в том числе должности опричных «командармов», получала главным образом нетитулованная знать.

На самом верху опричной пирамиды — и в Думе, и в армии — стояло семейство Плещеевых. Точнее говоря, рода Плещеевых-Басмановых и Плещеевых-Очиных. Среди опричных полководцев заметны были также В. И. Колычев-Умной и Я. Ф. Волынский-Попадейкин. Все они — из старинных боярских родов.

Кого еще привечал великий государь в опричнине?

Немало почестей досталось и титулованной знати. Ведь к ней относились не только знатнейшие семейства, как, например, князья Бельские, Шуйские, Мстиславские, Ростовские, Голицыны, Микулинские. Хватало и второстепенных родов, коим недостаток знатности и влияния мешал высоко подняться. Иван IV подарил им шанс.

Так, в опричнину попали двое отпрысков княжеского семейства Телятевских — далеко не столь родовитых, как Шуйские с Мстиславскими. Этим князьям Телятевским царь отдавал под команду опричные полевые соединения. Они даже соперничали с самими Плещеевыми! Возглавлять самостоятельно действующие отряды и полки в составе полевых соединений приходилось князю И. П. Охлябинину, князю Д. М. Щербатову, князьям Вяземским и Хворостининым, а также Г. О. Полеву, происходившему из семейства, недавно утратившего княжеский титул. В опричных боярах ходили князья В. И. Вяземский и В. А. Сицкий, а окольничество в опричнине пожаловали князю Д. И. Хворостинину.

Эта группа оказалась второй надежной опорой Ивана IV в высшем эшелоне опричнины.

А что же представители дворянства, то есть персоны менее родовитые, нежели служилая аристократия? Их представительство в воеводском корпусе опричнины незначительно. В списке командующих опричными полевыми соединениями нет ни одного из них. Среди полковых воевод и командиров самостоятельных опричных отрядов их также немного. Следует прежде всего назвать И. Б. Блудова, К. Д. Поливанова, М. А. Безнина и Р. В. Алферьева. Сам Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, влиятельный фаворит монарха, в армейской

иерархии опричнины был малозаметен.

Много это или мало — несколько второстепенных воеводских должностей, доставшихся худородным дворянам? В рамках огромного Московского государства с его мощными вооруженными силами — мелочь, статистически ничтожное отклонение. Но для незыблемого порядка, когда родовое начало при назначении на командные посты преобладает над служебным, когда «отечество» преобладает над опытом, заслугами и даже над желанием государя возвысить какого-либо незнатного человека, это почти революция.

До опричнины никто из перечисленных военачальников полки не водил и самостоятельными полевыми отрядами не командовал. В местническом отношении они являлись ничтожными персонами. В лучшем случае, им могло достаться воеводство во второстепенной маленькой крепости (так бывало у Блудова), в худшем их потолок — звание воинского головы. Но после введения опричнины их начинают ставить на высокие посты в армии и это происходит хоть и редко, но не в виде исключения. Подобные назначения составили очень важный прецедент. Принцип родовитости при раздаче высших должностей отнюдь не был разрушен и ниспровергнут в опричные годы. Он проживет еще более века! Однако в нем появились первые бреши. Прочность его уменьшилась.

В 1570 году общая картина главных людей опричнины резко изменилась.

Прежде всего, от ключевых должностей в опричной армии и опричной Думе было удалено семейство Плещеевых. А вместе с их падением упало значение старого боярства в целом.

Опричного боярина Алексея Даниловича Плещеева-Басманова, едва ли не всесильного в Слободском ордене, его сына Федора — царского любимца, и князя Афанасия Ивановича Вяземского, опричного «келаря», обвинили в связях с новгородскими «изменниками». Выше уже говорилось: вряд ли сам Иван IV верил в какую-то фантастическую измену Великого Новгорода, а заодно и нескольких других областей северной земщины. Но несколько титанов опричной иерархии всё же попали под подозрение. И в документах XVII века сохранилось сообщение, согласно которому «изменники»-новгородцы во главе с архиепископом Пименом «…ссылались к Москве з бояры с Олексеем Басмановым и с сыном его с Федором и с казначеем с Микитою Фуниковым, и с печатником с Ываном Михайловым Висковатого… да со князем Офонасьем Вяземским»[153].

Вяземский, возможно, предупреждал Пимена о готовящейся карательной акции. Шлихтинг в подробностях рассказывает печальную историю его падения: «При дворе тирана был один знатный князь Афанасий Вяземский, который был ближайшим советником тирана. Этот Афанасий, будучи человеком большого влияния и очень любимым тираном, рекомендовал ему некоего Григория, по прозвищу Ловчик (Г. Д. Ловчиков. —Д.В.), и добился того, что тот вошел в милость к государю. Этот Ловчик, забыв о благодеяниях, ложно обвинил Афанасия пред тираном, якобы тот выдавал вверенные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода. Именно об этом разрушении тиран не поведал никому кроме вышеупомянутого князя. Он пользовался у тирана таким влиянием и расположением, что даже когда тот собирался принимать лекарство, то брал его не от врача, итальянского уроженца, которого очень ценит, а в передаче из рук Афанасия. Все же тиран поверил ложному обвинению и приказал своим телохранителям убить путем засады всех рабов князя. Телохранители каждый день в то время, как Афанасий совещался с тираном, умерщвляли несколько рабов и не прекращали исполнять приказание, пока не убили всех. Возвращаясь после совещаний, Афанасий, конечно, видит на дворе палат тела убитых, жалобно растерзанных на земле, но, скрыв свою скорбь, не смеет даже ни одним словом обнаружить проявление ее. Но тиран не насытился кровью его рабов, а нападением из засады убивает братьев князя и всю челядь и

лишает всего имущества… Афанасий, видя, что ему уже грозит гибель, стал удаляться с глаз тирана и провел пять дней, прячась у доктора, врача великого князя, по имени Арнольфа. Тиран приказал позвать князя к себе и сказал: “Ты видишь, что все твои враги составили заговор на твою погибель. Но если ты благоразумен, то беги в Москву” и приказал князю Афанасию: “И жди там моего прихода”. Тот, мало доверяя тирану, пустился в путь в направлении к Москве и, опасаясь какой-либо засады, губил всех встречных. Спустя немного времени вернулся в Москву и тиран и приказал отвести князя Афанасия на место, где обычно бьют должников, и повелел бить его палками по целым дням подряд, вымогая от него ежедневно 1000 или 500 или 300 серебреников. И во время этого непрерывного избиения тело его начало вздуваться желваками. Не имея более чего дать алчному тирану, несчастный со страху начал клеветать на всех наиболее богатых граждан, вымышляя, что те ему должны определенные суммы денег. Несчастные граждане принуждаются платить недолжные долги… Тиран забрал в свой дворец всех 40 девушек, которые были на женской половине супруги князя и каждая из которых обычно умела вышивать приготовленные из золота одежды. Такую награду после упомянутого величайшего расположения получил этот муж влиятельный на родине и в чужих землях, испытывая с каждым днем самое сильное отчуждение от себя государя»[154].

Разоренного, измученного Афанасия Вяземского в оковах отправили в Городецкий посад (Бежецкий Верх). Там он и окончит свои дни[155]. Русские источники говорят о лишении его чина оружничего, но о казни нет ни слова. Синодики репрессированных при Иване Грозном имени Афанасия Ивановича не содержат. Зато слуги его и, возможно, некоторые родичи были убиты[156]. Стало быть, казни князь избежал, но с высот положения своего скатился до положения кандальника, видя к тому же крушение всего семейства. Опричные воеводы князья Вяземские — Дмитрий Иванович Лисица, Александр Иванович Глухой и Василий Иванович Волк[157] — безнадежно утратили право на «именные назначения».

Большого сожаления заслуживает судьба князя Александра Вяземского Глухого (или Глухова). Единственный из князей Вяземских, поднявшихся в опричнине, он и до опричнины достиг на ниве военной службы высоких чинов[158]. Энергия и командирский талант этого человека очевидны. Летом 1554 года, во время боевых действий под Астраханью, он постоянно возглавлял передовые силы, наголову разгромил вражеский отряд на Волге у острова Черного, затем неожиданно атаковал стан астраханского хана Емгурчея и разогнал неприятеля, захватил его пушки и пищали[159]. В 1563 году под Полоцком возглавлял отряд из 154 «служилых людей по отечеству», числился сначала есаулом, потом головой; 16 февраля он опять отличился, совершив разведывательный рейд под Бобыничи и взяв там литовских «языков»[160]. В опричнине Александр Иванович четырежды назначался на воеводские должности. Зимой 1567/68 года он возглавил под Дорогобужем самостоятельный отряд опричников, направленный туда «по вестям»[161]. Этот командир заведомо превосходил большинство опричных воевод реальными заслугами, отсюда и высокая частота его назначений. Фактически князь играл в армейской иерархии опричнины гораздо более значительную роль, чем знаменитый Афанасий Иванович, несмотря на то, что царским фаворитом не был и в «дворовых» делах никакой роли не играл. Вероятно, в Александре Ивановиче видели дельного военачальника; вероятно также, что у него был шанс на высокую и притом заслуженную карьеру в армии. Но падение Аф. И. Вяземского слишком навредило близким слободского «келаря».

Сообщал ли действительно Афанасий Иванович нечто важное о намерениях царя на берега Волхова? Нельзя сказать точно, но вероятность этого велика. Русские документы XVII века, как уже говорилось, упоминают о «ссылках» между Вяземским и новгородцами. Так что донос Ловчикова, надо полагать, возник не на пустом месте.

Видимо, и А. Д. Басманов так или иначе противился кровавому походу. Возможно, и он пытался сообщить новгородцам о том, какая беда ждет их в ближайшем времени. А может быть, просто попытался отговорить царя от столь жестокого плана.

Почему?

«Отцы-основатели» опричнины являлись самостоятельными людьми, а не бездумными исполнителями. Они считали свое положение прочным хотя бы потому, что получили его заслуженно. Они готовы были допустить казни — ради сохранения опричнины. Много казней. Ведь «семейное дело»! Они не гнушались ради своих семейств измараться о дела неприятные и душевредные — как, например, эпизод со свержением митрополита Филиппа. Но для них все-таки существовала нравственная граница.

Они изначально не являлись ни палачами, ни карателями. Тем более не обретался в них революционный дух, требовавший переворошить традиционные основы русской жизни, вздыбить ее и уничтожить всех противников подобного переворота. Они желали подправить кое-какие детали, но не искали способа перевернуть старинные устои вверх тормашками. И однажды кровавые «постановки» царственного «режиссера» стали приводить их в ужас. Надо полагать, Вяземский и Басманов дошли до той черты, которую не смогли переступить. Еще до большой опалы на Плещеевых пострадало несколько человек из их рода. Быть может, Алексей Данилович наивно верил, что сможет «повлиять» на царя, отговаривая его от жуткой затеи, и дорого расплатился за свою веру. Как ни парадоксально, в этой его «измене» проступают человеческие черты.

В образованном русском человеке наших дней, как правило, живет убеждение: все опричники одним миром мазаны. Только для одних опричники — армия очищения, преданные рыцари-служильцы, честно и бескорыстно выжигавшие скверну по всей стране, а для других все они скопом превращаются в кровавых зверей, палачей, душегубов и садистов без чести и совести. И в первом, и во втором случае на них примеряют мундиры энкавэдэшников, мысленно сажают их в «воронки» или ставят какими-то «вертухаями» на вышках концлагерей, иначе говоря, всем «монолитом» записывают в 1930-е. А опричнина никогда не была единой. Туда попадали люди с очень разными идеалами, целями и общественным положением. У Плещеевых и Вяземских в социальном смысле до крайности мало общего с сотрудниками НКВД. Это были аристократы (особенно родовитые Плещеевы), чувствовавшие себя хозяевами земли по праву «отечества», иными словами, по праву крови. Никто не назвал бы их выскочками без роду без племени. И они относились к своей земле и своему народу принципиально иначе, чем те же Малюта Скуратов, Василий Грязной, Григорий Ловчиков и иже с ними. Для «парвеню», вроде Григория Лукьяновича, государева милость значила всё, а для аристократа — нет.

Аристократ и вел себя самостоятельнее по отношению к престолу.

В 2010 году на докладе автора этих строк, посвященном опричнине, известный социолог Л. И. Блехер воскликнул: «Вы хотите сказать, что деятели, у которых руки по локоть в крови, не захотели запачкаться по шею? Не верю!» Прозвучало в духе: «Да не могли проклятые опричные энкавэдэшники показать себя нормальными людьми!» Так вот, не стоит переносить на опричников образ мыслей да и образ действий людей из 1930-х годов. Получается жуткий анахронизм.

А. Д. Плещеев-Басманов осмелился пойти против воли царя. Карьера его рухнула, потащив за собой в пропасть карьеры многочисленных родственников. Некоторых казнили одновременно с ним, других пораньше или чуть погодя, третьи всего лишь претерпели понижение в чинах… Серьезную потерю понесла русская армия, когда сгинули два его близких родственника, два

видных полководца: братья боярин Захарий Иванович и Иван Иванович Плещеевы-Очины.

Современники рассказывали печальную историю: если один сын боярина, Петр, погиб вместе с главой семьи, то другой, Федор, тот самый фаворит Ивана Грозного, будто бы зарезал отца, желая сохранить собственную жизнь… Достоверность этой истории находится под вопросом, но и недостоверность ее не доказана. Алексей Данилович так радел за близких людей! А в итоге кто-то из них жестоко пострадал, а кто-то, быть может, поднял руку на главу семейства…

Федор Басманов не был казнен в результате общей большой опалы на Плещеевых, но и постов при дворе и в армии больше не занимал. Точная дата и обстоятельства его смерти не известны, однако отца он пережил ненадолго. С. Б. Веселовский указывает на одну довольно странную деталь: «Во вкладной книге Троицкого монастыря в 1570/71 (7079) г. записано “По Федоре Алексеевиче Басманове пожаловал государь царь… 100 рублев”. Из этого можно заключить, что у царя были какие-то особые мотивы увековечить память Федора»[162]. Собственно, многие подозревали Басманова-младшего в противоестественных отношениях с Иваном IV.

В том же году постригся во иноки опричный боярин Иван Яковлевич Чеботов. Он стал монахом Ростовской Борисоглебской обители.

Старинное московское боярство оказалось не столь прочной опорой для опричнины, какой хотел видеть ее царь…

Требовалось кем-то заполнить «кадровые ниши», опустевшие с падением крупнейших фигур опричнины. Тогда опричное военное командование и Дума пополнились выходцами из высшей титулованной аристократии. Раньше такого в опричнине не случалось! В опричной военной иерархии возвысился и даже стал командующим опричным полевым соединением князь Ф. М. Трубецкой, знатнейший Гедиминович. Полки и самостоятельные отряды опричников возглавили знатнейшие «княжата»: князь В. И. Барбашин, князья Пронские, А. П. Хованский, Н. Р. Одоевский, В. И. Темкин-Ростовский. Некоторых из них даже пожаловали думными чинами… Все они, помимо князей Ф. М. Трубецкого и В. И. Барбашина, прежде имели прочные связи с удельным двором опального князя Владимира Андреевича Старицкого. Как уже говорилось, призыв бывших служильцев Старицкого дома в опричную армию облегчался тем, что прежний их господин уже не мог использоваться как «живое знамя» какой-либо оппозиции.

Таким образом, царь вынужден был опереться в опричной Думе и опричной армии на ту же высшую титулованную знать, которую прежде не допускал к власти в своем «уделе». Но среди нее не было доверенных людей! Все эти Трубецкие, Хованские, Одоевские для государя Ивана Васильевича — чужаки. Они могли считаться весьма ценными или же, напротив, сквернымислужильцами, но в любом случае царь не имел никаких гарантий их верности. От опричнины пострадали их родственники и свойственники. Как минимум от руки опричника сгинули многие люди, принадлежавшие той же общественной среде. Опричнина висела над их головами дамокловым мечом. Добрая служба в большей степени оказалась для них способом избежать казни, а не добиться пожалований да и просто исполнить свой долг. В подобной ситуации безраздельно доверился бы им лишь сущий простак, новичок в политике. Иван IV давно вышел из возраста наивности и отлично понимал, какими рамками ограничена преданность опричников-аристократов. Думается, верил монарх лишь одному из них — князю Василию Темкину-Ростовскому. Его «проверили» кровью, каковую пришлось лить прилюдно, и особыми поручениями, сущность которых убийственна для репутации. Так, например, князю поручили добыть компрометирующие материалы на митрополита Филиппа, и Василий Иванович справился с задачей, использовав широкий диапазон средств, не исключая пытки. Его людям пришлось пытать не кого-то, а смиренных соловецких иноков.

Прочей высшей знати, взятой в опричнину, — знаменитейшие роды царства! — подобные «проверки «не коснулись.

Что это значило для Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского и ему подобных людей? Да прежде всего расширение возможностей влиять на царя. Ушли Вяземские, ушли Плещеевы, ушли боярские роды, бывшие рядом с Иваном IV от начала опричнины; следовательно, недостаток испытанных помощников, доверенных лиц, Иван IV теперь мог восполнить из одного источника: приближая к себе «худородных». Эти-то «проверены» до конца! Эти давно не чужие.

Надо полагать, год 1570-й как нельзя более укрепил положение разнообразных опричных «парвеню», ставших ближайшими помощниками государя.

Некоторые специалисты по грозненской эпохе считают, что именно Г. Л. Скуратов-Бельский погубил опричников «первого призыва», «отцов-основателей» опричного уклада. Историк Р. Г. Скрынников прямо пишет: «Малюта Скуратов и Василий Грязной использовали донос Ловчикова, чтобы свергнуть старое руководство опричнины»[163]. Это не исключено: и Плещеевы, и даже не слишком родовитые Вяземские стояли на социальной лестнице того времени выше Григория Лукьяновича. У царя они пользовались благорасположением. Мотив «убрать конкурентов» может быть приписан Григорию Лукьяновичу. Но… твердых доказательств нет, и не стоит пускаться в фантазии.

Кадровый переворот 1570 года отделил старую, раннюю опричнину от совершенно другой, новой.

Глава восьмая. Свадьба Марфы Собакиной

Обретение высокого чина думного дворянина — не единственный признак возвышения Малюты.

В XVI столетии «служилые люди по отечеству» добивались успеха на службе всем родом, всем семейством. Они чрезвычайно высоко ценили семейные связи, свято блюли интересы родни. За «своих» держались крепко, всегда изъявляли готовность им помочь. А если на кого-то из видных людей рода падала государева опала, то доставалось также не ему одному, но и членам его семейства. Благо одного человека, сколь угодно знатного, весьма часто должно было отступить на второй план, когда речь шла о благе всего рода. Тот, кто отступался от своего долга перед родными и близкими, выглядел нравственным инвалидом.

Следовательно, как только один «худородный» служилец возвышался благодаря доброму отношению государя, он немедленно принимался вытягивать родичей наверх, к себе поближе. Такое поведение не осуждалось, напротив, оно являлось моральной нормой. Отказ «порадеть» своим в глазах русского дворянина XVI века — дело противоестественное.

Но до положения, когда можно «тянуть» родню к выгодным «именным» назначениям, надо еще дослужиться.

Когда Григорий Лукьянович получил подобную возможность?

Источники позволяют ответить на этот вопрос с достаточной точностью: как раз в 1570 году. Именно тогда разрядные записи «засвечивают» высокие назначения других Скуратовых-Бельских.

Так, в царском походе против крымцев, состоявшемся осенью 1570 года, «поддатнями» у «рынды с большим саадаком» князя Петра Хворостинина числятся Верига Третьякович Бельский и Богдан Яковлевич Бельский[164]. В мае 1571-го тот же Верига вновь назначается поддатней в походе Ивана IV против хана Девлет-Гирея; такую же должность получает и его двоюродный брат — Григорий Нежданов[165].

Так Григорий Лукьянович вытащил поближе к государю троих племянников. И так началась головокружительная карьера Богдана Бельского, великого временщика…

В октябре 1571 года Малюте и его ближней родне оказали новые почести.

После смерти царицы Марии Темрюковны царь велел устроить «смотр невест» и выбрал себе красавицу Марфу Собакину. 28 октября Иван IV сделал ее новой — третьей по счету — супругой. Брак продлился всего две недели: несчастная Марфа Васильевна заболела и скончалась. Подозревали отравление. Притом отравителем мог выступить некто из круга «худородных выдвиженцев»: незнатная Собакина, возможно, пала жертвой соперничества между теми родами, чья судьба полностью зависела от милости государя. Служилая знать не рассчитывала на брачный союз с царем: он явно пренебрегал красавицами из родовитых семейств — сначала взял чужачку Марию Темрюковну северокавказского рода, потом худородную Собакину… да и последующие жены царя не принадлежали аристократической среде. Первой и последней по-настоящему знатной русской женщиной, побывавшей в супругах Ивана Васильевича, стала Анастасия Захарьина-Юрьева, умершая в 1560 году. Убивать Собакину для служилого аристократа означало крупно рисковать, надеясь на призрачный матримониальный «бонус» и располагая притом вполне реальным родовым состоянием. Подобное деяние не только безнравственно, оно еще и до крайности нерационально. А вот выходцу из небогатого и неродовитого семейства убийство молодой царицы открывало перспективы для интересной игры… Царицу Марфу убрать с дороги, а кого-то из своих «подставить» монарху. Раз государь не гнушается худородными невестами, чего на Москве испокон веку не случалось, почему бы нет? Впрочем, твердые доказательства того, что Марфу Собакину действительно отравили, до настоящего времени отсутствуют. Ходили слухи, будто ее уморило самодельное средство от бесчадия. Один из иностранных источников сообщал о царе: «Третий раз он сочетался браком с одной боярыней, которая вскоре умерла, выпивши какое-то питье, пересланное ей матерью чрез придворного; этим питьем она, может быть, хотела приобресть себе плодородие; за это и мать, и придворного он казнил»[166].

В данном случае обстоятельства смерти бедной женщины не столь уж важны. Важнее другое. На свадебные торжества, по обычаю того времени, монарх приглашал, во-первых, наиболее знатных людей царства и, во-вторых, ближний круг доверенных лиц. Со свадьбой 1571 года новая роль Скуратовых- Бельских при дворе оказалась видна всем и каждому. На почетнейшем месте царицына «дружки» оказался сам Малюта. Другой «дружка» — Борис Федорович Годунов, по всей видимости, успевший к тому времени стать Малютиным зятем. Иван Сабуров — родич Б. Ф. Годунова — числится в «свадебном разряде» «дружкой» при самом царе. Одна из «свах» государя — жена Ивана Сабурова. «Свахи» царицы — Марья, жена Б. Ф. Годунова (то есть дочь Малюты), да вторая Марья, жена самого Г. Л. Скуратова-Бельского[167]. «Мыльню топит» Богдан Яковлевич Бельский, он же в этой мыльне моется с государем, а также с Б. Ф. Годуновым и еще несколькими дворянами[168]. Тот же Богдан Бельский несет в церковь «подножие» на пару с князем Андреем Тулуповым[169]. Здесь же, на свадебном торжестве, присутствуют еще несколько представителей огромного семейства Годуновых и Сабуровых. Выстраивается мощная комбинация новых монарших фаворитов, сумевших добиться для своей родни почетных мест на свадьбе государя.

Это — показатель влияния, которое, быть может, не видно по официальным деловым документам, но весьма и весьма осязаемо при решении самых важных дел при дворе.

Для сравнения: в 1547 году, на свадьбе юного монарха и Анастасии Захарьиной-Юрьевой, «дружками» Ивана Васильевича числились высокородные аристократы князь Д. Ф. Бельский и боярин И. М. Юрьев. В «дружках» царицы оказались князь И. И. Пронский и представитель старинного боярского рода М. Я. Морозов. Воеводы, аристократы, столпы царства… Любые Годуновы и тем более Скуратовы-Бельские по «отечеству» им в подметки не годились. А в 1571 году произошла «рокировка»: «худородные» заняли место «высокой крови».

Как уже говорилось, историк Р. Г. Скрынников считал, что обилие Скуратовых-Бельских на свадьбе не случайно: не родня ли они Собакиным? Малюта, по его мнению, строил планы породниться с царским семейством и протолкнул дальнюю родственницу в монаршие невесты.

Но, повторим еще раз, невозможно ни доказать этого, ни опровергнуть — не хватает данных.

Более того, приходится учитывать и совершенно иной вариант. К исходу 1571 года Григорий Лукьянович получил все выгоды от положения царского приближенного. И он мог вывести свое семейство на почетные места не из-за кровной связи с Собакиными, а просто ради того, чтобы все видели степень его влияния на царя.

Что же касается Собакиных, то им Григорий Лукьянович мог быть в равной степени и другом, и врагом. Имел возможность возвысить — родня они там или просто удобные люди. А мог уничтожить самым жестоким образом, хотя бы и уморив царицу… если видел в Собакиных помеху собственным планам — конкурентов, недоброжелателей. Совесть вряд ли ему помешала бы.

И тут пора отложить перо, чтобы не уйти в стихию чистой фантазии.

Глава девятая. «Звездный год» Малюты

Итак, в начале 1570-х Малюта — на вершине. Всего за три года он вынырнул из вод полной неизвестности, заработал статус доверенного душегуба и желал продолжить карьеру.

Да вот только в каком направлении?

Хорошо бы двигаться по дипломатической или военной стезе. Таков традиционный путь русского служилого человека, пошедшего в чины. Однако положение Григория Лукьяновича в армейской иерархии опричнины никак не соответствует его влиянию на дела опричного руководства в целом. Политический фаворит Ивана IV продолжал оставаться среди военачальников… никем. При дворе — ферзь, в армии — пешка.

В. Б. Кобрин считал, что Малюта «…в разрядах появляется впервые как военный, как голова, и в дальнейшем не раз бывал воеводой»[170]. Это сказано в полемике с С. Б. Веселовским, который, в свою очередь, склонялся к прямо противоположному мнению: для военной деятельности Малюта не располагал ни соответствующими знаниями, ни опытом. Кобрин, таким образом, выставляет Малюту человеком войны, командиром. Но это не соответствует действительности. Г. Л. Скуратов-Бельский для опричного боевого корпуса был, скорее, случайным и нежеланным приобретением. Когда это Григорий Лукьянович успел «не раз» побывать воеводой, если он оказался на воеводском посту именно что один-единственный раз — на излете опричнины?!

Военная карьера Малюты видна как на ладони. Разрядные списки сохранили имена десятков опричных и земских воевод. Так вот, до опричной эпохи у Григория Лукьяновича не было возможностей сделаться воеводой в полевом соединении — из-за явного худородства. После появления новой, опричной, иерархии он такую возможность получил. Но его назначения в действующую армию хорошо известны, и в списки опричных воевод он точно не попадал ни в 1567-м, ни в 1570-м.

В 1570 году до воеводского поста Малюте еще очень далеко…

В сентябре 1570-го государь Иван Васильевич вышел с войском против крымского хана и встал под Серпуховом. Малюта оказался тогда среди дворян, предназначенных для пребывания «в стану у государя»[171]. Что за должность ему досталась? На один шажок выше тех же «сменных голов», что и осенью 1567 года… Список «сменных голов» идет в разрядном реестре 1570 года следующим пунктом после перечисления дворян «в стану у государя». Это намного ниже любого воеводского поста.

Вот и вся военная карьера Малюты перед появлением его на крупном воеводском посту. О сколько-нибудь солидном опыте командования и речи быть не может. С. Б. Веселовский, таким образом, прав, в то время как В. Б. Кобрин ошибается. Григорий Лукьянович в гораздо большей степени «дворовый» человек, нежели военный. Он специалист по карательным операциям, а не по тактическим.

Ставить его воеводой, доверять ему войска означает идти на большой риск.

Тем не менее весной 1572 года в смешанном земско-опричном походе он идет к Новгороду Великому вместе с Иваном IV как второй "дворовый воевода"[172]. Иначе говоря, второй воевода в составе государева полка. Назначение — высокое. По старшинству воевод, заведенному для русских полевых соединений XVI века, «младше» Григория Лукьяновича оказывается добрая половина военачальников. Истинный триумф Малюты!

Тем более почетно для Григория Лукьяновича получить такую должность, что он никогда не бывал на других, более низких воеводских постах. Между тем пребывание его среди больших начальников не грозит армии тяжелыми последствиями. Первым воеводой и фактическим главнокомандующим в этом походе поставлен весьма опытный князь Ф. М. Трубецкой[173]. Ему помощники не требуются, он и сам знает, как справиться с армией.

Надо полагать, для Федора Михайловича Трубецкого и для прочей высокородной знати, стоявшей тогда на воеводских должностях, пребывать в близких чинах с абсолютно незнатным Малютой — крайне неприятно. А для Замятии Сабурова, Михаила Яковлевича Морозова и Ивана Дмитриевича Плещеева это явная «поруха чести» и повод для тяжбы «об отечестве». Все трое — представители древних и заслуженных боярских родов, не чета ничтожным Скуратовым-Бельским! И все трое поставлены ниже Григория Лукьяновича… Если бы выше их поставили другого «выскочку» из «худородных», не Малюту, очевидно, все трое били бы государю челом «о местах». Но они молчат, опасаясь затевать местнический спор. Надо полагать, боятся государева гнева, который может обрушиться на них самих и, еще того хуже, на родственников, если будет обижен монарший любимец. Ужасная ситуация: и надо затеять местническую тяжбу, и нельзя!

Кроме того, все трое знают, как Малюта резал Висковатого, как топил Данилова, как душил Филиппа, как обваривал кипятком Фуникова, как сносил голову князю Серебряному. Никто же ничего не скрывал, всё делалось публично, демонстративно. И главный царев палач, надо думать, выглядел после всех этих художеств не столько как жестокий фаворит Ивана IV,

сколько как порождение преисподней, существо инфернальное.

А с нелюдью связываться — страшно.

Ситуация — парадоксальная. В качестве военачальника Григорий Лукьянович для армии бесполезен, поскольку не располагает должным опытом. Как величайший раздражитель прочих воевод он даже вреден. Однако Малюту все же назначили на крупную воеводскую должность, а значит, государь почтил его явным знаком доверия. Самым очевидным образом нарушался традиционный порядок, сложившийся в русской армии. Притом нарушение совершалось не в интересах службы.

Парадоксальное возвышение Г. Л. Скуратова-Бельского в армейской иерархии сопровождалось не менее странным возвышением его в делах внешней политики.

Первый раз Григорий Лукьянович соприкоснулся с нею вскоре после того, как получил звание думного дворянина. В мае 1570 года ему пришлось участвовать в думском заседании «всем бояром земским и из опришнины» о рубежах Полоцкого повета, то есть о конфигурации западной границы России. Г. Л. Скуратов-Бельский был там среди «дворян, которые живут у государя з бояры». Но тогда он сколько-нибудь активной роли не играл, источники показывают одно лишь его присутствие[174].

В декабре 1571 года, когда Иван IV совершал «поход миром» в Новгород Великий и уже добрался до Клина, его посетил представитель короля Михаил Галабурда. Малюта Скуратов вместе с двумя зубрами российской внешней политики — дьяками Андреем и Василием Щелкаловыми — выполнил часть дипломатической работы на переговорах с Галабурдой[175]. Щелкаловы без труда всё сделали бы сами. К чему тут Григорий Лукьянович? Непонятно.

Но, может быть, это всего лишь эпизод?

6 января 1572 года Г. Л. Скуратов-Бельский опять оказывается участником переговорного процесса, хотя и в прежней пассивной роли. Тогда царевич Михаил Кайбулич, князь Петр Шейдяков и князь Иван Федорович Мстиславский принимали в «розрядной избе» Новгорода Великого шведских послов. Среди тех, кто составил подобие свиты для царевича и знатнейших аристократов, перечислены «думные чины» обеих боярских дум: земской и опричной. Попал в общий список и Григорий Лукьянович — он упоминается при перечислении «дворян, которые живут у государя в думе»[176].

Выходит, его совместная с Щелкаловыми работа на дипломатическом поприще — дело случайное?

Нет, случайность перестает быть таковой, после того как повторится. Особенно если повторится неоднократно.

В феврале 1572 года Малюта вновь принимает участие в переговорах, на сей раз — с крымским «гонцом» Янмагметом[177]. Это уже совсем другое дело. Малюта зачислен в небольшую группу переговорщиков, что предполагает активную деятельность с его стороны. Рядом с ним — второй думный дворянин из опричнины И. С. Черемисинов, а также дьяк А. Я. Щелкалов. Оба имеют серьезный опыт дипломатической работы, коим не богат Малюта. Вдвоем они прекрасно могут справиться с задачей, но вместе с ними отряжен и Скуратов-Бельский. С какой целью? Очередной знак милости со стороны Ивана IV? Да, Григорию Лукьяновичу открылись пути к возвышению не только на военной, но и на дипломатической стезе. Да, царь тем самым показывает двору свое абсолютное доверие Малюте. Но только ли в этом дело? Нет

ли тут и более прагматических резонов?

В том же 1572 году Малюта вновь получает серьезное именное поручение по дипломатической части. Москву посетил представитель польско-литовского правительства Федор Воропай. Он привез вести о смерти короля Сигизмунда II Августа и повел переговоры о соблюдении Московским государством условий «перемирной грамоты». По завершении официальной аудиенции у царя Ивана Васильевича для Воропая наступило время практической работы с профессиональными российскими дипломатами. И вот «после того, как гонец был у государя, роспрашивали его о королевой смерти и о всяких делех Малюта Скуратов, дияки Василей Щелкалов, Офонасий Демьянов. А пристав у него был в дороге и на Москве Михайло Темирев»[178]. Та же картина, что и во время переговоров с Галабурдой и Янмагметом: бок о бок с профессионалом Щелкаловым — дилетант Скуратов…

В двух последних случаях переговоры, что называется, не «проходные». Они имеют серьезное значение для русской внешней политики. И Малюта введен в основной переговорный процесс, хотя и не понимает, надо полагать, всех его тонкостей.

Как видно, есть в этих неожиданных назначениях скрытый смысл.

Хотелось бы подчеркнуть: до 1572 года Малюта не имел опыта ни в дипломатических делах, ни в руководстве полевыми соединениями русской армии. Но, вероятно, его триумфальные назначения — не только почесть. Тут можно увидеть и другое. В 1570 году царь утратил доверие к старым кадрам опричнины, а затем призвал на их место людей, ранее в опричнину не входивших. Можно сказать, «социально далеких» от опричнины. Например, «княжат»: Ф. М. Трубецкого, Пронских и т. д. Между тем старые кадры опричнины постепенно убывали под действием монаршей немилости. В 1571–1572 годах расстались с жизнями неудачливый воевода князь Василий Темкин, крупный военачальник В. П. Яковлев, думный дворянин Петр Зайцев, оружничий Лев Салтыков, некий опричник Овцын, видный каратель Булат Арцыбашев, стрелецкий голова Курака Унковский, кое-кто из рода Грязных-Ильиных и др. Среди них — несколько фигур первой величины в опричной иерархии. Р. Г. Скрынников прямо возлагает на Малюту вину за большую часть этих смертей: «Инициатором казней 1571 г. был глава опричного сыскного ведомства Малюта Скуратов. Добившись отставки Басманова и Вяземского, он обезглавил опричное правительство, а затем довершил разгром старого опричного руководства. Свирепые репрессии против новгородцев и “виновников” майской катастрофы позволили Скуратову окончательно захватить власть в свои руки. Царь стал полагаться на его советы при решении как политических, так и сугубо личных дел»[179]. Но никакого документального подтверждения этому нет. Может быть, Малюта и приложил руку к казням старого опричного руководства. А может быть, сам царь жестоко истреблял его: причин-то хватало! После военных и дипломатических неудач опричнины, особенно сожжения Москвы татарами в 1571 году, реальные виновники в рядах опричного руководства получали по заслугам.

Так не был ли Григорий Лукьянович приставлен к высокопоставленным должностным лицам с целью самого пристального наблюдения за ними? Вдруг сыщется измена? А не измена, так простая управленческая небрежность? В походе к Новгороду он, вероятно, «приглядывал» за воеводами, а на переговорах с иностранными посланниками — за дипломатами. То, что казалось окружающим результатом невероятного «приближения» Григория Лукьяновича к монаршей особе, имело оборотную сторону. У Ивана Васильевича оставалось не столь уж много доверенных лиц. Приходилось возвышать Малюту до степеней, никак не сообразных его происхождению и способностям, поскольку иных кандидатур для подобной «контрольной» деятельности не нашлось.

1572-й — поистине «звездный год» для Григория Лукьяновича.

Зная характер Ивана IV, Малюта должен был снова и снова подтверждать свою преданность. Помимо недоверия к новым опричникам из аристократов, помимо необходимости их контролировать, были, надо полагать, и новые поводы, предоставленные Григорием Лукьяновичем для монарших милостей.

Очевидно, чтобы подняться столь высоко, притом вразрез с интересами опричной служилой знати, в период с лета 1570 года по весну 1572-го Григорий Лукьянович опять должен был оказать Ивану IV какие-то весьма важные услуги.

Да, летом 1570 года, вскоре после получения думного чина, Малюта провел в Москве карательную операцию против княжеского семейства Серебряных-Оболенских. Да, он участвовал в массовых казнях по «новгородскому делу». Ничего не скажешь, проявил себя.

Однако эти его службы относятся ко времени, слишком далеко отстоящему от 1572 года. А «худородный выдвиженец», дабы не утратить фавора, должен чаще напоминать о себе государю. Летом 1570-го Григорий Лукьянович все еще «отрабатывал» недавно полученный думный чин. Повод к новому взлету Малюты резоннее искать в непосредственной хронологической близости от последних монарших почестей.

Источники не позволяют сказать со всей определенностью, чем именно вновь угодил государю Григорий Лукьянович. Можно лишь предположить, что новое его возвышение связано с громом, грянувшим над Россией в 1571 году.

Весной на южных подступах к сердцу страны объявились орды крымского хана Девлет-Гирея. Земская и опричная армии вышли навстречу неприятелю. Но руководство у них было раздельным, разведка велась из рук вон плохо, к тому же среди русских служилых людей нашелся предатель — настоящий, а не «довернутый» до статуса изменника воображением царя Ивана Васильевича. Результат — стремительный отход наших войск, неудачная оборонительная операция под Москвой и великий пожар, уничтоживший город. После того как татары ушли из-под Москвы с огромным «полоном», началось расследование. В нем Григорий Лукьянович принял участие и, вероятно, отличился.

Допустим, вина нескольких опричных воевод, проштрафившихся самым очевидным образом, была ясна и без его усилий. Отношения между князем М. Т. Черкасским и царем давно стали прохладными. Михаил Темрюкович имел основания подозревать, что его сестра, царица Мария Темрюковна, ушла из жизни не по своей воле. А царь имел основания подозревать самого М. Т. Черкасского в сговоре с неприятелем. Сейчас трудно определить, существовал ли этот сговор на самом деле, но почва под опасениями Ивана IV была. Князя, очевидно, казнили еще до московского разгрома, в ходе оборонительной операции. Прочие опричные военачальники (и прежде всего князь Василий Иванович Темкин-Ростовский) не уберегли от татар и огненной стихии Опричный двор — царскую резиденцию в Занеглименье. Опять-таки результат налицо, смысла в расследовании нет.

Но, во-первых, оставалась неясной степень вины земских воевод. Оплошность? Измена? Слабость?

Старшим среди них после гибели князя И. Д. Бельского оказался один из величайших вельмож грозненского царствования — князь Иван Федорович Мстиславский. Автору этих строк уже приходилось доказывать, что за Мстиславским в 1572 году не числилось никакой измены[180]. Сам царь нимало не верил в нее. Но если пострадали видные опричники, то как земским

остаться без наказания?

Царю требовался громкий «политический процесс», а не подлинное расследование. Никакие подозрения в предательстве Мстиславского не посещали государя. Однако Иван IV был недоволен Иваном Федоровичем, и монаршее недовольство не носило одного лишь формального характера. Князь оказался среди тех, кто проиграл большую битву. Есть ли в том его вина или же ее несут иные командиры (да и сам государь) — трудно сказать. По всей видимости, Иван Федорович заменил Бельского на посту командующего слишком поздно, чтобы выправить исход оборонительной операции. Однако в вину ему могли поставить то, что царь очень долго не получал вестей из спаленной столицы и даже не знал, чем закончилось сражение у ее стен. К тому же Мстиславский не позаботился о расчистке города от мертвецов. Бог весть, был ли он тогда в состоянии заботиться о чем-либо, увидев, как в лютом пламени сгорел его полк…

Малюта Скуратов мог всерьез понадобиться государю для организации «политического процесса» с позорищем и унижением для Мстиславского.

Во-вторых, помимо крупных фигур в печальной истории большого московского пожара 1571 года оказались замешаны мелкие служилые люди. Именно они оказали татарам услуги в качестве проводников. Например, некий сын боярский Кудеяр Тишенков — тот самый предатель, о котором говорилось выше. Впоследствии он долгое время служил крымскому хану, был у татарского правителя в милости.

И тут настоящее расследование требовалось на самом деле, притом самое тщательное. Царя, надо полагать, тревожила мысль о том, что от сих невеликих птиц веревочки потянутся к «столпам царства». Бог весть, располагал ли Григорий Лукьянович разыскными способностями или же только карательными. Но к делу его привлечь могли. Во всяком случае, осенью 1571 года Малюта расспрашивал вернувшегося из Крыма русского гонца Севрюка Клавшова о Кудеяре Тишенкове и других московских изменниках[181].

Действия Григория Лукьяновича, надо полагать, вполне удовлетворили монарха. Возможно, это и создало почву для единственного воеводского и нескольких дипломатических назначений в карьере главного опричника.

Григория Лукьяновича не лишили милостей, даже когда черное солнце опричнины уже закатывалось. Так, в начале осени 1572 года Г. Л. Скуратов-Бельский получил поместье на Новгородчине и принялся опустошать соседние деревни, «вывозя» оттуда к себе крестьян[182].

Вместе с Григорием Лукьяновичем благоденствовала и его родня. В весеннем походе к Новгороду, когда Малюта ходил в дворовых воеводах, Верига Третьяков (Третьякович) числился поддатней у рынды «с большим саадаком» — как и за год до того. А Богдан Бельский вышел уже в рынды «с рогатиной» — заметная должность! Этот пост он сохранит даже после падения опричнины. В конце 1572-го — начале 1573 года, когда царь во главе русской армии осадил ливонскую крепость Пайду, Богдан Яковлевич — опять рында «с рогатиной»[183]. Для его знаменитого дяди это последний поход. А вот самого Б. Я. Бельского ждали долгая карьера и высоты власти.

Князь Андрей Курбский, родовитый перебежчик, вступив с Иваном IV в полемику, то и дело обвинял царя в том, что тот отдалил от себя древнюю аристократию, приблизив безродных и ни на что не годных «калик». Время от времени он называл кого-нибудь из людей, характерных, по его мнению, для нового окружения царя. Осенью 1579 года, через семь лет после отмены

опричнины, князь указал в третьем послании Ивану Васильевичу на род Скуратовых-Бельских, сделав его олицетворением всех опричных «парвеню». По его мнению, сам дьявол, «всегубитель наш», поднес царю «…вместо избранных и преподобных мужей, правду… глаголющих не стыдяся, прескверных паразитов и маньяков… вместо крепких стратигов и стратилатов — прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарыщи и вместо храбраго воинства — кромешников, или опришнинцов кровоядных, тьмы тьмами горших, нежели палачей; вместо богодухновенных книг и молитв священных… — скоморохов со различными дудами и богоненавистными бесовскими песньми…»[184].

Малюта давно покоится в гробу. Но род его, процветающий при государе Ивана Васильевиче, всё еще не утратил темного ореола. Бельские — потомки главного опричного карателя, никто не забыл этого.

Можно констатировать: на протяжении двух лет, ставших последними в истории опричнины, Григорий Лукьянович стоит весьма высоко. Именно в 1570–1572 годах он — «первый в курятнике». Может быть, с конца 1569 года, но не раньше. В ту пору Малюта пребывает на вершине карьеры. Он добился того, о чем прежде и мечтать не мог. Опричнина дала ему невероятное, немыслимое возвышение, ни при каких обстоятельствах невозможное для провинциального сына боярского доопричного времени…

Кто для него все эти высокородные аристократы? Чужие. Лучше сказать — мясо, которым можно насыщаться по разрешению государя. Проливать кровь людей, стоящих на социальной лестнице неизмеримо выше тебя, — редкое удовольствие для людей подобного склада.

Но вот какой парадокс: стремясь закрепить положение своего ничтожного рода на верхних ступенях служебной лестницы, Григорий Лукьянович повел тонкую «брачную политику»; четырех своих дочерей он отдал замуж за родовитых аристократов{37}.

Анна Григорьевна Скуратова-Бельская сделалась супругой князя Ивана Михайловича Глинского. Князья Глинские входили в десятку, если не в пятерку высших родов русской знати. Иван Михайлович был богат, приходился близкой родней матери самого Ивана Грозного. Как жених он обладал лишь одним недостатком: считался человеком «очень простым и почти полоумным»[185]. Впрочем, странная «простота» совмещалась в нем с полководческим дарованием[186], и впоследствии он станет крупным военачальником.

Марья Григорьевна Скуратова-Бельская оказалась замужем за Борисом Федоровичем Годуновым, выходцем из старинного боярского семейства. Годунов считался, конечно, женихом более низкого ранга, чем Глинский. Но в нем, надо полагать, видели «перспективную» фигуру. Опричное время дало ему возможность роста при дворе. Малюта не прогадал: Борису Федоровичу предстояло, пережив Ивана IV и его сына Федора Ивановича, взойти на царский трон… Еще в 1567 году Григорий Лукьянович о родстве с Годуновыми даже мечтать не мог — настолько те превосходили его собственный род знатностью. А теперь он имел возможность дать дочери в приданое большую вотчину на 570 четвертей — села Васильевское и Михайловское в Тверском уезде. Не обидел знатного зятя…

Христина (по другим источникам, Екатерина) Скуратова-Бельская стала женой князя Дмитрия Ивановича Шуйского. Она получила от отца в приданое обширную вотчину — 660 четвертей у села Семеновское под Переславлем-Залесским. Князья Шуйские по знатности могли тягаться с Глинскими и даже превосходить их. Высокородные Рюриковичи, они считались своего рода «принцами крови» при дворе московских государей. Династический кризис мог вывести Шуйских к трону, как и произошло во времена Смуты. Они обладали весьма значительными земельными владениями, прочно удерживали высокие посты в армии и Боярской думе. Брат

Дмитрия Ивановича, Василий, окажется еще более живучим, нежели Б. Ф. Годунов. Он успеет пережить и Бориса Федоровича, и его врага Лжедмитрия I, а после смерти самозванца воцарится на русском престоле. К тому времени Христина, дочь Малюты, еще будет жива…

Наконец, четвертая дочь Малюты, Елена, оказалась супругой князя татарского происхождения Ивана Келмамаева (Келмамаевича)[187]. В середине 1573 года ближайшие родственники Малюты делают обширные вклады и по Иване Келмамаеве, и по его жене. Следовательно, оба к тому времени мертвы{38}.

Таким образом, худородным девицам в мужья достались три блистательных русских аристократа и татарский князь.

Если «автором» этих матримониальных комбинаций являлся сам Малюта, то замыслы его несли в себе изрядный цинизм. Уничтожая знать, он пытался использовать ее родовые привилегии, не надеясь, что его собственное высокое положение сохранится за детьми.

За Марьей и Христиной Скуратовыми-Бельскими установилась дурная слава. Их недолюбливали, а порой и прямо называли отравительницами. Репутация отца передалась дочерям: от них ждали злодейства. Как только какое-нибудь громкое преступление совершалось в шаге от русского престола, его немедленно примеряли к этим двум женщинам. Бог весть, передались ли им полное равнодушие отца к нравственному закону и его же холодность к чужой жизни. Существует вероятность того, что Малютины дочки непричастны ни к каким тайным убийствам.

Но народ думал иначе.

Псковская летопись содержит яркий фрагмент, превосходно показывающий, как относились современники к дочерям Григория Лукьяновича: «…злаго корени злая отрасль, яко же древняя змия льстивая, подойде княгиня Дмитреева Шуйского Христина Малютина дочь Скуратова, иже быть наперсник и злый советник и убийца при великом цари Иване и гонитель роду християнскому, той же и преосвященнаго митрополита Филиппа затуши… сего злаго плода и лютаго варвара злыя отрасли, новыя Иродияды, иже бе сестра Борисовы жены Годуновы, иже отравою окорми праведного царя Феодора, сия же злая диаволя советница, яко медь на языке ношаше, а в сердце меч скова, и пронзе праведнаго и храбраго мужа, прииде к нему с лестию, ноша чашу меда с отравою. Он же незлобивый не чая в ней злаго совета по сродству, взем чашу и испить ю; в том часе начат сердце его терзати»[188]. Речь идет о двух смертях, в которых обвиняли Марью и Христину Скуратовых-Бельских. Царь Федор Иванович ушел из жизни в 1598 году, и ходили слухи, будто кончину его поторопили Годуновы, в частности жена Б. Ф. Годунова Марья. Знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский умер в 1610 году весьма молодым человеком. Молва приписала его смерть воздействию яда. А совершила отравление, как полагали многие, жена его родственника — князя Д. И. Шуйского…

От русских подобное отношение передалось иностранцам. Не напрасно Исаак Масса, голландский купец и дипломат XVII века, писал о Марье Скуратовой-Бельской: «Эта женщина… имея сердце Семирамиды, постоянно стремилась к возвышению и мечтала со временем стать царицей… постоянно убеждала своего мужа в том, что никто, кроме него, после смерти [царя] Федора [Ивановича] не может вступить на престол, хотя еще живы были другие, а именно [царевич] Димитрий…» И далее: «Во всех предприятиях ему (Борису Годунову. — Д В) помогала жена, и она была более жестока, чем он; я полагаю, он не поступал бы с такой жестокостью и не действовал бы втайне, когда бы не имел такой честолюбивой жены»[189].

Сын Малюты, Максим Григорьевич по прозвищу Горяин, рано умер и оставил по себе очень мало следов в источниках. Известно, что уже в 1576 году его не было в живых. Богдан Бельский, племянник Малюты, сделал вклад «по брате[39] по своем, по Максиме по Григорьевиче Бельском, по Малютине сыне по Горяине». Успел ли Максим Горяин жениться, не успел ли, ответа источники не дают. Скорее, второе: какие-либо наследники его не известны.

Другие члены семьи главного опричника также получили шанс на возвышение. Царь жаловал их неоскудно.

Надо полагать, Малюта строил великие планы на будущее.

И вот всё рухнуло.

Глава десятая. Честная гибель

Опричнина шла к «закрытию» с весны 1571 года. Военные неудачи снизили ценность этого учреждения в глазах царя. Речь идет не только о разгроме Москвы в 1571 году и гибели Опричного двора в Занеглименье. Опричный отряд неудачно действовал и при осаде Ревеля (Таллина) в 1570–1571 годах. Летом 1571-го опричный боевой корпус — крупное воинское соединение — распался. Во второй половине того же года начала разрушаться система опричного землевладения. Ну а Слободской орден, как видно, исчез еще раньше, в 1569 или 1570 году.

Приблизительно в период с июня до начала августа 1572 года Иван Васильевич составлял проект завещания. С удивительным равнодушием царь туда впишет краткое разъяснение для сыновей по поводу опричнины: «А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят; а образец им учинен готов». Очевидно, государь успел изрядно охладеть к своему любимому детищу.

Победа над крымцами Девлет-Гирея летом 1572 года, невозможная без участия земских войск и земских воевод, оказалась, вероятно, решающим аргументом против опричнины. Между концом августа и 20 сентября последние остатки опричной организации были расформированы. Исчезла опричная Боярская дума, существовавшая отдельно от земской, а само слово «опричнина» попало под строгий запрет.

Карьера незнатных фаворитов монарха оказалась под угрозой. На исходе 1572-го они должны были почувствовать себя людьми, стоящими на краю пропасти…

Государю Ивану Васильевичу предстояло решить: как поступить с «худородными» опричными вьдвиженцами. Они делились на две части. Во-первых, те, кто мог еще оказаться полезен. Во-вторых, те, в ком острой нужды не ощущалось.

К первой группе следует отнести толковых военачальников, дипломатов, администраторов. Иначе говоря, людей «безнинского» типа — тех, кто проявил к своему делу очевидные способности. Их оказалось не столь уж много.

Вторую группу составляли «исполнители», среди которых Малюта был самым «ярким» деятелем, и просто лояльные прихлебатели, собутыльники, шуты.

Самые никчемные, самые ненужные из тех, кто входил во вторую группу, оказались «отбракованными». Их просто опустили до уровня служебных назначений, адекватных их

происхождению. Никакого воеводства, никакого сидения на высоких административных должностях. Влиятельные временщики вернулись к положению рядовых служильцев.

С «исполнителями» было сложнее. Они могли еще пригодиться. Отмена опричнины явилась своего рода компромиссом с верхушкой военно-служилого класса. Но казни никуда не исчезли. На протяжении грозненского царствования еще не раз грянут устрашающие репрессии. Они всего лишь сократятся в масштабах: не будет второго Новгорода, не будет второго «расследования» по «делу Федорова», не будет и нового лета 1570 года, когда за день могли публично уложить 120 человек… Но «исполнители» еще понадобятся. Например, когда царю потребуется травить собаками новгородского владыку Леонида, предварительно нарядив его в медвежью шкуру. Или когда придет черед «ликвидировать» знаменитого полководца и очень богатого вельможу князя М. И. Воротынского… Положительно, «исполнители» еще окажутся нужны. Вот только не в таких количествах и не столь часто, как раньше.

Перспективы Григория Лукьяновича после опричнины выглядят смутно. Оставил бы его царь при себе «на всякий случай»? Возможно. Но мог и не оставить: компромиссу, установившемуся в русском обществе после опричнины, не добавлял прочности тот факт, что рядом с монаршей особой присутствовала столь одиозная фигура — безродный палач, смертно ненавидимый тьмочисленной родней своих жертв. Почему бы не пожертвовать пешкой, отыгравшей свое? В конце концов, хорошего «исполнителя» на будущее можно выбрать и среди менее запятнанных кровью людишек…

А выбирать придется. И причина для этого — весьма серьезная.

Пока существовали две служилые иерархии — земская и опричная — карьера в них проходила по разным «правилам игры». В верхнем эшелоне земщины сохранялось традиционное для середины XVI века абсолютное преобладание «княжат» и старых боярских родов. А в опричнине царь мог «подтянуть» на самый верх людей никоим образом не родовитых. «Подтянуть» до определенного предела: в опричнине были свои местнические тяжбы, и царь Иван Васильевич хоть и мог порой обидеть более знатных людей, продвигая весьма худородного служильца, но отменить местнические счеты совсем, как систему, не имел возможности. Даже не пытался.

Так вот, осенью 1572 года одна из двух иерархий пропала. Свернулась с громким хлопком. Следовательно, те, кто служил в этой новой, ныне пропавшей иерархии, должны были войти в старую, земскую иерархию. Теперь в отношении всех этих людей начали работать доопричные традиции и доопричные «правила игры». А значит, «вытянуть» всех опричников на прежний уровень служебных назначений оказалось просто невозможно. Для князя Ф. М. Трубецкого это обстоятельство ничего не значило, он возвышался над подавляющим большинством служилых аристократов России — что с опричниной, что без опричнины… Для князя Дмитрия Ивановича Хворостинина, лучшего опричного полководца, начинались серьезные сложности и упорная местническая борьба. Но и он по роду своему и по боевым заслугам мог претендовать на многое. Для худородных выдвиженцев новая ситуация означала приговор: им предстояло просто рассеяться в нижней части служилой пирамиды…

Лишь в отношении некоторых из них царь, очевидно, изъявил готовность жаловать паче знатности. Иными словами, создавать условия, при которых эта немногочисленная группа могла частично оставаться «у великих дел». В Думе. При дипломатическом ведомстве. В приказах и иных административных учреждениях.

С отменой опричнины для Григория Лукьяновича, как и прочих худородных выдвиженцев, резко сократились возможности продолжать карьеру на уровне прежних высоких чинов.

Особенно в армии, где «правильность» назначений в соответствии с «породой» и «отечеством» отслеживалась четко. Таким образом, падение Малюты по служебным назначениям должно было произойти с полнейшей неизбежностью…

Но, стоит повторить, небольшой группе самых нужных государь мог предоставить особую возможность отличиться: тогда возникал шанс распространить на них благоволение, уже никак не связанное со статусом этих людей в опричнине. Свой «двор» у царя сохранялся до самой его кончины, и там, в составе «дворовых людей», отыскались бы высокие ответственные посты для подобных «парвеню». Они уже не могли бы стать ключевыми фигурами воеводского корпуса — исчезла опричная армия. Они уже не могли бы стать наместниками в крупных городах — исчезли города и крепости опричные. А по «отечеству» неродовитые опричники не смели тягаться при назначении на воеводство и наместничество с родовитыми «княжатами». Но придворная служба, дипломатия и выполнение разного рода личных поручений царя еще могли удержать на изрядной высоте кое-кого из прежних опричных «выскочек». Итак, требовалось показать новые, явные заслуги перед монархом и землей. Вот только отличия эти должны были иметь действительный вес в глазах всей служилой аристократии…

И монарх провел самых нужных через испытание кровью. Через смертельный риск. Так, чтобы уцелевшие получили «второй шанс» честно.

На примере последних месяцев в жизни Григория Лукьяновича эта необычная ситуация прослеживается со всей ясностью.

Осенью 1572 года русская армия сосредоточивалась для большого похода на ливонском фронте. Планировалось масштабное наступление. Армию возглавил сам государь, не появлявшийся на западном театре военных действий со времен «Полоцкого взятия» 1563 года. Требовалось переломить ситуацию вялотекущих боевых действий, когда ни одна из сторон не могла добиться решительной победы.

Иван Васильевич искал военного успеха не только по причинам стратегическим или тактическим. Вероятно, царь стремился также восстановить собственный авторитет удачливого военачальника. Великая победа над татарами на Молодях была одержана несколько месяцев назад без его участия. Монарх пережидал нашествие крымцев в Новгороде Великом. Это могло не лучшим образом сказаться на его репутации. Следовало обновить лавры отважного полководца…

3 декабря 1572 года русской полевой армии назначен был срок для общего сбора «на Яме» для похода «на свийские немцы». Для новой кампании наше командование сконцентрировало немалые людские ресурсы: войско ливонского короля Магнуса, отряд наемников Юрия Францбека, отряды служилых татар, шесть русских полков, государев двор и мощную осадную артиллерию. Это огромная сила, какой давно не собирало Московское государство.

Среди прочих служилых людей отправился в зимний поход и Григорий Лукьянович. Как показывает разрядная запись, он был понижен до уровня прежних своих назначений. Теперь Малюта не воевода, а всего лишь «ездит за государем» вместе с Василием Грязным[190]. Это очень неопределенная должность: не воевода, не голова, не рында, а нечто вроде почетного сопровождения. Либо за этой неопределенностью должен был последовать новый взлет, либо… завершение фавора.

27 декабря московское войско явилось под стены ливонского замка Пайда (Вессенштайн). Он занимал стратегически важное положение — на полпути от Нарвы, Юрьева и Феллина (уже взятых нашими воеводами) к Ревелю. Пайда считалась крепким орешком: полевые соединения

Ивана IV безрезультатно приступали к ней в 1558, 1560 и 1570 годах{40}. Здесь ожидали встретить жестокое сопротивление.

Но на сей раз крепость располагала лишь незначительным количеством защитников. Большой битвы не получилось.

Русские пушкари расположились с орудиями на позициях и обрушили на стены Пайды убийственный огонь. Они сумели проломить немецкие укрепления. 1 января 1573 года замок удалось взять штурмом, через пролом. Во главе отрядов, бравших Пайду приступом, под вражеским огнем, шли видные опричники, желавшие получить тот самый «второй шанс»: Михаил Безнин, Роман Алферьев, Василий Грязной[191]. Что ж, они сумели выполнить свою задачу и честно, на глазах у всего воинства, заслужили государево благоволение.

Вместе с ними был и Малюта, погибший в тот день.

Именно его смерть, по всей видимости, стала причиной жесточайшего обращения с пленниками. За малым исключением их сожгли, что подтверждается и ливонскими, и русскими источниками[192]. И надо бы здесь добавить какие-нибудь грозные слова: дескать, главный палач России уже мертв, но сама тень его влечет за собою новые души на тот свет… да неудобно и некрасиво выйдет. Слишком уж страшен пайдинский эпизод Ливонской войны. В «Пискаревском летописце» все случившееся в ливонской крепости передано спокойным тоном, от которого веет жутью: «Взя Пайду не во многи дни и немцев изсече всех, и на огне жгоша. И тут у приступа убили ближнего царева и думнаго дворянина Малюту Скуратова. А взяша город на Васильев вечер»[193]. Чуть больше эмоций в Псковской летописи: «Ходил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, на зиме, град Немецкий Пайду взял и многих немец погуби лютою смертию»[194]. Добавить нечего.

О гибели Малюты написано многое. Высказывались, среди прочего, и спорные гипотезы.

Так, С. Б. Веселовский, отличавшийся большой осторожностью при работе с источниками и строгостью в выводах, поддался какому-то романтическому настроению: «На ратном поприще Малюта не подвизался, не бывал даже в начале карьеры в рындах… Поэтому его смерть 1 января 1573 г. на приступе к Пайде заслуживает внимания. Известно, что царь Иван, разочаровавшийся в своих опричниках, в конце опричнины и непосредственно после ее отмены без пощады стал их уничтожать. Само собой разумеется, что М. Скуратов это знал. Ивану не было надобности прибегать к прямым угрозам, чтобы Малюта понял, что ему ничего не остается, как пойти на верную смерть в рискованном деле, тогда как у него не было ни знаний ратного дела, ни соответствующей опытности. Поэтому смерть Малюты под Пайдой можно сравнить с судьбой Васюка Грязного, посланного в том же 1573 г. на опасную разведку донецкой степи без всякой соответствующей подготовки и попавшего в плен к татарам»[195].

Версия Веселовского наполнена духом античной трагедии: тиран, долго пользовавшийся преданностью палача, затем вынуждает его совершить самоубийство на поле брани… Что ж, красиво. Однако никаких подтверждений этой гипотезе в источниках нет.

Уместнее обойтись без сложных психологических конструкций. Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский жил по уши в грязи и по локоть в крови. Жил он как зверь. Зато умер как человек. Сражаясь за отечество, честно сложил голову. Смерть Малюты — самое светлое место в его биографии.

И стоит ли тут накручивать что-то еще?

По сведениям В. Б. Кобрина, на помин души Григория Лукьяновича лишь в Иосифо-Волоцкую обитель была выделена огромная по тем временам сумма — 150 рублей, и еще 100 рублей отправили в Кирилло-Белозерский монастырь[196]. По душам собственных жен и дочерей царь делал меньшие пожертвования…

Впрочем, может быть, размеры первого вклада по Малюте были даже бблыиими. Приходная книга Иосифо-Волоцкого монастыря сообщает, что в начале мая 1573 года у казначея Никифора Марьина «в ларчике» хранилось «Малютиных церковных денег 200 рублев» — то ли более полная сумма первого царского вклада по Малюте, то ли вклад, сделанный им самим при жизни в обитель[197].

В течение года после гибели Григория Лукьяновича вдова опричника Марья как минимум трижды вносила значительные пожертвования «братье на корм», а также «на молебны и на панахиды»[198]. Затем она в течение еще нескольких лет продолжала давать поминальные вклады, но уже рядовые по размеру. Последнее пожертвование относится к 27 марта 1576 года. Позднее она сама приняла монашеский сан и вскоре скончалась под именем «иноки Маремьяны». Сын Марьи и Малюты Горяин 7 мая 1576 года прислал в Иосифо-Волоцкую обитель 50 рублей «на вечный поминок»[199]. Сам он также в ближайшие месяцы уйдет из жизни.

Марья Скуратова-Бельская могла себе позволить богатые вклады. Она получила «пансион», что для грозненской эпохи — уникальный случай. Вдовам погибших дворян давали тогда на прожиток часть поместья, с которого служили их покойные мужья, но никак не «пенсию». 400 рублей, ежегодно выплачиваемые вдове Малюты, — огромная сумма[200]. Это размер одного из крупнейших служебных окладов во всем государевом дворе. Тот же Богдан Бельский, монарший любимец, получал всего лишь 250 рублей.

В храмах, по прямому указанию Ивана IV, Малюту поминали на протяжении многих лет. 21 сентября 1575 года царь дал пожертвование по Малюте инокам Иосифо-Волоцкой обители и велел «поминати его, доколя манастырь… стоит»[201]. 3 июня 1576 года государь Иван Васильевич даровал по Малюте новые 50 рублей[202]. Еще и 25 мая 1579 года монарх помнит службы Григория Лукьяновича и дает монастырю 10 рублей «на корм» по «Малюте по Бельском да по сыне его по Горяине», а затем, 20 декабря, еще 10 рублей — только «по Малюте»[203]. Лишь тогда государевы поминальные вклады исчерпались. Какие там 150 рублей! Общая сумма царских пожертвований намного больше.

Велика духовная связь между Иваном IV и главным его «исполнителем»…

Родственники Малюты продолжали пользоваться большим почетом, кое-кто из них еще поднимется высоко — об этом уже говорилось. В списке служилых людей государева двора за 1573 год, то есть после гибели Григория Лукьяновича, числятся представители его семейства: Богдан Яковлевич Бельский, Верига Третьяков-Бельский, Григорий и Давыд Неждановы-Бельские, Булгак Данилович Бельский, Афанасий Васильевич Бельский, Богдан Сидорович Бельский, Иван Богданович Бельский, Степан Ашеметевич Бельский[204]. Помимо них, в числе «дворовых» названы некие Иван Федорович да Ондреец Иванович Невежины[205] — вероятно, потомки Невежи Яковлевича Бельского. Весной 1574 года, во время похода Ивана IV к Серпухову, Богдан Бельский «розмечен» в его свиту как рында «с шеломом», а Григорий Нежданович Бельский занял прежнюю, чуть более низкую должность Б. Я. Бельского — он рында «с рогатиной»[206]. Как будто унаследовал… Два года спустя в реестре дворян, участвовавших в царском походе к Калуге, представители семейства Скуратовых-Бельских выполняют множество функций: двоим назначено «в стану у государя спать и у ночных

сторож… быть», четверо назначены рындами у государя, пятый{41} — у царевича Ивана Ивановича, еще один — «дозирает сторожи»[207]. Что это значит? Родне покойного Григория Лукьяновича царь оказывает недюжинное благоволение.

Останки Малюты погребены на территории Иосифо-Волоцкой обители, куда их доставил Е. М. Пушкин[208]. Видимо, на кладбище этой обители когда-то имелся участок, предназначенный для родового погребения Скуратовых-Бельских{42}. Могильное место давно забыто. Но до сих пор иноки показывают участок, прилегающий к стене трапезной, где, по монастырским преданиям, лежит тело Г. Л. Скуратова-Бельского.

За что оказали Малюте и его семейству такие почести? В память о верной и преданной службе в роли старшего «исполнителя»? Как главному во всей опричнине царскому любимцу? В качестве благодарности за какие-то советы, поданные царским фаворитом по государственным делам?

Думается, более вероятно другое. Государь Иван Васильевич имел все основания радоваться взятию Пайды. Эта победа совершилась под личным его руководством. Таким образом, монарх вернул реноме искусного и решительного военачальника, разрушенное московским разгромом 1571 года. И пусть дальнейшее наступление русских войск захлебнулось — тут уж виноват не царь, отбывший после пайдинского успеха из действующей армии. Почести, оказанные Малюте посмертно, а также благодеяния, дарованные семейству Григория Лукьяновича, косвенно возвышали и самого государя: если памяти героя, павшего смертью храбрых при взятии мощной крепости, воздаются такие почести, значит, дорогого стоит сама победа… Правда же состоит в том, что Пайда хоть и сильный замок, а все же по ценности далеко уступает и Казани, и Полоцку. Успех — да, но частный, невеликий. Огромная армия, собранная под стенами замка, была явно избыточной для решения подобной задачи. Но бой был, кровь пролилась, погиб видный человек. Резонно возвысить смерть его, тогда вместе с нею возвысится и само приобретение, купленное кровью столь известного мертвеца.

В натуре государя Ивана Васильевича сочетались артистизм и прагматизм. Кто умер под Пайдой? Верный пес. Большая ли потеря? Да не столь уж незаменим преданный палач! Псы всегда найдутся, буде в них возникнет надобность… Но даже из трупа любимой собаки можно извлечь политическую пользу.

Судьба Малюты Скуратова получила необычное продолжение через много столетий после его кончины.

Григорий Лукьянович — весьма крупная фигура в русской истории XVI столетия. Одно поколение потомков проклинало его, другое, поддавшись очарованию официальной идеологии, принималось искать в нем чуть ли не паладина справедливости. В любом случае, интерес к его персоне был и остается исключительно высоким.

Поэтому в среде знатоков московской старины, столичных экскурсоводов, журналистов и публицистов время от времени вспыхивают разговоры о некой «усадьбе Малюты», «доме Малюты» или «Малютиных палатах» на территории российской столицы.

Порой о существовании «Малютиных палат» говорят и пишут с необыкновенной уверенностью, хотя источники не дают на этот счет сколько-нибудь вразумительных сведений. Указывают разные «адреса» — то приблизительно, то с удивительной точностью.

Среди всех этих версий, построенных, большей частью, на основе чистого вымысла, одна заслуживает более серьезного внимания. В наиболее полной форме она высказана Еленой

Лебедевой, известным историком московской церковной старины. Рассказывая о храме Святого Антипы Пергамского на Колымажном дворе (Волхонка), Лебедева пишет: «Огромное количество приделов стало еще одной особенностью церкви. Первым был придел во имя св. Григория Декаполита, устроенный в южной апсиде и имевший собственную глухую главку. Его сооружение ученые и приписывают семье Скуратовых. По одной версии, его строил во имя небесного патрона сам Малюта Скуратов, имевший подле этого храма свой московский двор… Местонахождение усадьбы Малюты до сих пор вызывает множество научных споров. Молва приписывала ему владение дьяка Аверкия Кириллова на противоположном берегу Москвы-реки{43}. Другие ученые считают, что дом Скуратова как думного дворянина и особо приближенного к царю (в Александровской слободе он занимал должность “пономаря”) и вовсе мог находиться в Кремле, но это предположение{44}. В правление Ивана Грозного эта территория (от Пречистенской набережной до Большой Никитской улицы) была отдана в опричнину. И, вероятно, Малюта действительно получил здесь двор для жительства — на нынешней Волхонке близ храма Христа Спасителя. А его личные конюшни, по преданию, находились в районе Малого Власьевского переулка, что близ Пречистенки… В то время Антипьевская церковь здесь уже точно стояла… Достоверно известно, что в XVII веке к Антипьевской церкви с восточной стороны вплотную примыкала родовая усадьба Скуратовых, принадлежавшая потомкам брата Малюты, Ивана Скуратова. Антипьевская церковь служила их фамильной усыпальницей. Отсюда явилась другая версия — придел св. Григория Декаполита могли устроить и сами родственники Малюты уже после его гибели… До середины XVII века усадьба на Волхонке принадлежала потомкам брата Малюты, Ивана Скуратова, ставшего родоначальником этой ветви. Сам патриарх Филарет отпевал и погребал здесь в 1627 году его правнука, Дмитрия Федоровича Скуратова, служившего воеводой в Вязьме и Мценске. Его сын Петр, тоже воевода, оказался последним владельцем московской усадьбы, которая перешла от него во владение князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского, чье имя значилось в списках прихожан Антипьевского храма»[209].

Выдающийся историк Москвы П. В. Сытин как будто приводит фактическое основание для версии, согласно которой «Малютины палаты» стояли где-то в районе Волхонки: «Во времена Ивана Грозного по улице (Волхонка. —Д.В.) стояли дворы опричников. При сносе в Чертолье церквей Похвалы Богородицы и Всех Святых была найдена каменная плита с надписью, что под ней похоронен убитый в 1570 г. в Ливонской войне сподвижник Ивана Грозного Малюта Скуратов. Это служит доказательством того, что двор последнего находился в Чертолье, так как до XVIII в. хоронили умерших в приходских церквах и кладбищах при них, в приходе которых стояли дворы покойников»[210]. К сожалению, историк не называет источник своих сведений о каменной плите. Откуда он мог взять информацию про Малютино надгробие?

По всей видимости, Сытин не совсем точно пересказывает анонимную заметку с первой полосы газеты «Вечерняя Москва» от 23 сентября 1932 года. Там сказано: «За последние дни при рытье котлована для фундамента Дворца Советов сделано несколько чрезвычайно интересных находок. Вчера, например, обнаружили склеп Малюты Скуратова, любимого опричника Ивана Грозного. Склеп нашли на глубине 5–6 метров под зданием бывшей церкви, стоящей на берегу Москвы-реки, невдалеке от бывшего памятника Александру III (церквушка эта уже снесена). О том, что здесь похоронен именно Малюта Скуратов, говорит то обстоятельство, что при разборе бывшей церкви над тем самым местом, где сейчас обнаружен склеп, была найдена плита с надписью: “Здесь погребен Малюта Скуратов, 1573 г.” (год смерти Малюты)… Раскопки продолжаются. Все интересные для истории Москвы предметы будут переданы в Исторический музей».

Сколь достоверна эта информация? Вопрос непростой…

Указ, которым вводилась опричнина, с большой точностью очерчивает территорию нового царского «удела». Это относится и к городам и областям, взятым в опричнину по всей стране, и к опричному сектору в самой Москве: «…На двор же свой и своей царице великой княгине двор повеле место чистити, где были хоромы царицы и великой княгини, позади Рожества Пречистые и Лазаря Святаго, и погребы и ледники и поварни все и по Курятные ворота; такоже и княже Володимерова двора Ондреевича место принял и митрополича места. Повеле же и на посаде улицы взяти в опришнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и з Семчинским сельцом и до всполия, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцевым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы. А слободам быти в опришнине: Ильинской, под Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской. И некоторые улицы и слободы поймал государь в опришнину, и в нех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поимал в опришнину. А которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад…»[211]

Опричная резиденция Ивана IV просуществовала в Москве до мая 1571 года, когда она погибла в огромном московском пожаре. Возможно, ее восстановили хотя бы частично: царь недолго жил там и в середине 1570-х[212].

Для постройки Опричного двора — главной политической резиденции государева «удела» — было снесено множество зданий на Неглинной, напротив Кремля. Московский опричный дворец располагался в том месте, где соединяются улицы Воздвиженка и Моховая; точно определил его положение дореволюционный историк И. Е. Забелин[213].

Все квадратное в плане пространство, отданное под постройку, было окружено высокой стеной с тремя воротами. На сажень она состояла из тесаного камня и еще на две сажени — из кирпича. Рядом с дворцом располагались, по всей видимости, казармы опричной стражи («особый лагерь» в не очень точном переводе по Шлихтингу). Видимо, общая численность московского опричного отряда, охранявшего царя, составляла 500 человек. Северные ворота играли роль «парадных». По свидетельству Генриха Штадена, они были окованы железными полосами и покрыты оловом. Сторожил их засов, закрепленный на двух мощных бревнах, глубоко врытых в землю. Украшением ворот служили два «резных разрисованных льва» (вместо глаз у них были вставлены зеркала), а также черный деревянный двуглавый орел с распростертыми крыльями, обращенный «в сторону земщины». На шпилях трех главных палат также красовались орлы, повернутые к земщине. Опричный дворец был надолго обеспечен всем необходимым, значительную часть его территории занимали хозяйственные постройки: поварни, погреба, хлебни и мыльни; «над погребами были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы…». Поскольку строительство производилось на сыром месте, двор пришлось засыпать песком «на локоть в вышину». Даже церковь поставили на сваях. Главная палата стояла напротив восточных ворот, в нее можно было войти по двум лестницам (крылечкам). Перед лестницами высился помост, «…подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод украшены были резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла на восток перед двором, вне ограды…»[214].

Помимо московского Опричного двора в разное время строились иные царские резиденции: в Старице, Вологде, Новгороде. На территории Александровской слободы опричный дворец

стали воздвигать, по всей видимости, одновременно или вскоре после московского[215]. Туда Иван Васильевич переехал из Москвы не ранее второй половины 1568 года и не позднее марта 1569 года. В московском дворце Иван IV провел относительно немного времени. Зато Александровская слобода, а позднее Старица на долгие годы становились настоящими «дублерами» русской столицы. Часть сооружений опричной поры сохранилась там до наших дней.

Палаты видных опричников возводились по соседству с резиденциями Ивана IV — как в Москве, так и в Александровской слободе.

Опричные владения в Москве располагались компактно. Это широкая полоса старинных улиц, идущая от Кремля и Большой Никитской к югу и юго-западу; доходит она до Новодевичьего монастыря, занимая значительную часть той петли, которую делает Москва-река между нынешними Смоленской и Пречистенской набережными. Улица Волхонка и Чертолье оказались в ядре опричной Москвы, от них до Опричного двора Ивана Грозного — совсем недалеко. Теоретически здесь могли находиться палаты Скуратовых-Бельских.

Но так ли было на самом деле?

Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский действительно погиб на ливонском фронте, но не в 1570-м (как у Сытина), а в 1573 году. Похоронен он, по свидетельствам источников, на территории Иосифо-Волоцкого монастыря, а не в Москве. И сам царь, и семейство Скуратовых-Бельских делали большие вклады на помин его души именно в Иосифо-Волоцкую обитель. Там же, с большой долей вероятности, принял монашеский постриг брат Малюты Нездан, получивший во крещении имя Иван. Если где-то и существовал семейный склеп Скуратовых-Бельских, то, вернее всего, именно там.

В распоряжении науки нет никаких известий, доказывающих, что монаршего любимца перезахоронили — скажем, по просьбе родни.

Что ж, возможно, речь идет о каком-то родственнике Малюты, принявшем смерть за отечество. Как минимум двое Скуратовых, помимо самого Григория Лукьяновича, действительно приняли воинскую смерть. Это некие Федор и Владимир Скуратовы. Но первый из них погиб в 1578 году. Следовательно, речь может идти о втором. Владимир Скуратов, судя по тому, как расположено его имя в синодике кремлевского Архангельского собора, скорее всего, погиб в 1550-х или начале 1560-х. Однако точную дату установить по синодику невозможно. 1570-е годы — допустимы.

Таким образом, где-то близ Антипьевской церкви родовое гнездо Скуратовых действительно могло располагаться.

Но именно «могло», а не «мы точно знаем, что располагалось». В XVI веке жил некий Иван Скурат Хлопов, не имеющий к роду Малюты никакого отношения. А Дмитрий Федорович Скуратов, очень похоже, был его родней, а не отпрыском семейства Бельских…

Тайну сию открыла бы, наверное, могильная плита, упомянутая у П. В. Сытина. Однако автору этих строк не удалось отыскать ее в московских музеях.

Собрание древних надгробий в Музее истории Москвы изучил крупный специалист по некрополю допетровской Москвы С. Ю. Шокарев. Малютиного могильного памятника он там не обнаружил[216]. Мнение С. Ю. Шокарева, высказанное автору этих строк в порядке консультации, содержит изрядную долю скепсиса. В частности, он говорит: «Информацию о

захоронении Малюты Скуратова в церкви Похвалы Богородицы на Чертолье, о существовании там его “палат” и подземного хода под Москвой-рекой я встречал в разных не очень авторитетных сочинениях… Думаю, мы имеем дело с московской легендой. Созвучие слов “Чертолье” и “черт” создало за этой местностью славу своеобразного инфернального места, потому московское предание и поместило здесь место жительства Малюты». Что ж, это очень похоже на правду. От газетной сенсации до легенды, которую распространяют экскурсоводы и публицисты, совсем недалеко…

Вернемся к заметке из «Вечерней Москвы». В ней четко сказано: археологические находки, сделанные при строительстве Дворца Советов, «…будут переданы в Исторический музей». Коллекцией могильных плит Государственного исторического музея занимался блистательный специалист по эпиграфике В. Б. Гиршберг. Но в фундаментальном своде такого рода памятников, созданном трудами В. Б. Гиршберга, надпись на этой могильной плите отсутствует[217].

Не упоминается она и в научных публикациях, касающихся работы археологов на новостройках 1930-х годов. В ту пору «археологическая лихорадка» охватила строительные организации Москвы. Много рушила тогда советская власть на территории древней столицы, много строила нового. А значит, приходилось на протяжении многих лет копать, копать и копать, обнажая подземные потроха города. Как вспоминал через много лет знаменитый археолог А. В. Арциховский, в те годы «…на каждой шахте и дистанции, в каждом участке были “археологические корреспонденты” из рабочей среды, собиравшие находки и вызывавшие, когда надо, археологов. Показательно, что, например, при находках древних надписей рабочие не отпускали с места находки археолога до тех пор, пока он не прочитает надпись. Бежали за горячей водой, мыли плиту, а потом люди, отрабатывавшие свою смену, становились в кружок и ждали, пока будет прочитана надпись (ждать приходилось иногда очень долго, если попадалась сложная вязь). А затем охотно и дружно двигали эти тридцатипудовые плиты»[218]. Тут виден неподдельный энтузиазм, интерес рабочего человека к родной старине. Что ж худого? По большому счету, ничего. Однако подобная атмосфера создает ожидание сенсации, и порой сенсация выпархивает из ничего… Тот же Арциховский, перечисляя важнейшие находки, сделанные в годы первометростроевской эпопеи на землях Москвы, приводит примеры древних могильных плит[219]. Но отчего-то и среди них не упомянута та самая — скуратовская.

Возможно, этот каменный документ был утрачен. Еще вероятнее, он явился плодом журналистской ошибки.

Нетрудно представить себе забавную ситуацию: в газету позвонили со стройки и взволнованным голосом сообщили о «чрезвычайно интересных находках». Редакция, заинтересовавшись, выслала своего человека. Тот нашел среди метростроевцев археолога и потребовал рассказать о подземных сокровищах самым понятным языком, без ученой терминологии. Вполуха слушая усталого специалиста, которого долго «не отпускали рабочие», корреспондент запомнил его объяснения отрывочно, а потом истолковал их по-своему. Ученый формулировал академически осторожно: «Обнаружено захоронение, которое напоминает фамильный склеп. В более высоких слоях — следы кладбища, фрагменты надгробных плит, встречаются краткие надписи… Место это древнее, можно сказать, знаменитое. Не столь далеко отсюда в XVI веке стоял Опричный двор Ивана Грозного. Рядом с ним селились опричники, среди них, вероятно, и знаменитый царский любимец Малюта Скуратов, убитый на Ливонской войне в 1573 году». Казалось бы, ничего антинаучного не сказано и не сделано никаких фантастических допущений… Журналист ухватил «самое главное»: «Сенсация! Склеп самого Малюты Скуратова! Могильная плита любимого царского опричника!» На следующий

день археолог, усмехаясь, прочитал заметку в «Вечёрке». Вот чудеса! Он-то после двух часов каторжных усилий с трудом разобрал на осколке надгробия только два слова: «Убиен… Васильев» (такая плита действительно была найдена на Метрострое). И ему всего-навсего хотелось быть понятным… даже для писаки из газеты.

В правдоподобии такой версии автора этих строк убеждают с полдюжины интервью, в разное время взятых у него представителями прессы и «пересказанных» ими «в популярном стиле» с разной степенью потери смысла. В том числе и здравого…

Кроме того, никогда, ни при каких обстоятельствах не стали бы в подобных словах составлять текст, выбитый, по словам журналиста, на дворянском надгробии XVI века. «Здесь погребен Малюта Скуратов, 1573 г.»… Немыслимое дело! Прежде всего, указали бы дату в летосчислении от Сотворения мира, как это было принято четыре с половиной столетия назад, а не от Рождества Христова, как делают сейчас. И, конечно, вытесали бы не прозвище, а имя, полученное покойным при крещении. Концы тут явно не сходятся с концами. Между тем историкам известно великое множество надписей на могильных плитах XVI века — есть с чем сравнивать. Таких надписей — ни одной.

В сухом остатке: весьма сомнительно, что надгробие с именем «любимого опричника» вообще когда-либо существовало в Москве.

Но, может быть, новая волна археологических раскопок прольет когда-нибудь свет на московский период в судьбе Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского. Во всяком случае, точку в странной истории с «Малютиными палатами» ставить пока рано…

* * *

Малюта — печальный парадокс русской истории. Изо всей его жизни скудные свидетельства источников едва-едва высвечивают последние пять лет. В конце 1567 года Григорий Лукьянович всплывает на поверхность истории из мутных глубин анонимности. В самом начале 1573 года он гибнет. Известий о его судьбе — ничтожно мало. Добрую половину истории опричнины он не имел там особенного влияния. Лишь на протяжении последних трех лет ее существования Малюта играл видную роль. Тогда он и сделался «первым в курятнике» — на недолгий срок.

Но… именно его запомнили современники и потомки. Именно с его именем — помимо имени самого царя, разумеется, — поколение за поколением связывает опричнину. Именно он стал в массовой исторической памяти лицом опричного уклада. Не Басманов, не Вяземский и подавно не Безнин, а тот, кто дальше всех пошел в нравственном падении, тот, кто более всех прочих утратил образ Божий, содержащийся в душе каждого человека.

Историк В. Б. Кобрин приводит один показательный факт: «Через сотни лет после опричнины в разных концах страны записывали у неграмотных крестьян-сказителей “Песню о гневе Грозного царя на сына”. В последнем академическом издании “Исторические песни XIII–VI веков”… приведен 61 вариант этого произведения, и всюду главный палач — это Малюта. С радостью мастерового, стосковавшегося по любимому ремеслу, песенный Малюта принимает приказ казнить царского сына: “Ай же Грозный царь Иван Васильевич! А моя-то работушка ко мне пришла!”»[220]. В народном сознании прозвище «Малюта» и ремесло палача срослись нерасторжимо. Григорий Лукьянович не причастен к гибели царевича Ивана Ивановича. Но народ уверен: если там, наверху, случилось злодеяние, если государев сын осужден на злую смерть, то уж без Малюты такое дело обойтись не могло! И Малюта выведен не только заплечных дел мастером, но еще и клеветником, возжелавшим очернить царевича перед

отцом…

Наверное, можно в этом усмотреть высшую волю.

Ведь человеку надо было очень стараться, чтобы за столь незначительное время приобрести столь громкую славу великого душегуба. А если система позволила ему добыть эту славу, значит, совершенно правильно великий душегуб стал ее живым символом.

Народ наш умеет из всего извлекать самую суть.

«Худородные» VS Аристократы

В XVI веке на Руси происходила борьба между древними родовыми устоями, пронизывавшими всю жизнь общества, и государственным интересом, тяготевшим не к роду, а к службе. Начало служилое, намертво прикрепленное к монарху, его милостям и опалам, его высоким помыслам и ничтожным капризам, худо согласовывалось со старинным дружинным бытом, жившим в крови нашей знати. Государи московские желали править единодержавно, возвышаясь над обществом, подчиняясь одним лишь заповедям Христовой веры, но не каким-нибудь обязательствам законодательного или семейного свойства.

Жизнь Московской Руси, постепенно собиравшей из крошева малых княжеств и вечевых республик великое Царство, была пестра, сложна. Великий князь Московский подчинялся многим древним обычаям. Землей своею он владел вместе с родом, с семейством. Ближайшая родня его имела широкие права на полусамостоятельный политический быт в своих уделах, являвшихся отдельными частями громадной «семейной вотчины». Удельный мятеж мог свалить великого князя с престола или, во всяком случае, крепко испортить его планы… Очень медленно, очень трудно умирало представление о коллективном, «семейном» правлении землей. Чудо, что Московское княжество не развалилось на отдельные государственные образования! Бояре при дворе великого князя когда-то назывались «старшей дружиной» и могли покидать своего князя, если видели, что оставила «вождя воинов» удача, что утратил он искусство побеждать врагов. Осознав слабость правителя, дружинники принимались оглядываться в поисках нового вождя, отмеченного счастьем и высоким воинским умением. А когда переходили к нему, то ничуть не стеснялись долгом в отношении прежнего господаря. И боярские семейства XV–XVI веков отлично помнили древнее свое право: уйти в другую «дружину», если потребуется. Спорный вопрос заключался лишь в том, кому достанутся земли, с которых боярин служил предыдущему князю. Но если право на них отстоять не удастся, то… новый правитель пожалует что-либо взамен. Так мыслили потомки «старшей дружины» при дворе Дмитрия Донского, Василия Темного, Ивана Великого. Дружинное мировидение это перешло, хотя бы отчасти, и в эпоху Ивана Грозного.

Ну а князья, оказывавшиеся при дворе московских монархов, очень хорошо помнили: Русь — коллективное владение огромного, разветвившегося рода Рюрика. За исключением западных ее областей: там — «вотчина» огромного, разветвившегося рода Гедимина. И как потомки Рюрика или Гедимина все они имели древнее право на частицу этих владений. Малую ли, большую ли, но — принадлежащую именно по праву крови по праву рождения.

Многие княжеские роды, ко временам Ивана Грозного утратившие роль самостоятельных правителей, еще в XV веке правили в богатых уделах, а то и больших независимых княжествах. О XIV веке и говорить нечего — те же Шуйские, например, происходили от суздальско-нижегородских князей, создавших колоссальную державу и даже отбиравших время от времени у Москвы великое княжение Владимирское! Никто ничего не забыл. Предки водили в бой собственные армии, сами решали вопросы дипломатии, чеканили свою монету, издавали

новые законы для подвластных им земель…

А Ванька московский пришел и всё забрал!

О, как хорошо, кабы вернулась благословенная старина…

Но благословенная старина сменилась реальностью Московского государства. И монархи всея Руси крутенько обходились со своей родней. Власть над землей они с боем, с натугою, а всё же забрали у рода Калитичей и присвоили себе. В боярах больше не видели они вольных дружинников, но лишь служильцев своих. Противны были им вздохи «княжат» о прежней вольности. Зато на землях громадного Московского государства не лютовали татары, границы его оказались под надежной охраной от любых злых пришельцев, а кровавые междоусобия, раньше происходившие столь часто, ушли в прошлое.

Какую пришлось заплатить за это цену?

Вся древняя знать, сильные люди, по жилам которых бежала кровь государей и слуг их, великих воинов, оказалась в утеснении.

Какая доля ей оставалась?

Бороться за то, чтобы «право крови», «право рода» принесло ей иные блага. Ушло «семейное правление» землей? Ушла возможность быть самостоятельными державцами? Ушла возможность «дружинного перехода»? Так пусть же великий государь московский навеки закрепит право на большие чины и высокие должности у трона своего — тем, кто всё это потерял!

И государи московские какое-то время признавали: да, древняя аристократия на многое имеет привилегию. А не признали бы, так пришлось бы кроить и перешивать державу после страшных мятежей, которые, надо полагать, устрашающей волной прокатились бы по всей России.

Новый порядок медленно, очень медленно перемалывал старые обычаи. Порой он отступал — как в малолетство Ивана IV, — но впоследствии, так или иначе, восстанавливался. Удельная, дружинная старина уходила в прошлое.

У древних аристократических привилегий могло быть два маршрута.

Либо русской служилой знати удалось бы их упрочить, зафиксировать законодательно (и такие попытки предпринимались не раз), — тогда Россия превратилась бы во вторую Речь Посполитую и соседи разделили бы ее между собой, как поступили в XVIII веке с настоящей Речью Посполитой Россия, Пруссия и Австрия.

Либо они постепенно превратились бы в анахранизм, отмерли бы в течение нескольких поколений, лишь только память о временах удельной Руси стерлась бы в умах.

В конечном итоге реальностью станет второе. На протяжении XVII века, особенно после Великой смуты, наша знать, теряя виднейших своих представителей, понемногу сдавала позиции. Сильный удар нанесла ей отмена местничества, произошедшая при царе Федоре Алексеевиче.

Служба теснила род. Способности и заслуги неспешно одолевали «отечество». Процесс этот шел крайне медленно не только из-за бешеных амбиций аристократии. Нет. Дело еще и в том,

что сама русская аристократия XV–XVII столетий была плодородной почвой для руководителей отличного качества. Знатного человека с детства учили управлять людьми, воевать, рассчитывать тактические и стратегические последствия своих действий. Ему оставалось выучиться служить… но именно это умение давалось с большим трудом. Аристократ понимал, как приносить победы на ратном поле, знал, как вершить дела в многолюдных городах и обширных областях, освоил навык правильного суда, но… гордыня мешала ему склонять жесткую выю перед государем.

Между тем ниже аристократии плескалось море незнатных служильцев, жаждавших возвышения и готовых при всяком случае отдать земной поклон монарху, а если надо, то и встать перед ним на колени. Этих кровь возвысить не могла — только служба! Но долгое время они не могли соперничать с аристократией по «качеству» своему. Они ведь не располагали ни опытом, ни воспитанием «управляющего человека». Русская знать XVI века — «раса господ». Русское дворянство XVI века — стихия исполнителей. Не так уж много по-настоящему даровитых людей могло дать дворянство государю, когда он пожелал отыскать замену хотя бы части управленцев-аристократов.

Опричнина представляет собой попытку разрушить старинные права знати радикальным способом. Решить дело просто, быстро, зло. Наскоком, нахрапом. Чуть ли не революция происходила в той общественной сфере, которая требовала кропотливой и неспешной преобразовательной работы.

И… методы проведения этой полуреволюции-полуреформы подвели царя с его помощниками. Поставленные цели достигнуты не были.

Прежде всего, те слои русской знати, которые поддержали опричнину, стремились подправить существующий порядок, а не ломать его. Выходцы из этих групп — старинного московского боярства, второстепенной княжеской аристократии — оказались слишком самостоятельными, слишком своемыслящими инструментами для Ивана IV. Им совершенно не требовалось полное разрушение местнической системы. Их не мог радовать масштабный государственный террор. А неродовитое дворянство, готовое идти гораздо дальше по пути ломки древних устоев и полностью подчиняться велениям монарха, не располагало серьезными управленческими кадрами.

Что, в сущности, такое — Малюта, Василий Грязной, Григорий Ловчиков, Булат Арцыбашев и т. п.? Разве годились они на роли воевод, дипломатов, наместников для больших городов? Пытать, резать, вешать, грызть, головы сносить — пожалуйста. Сколько угодно! А вот когда им доверяли серьезное дело, как доверили, например, Василию Грязному разведку на Степном Юге, верные «исполнители» имели все шансы его провалить. Не из каких-то расчетов, просто — по отсутствию соответствующего воспитания, опыта и способностей. К несчастью, таких одаренных людей, как Безнин и Блудов, среди них нашлось раз, два и обчелся.

Опричнина отнюдь не уничтожила привилегий первостепенной княжеской аристократии. Не привела она к высотам власти и неродовитое дворянство. После ее отмены относительно немногие персоны задержались «в приближении» у государя. Главным образом — дельные люди «безнинского» типа. Но во второй половине 1580-х, при царе Федоре Ивановиче, последние из них оказались изгнаны с вершин большой политики. Ничего не осталось от опричнины.

Кроме, пожалуй, памяти.

И вот она-то оказалась большой ценностью.

Как будто высокий, могучий человек, не глядя, сунулся с улицы в маленькую дверь с низкой притолокой и крепко ударился головой. Потирая ушибленную макушку, он все же заходит в дом, но уже не торопясь и с оглядкой. Так и русская монархия: после опричного «эксперимента» она пошла по верному пути неторопливого выдавливания родовых начал из политического строя России. Опричнина очень хорошо показала: ни в коем случае не нужна новая опричнина. Малюта прочно вошел в народную память и остался там болью от ушибленного места, печальным опытом: не надо бы больше никаких малют…

Удельному, родовому, героическому, буйному прошлому на смену шло государственное, служилое, размеренно-созидательное будущее. В исторической перспективе маршрут Малюты окажется тупиковым, а маршрут Безнина — торной дорогой.

Москва, 2011

Основные даты жизни и деятельности Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского по прозвищу Малюта

Не позднее 1537 — рождение Г. Л. Скуратова-Бельского.

1550-е годы, первая половина — первое упоминание Г. Л. Скуратова-Бельского на царской службе. Он приписан к государеву двору как сын боярский, служащий «по Белой».

1565, январь — учреждение опричнины.

1567, сентябрь — ноябрь — участие Г. Л. Скуратова-Бельского в походе Ивана IV на литовско-ливонский театр военных действий. Его служебное назначение — сменный голова в государевом полку.

1568, первая половина — середина — разгром, учиненный Г. Л. Скуратовым-Бельским во владениях И. П. Федорова-Челяднина под Калугой.

1568, середина — 1569, вторая половина — приблизительные хронологические рамки существования Слободского ордена, где Г. Л. Скуратов-Бельский получил должность «пономаря». (Это самая широкая датировка, в реальности Слободской орден, вероятно, функционировал не столь долго.)

1569, октябрь — Г. Л. Скуратов-Бельский вместе с В. Г. Грязным перед уничтожением семейства Старицких предъявляет князю Владимиру Андреевичу Старицкому обвинения от имени царя Ивана IV.

23 декабря — умерщвление Г. Л. Скуратовым-Бельским инока Тверского Отроча монастыря Филиппа, бывшего митрополита Московского и всея Руси. 1569, декабрь — 1570, первые месяцы — активное участие Г. Л. Скуратова-Бельского в карательном походе Ивана IV на Северную Русь. Григорий Лукьянович лично задействован в массовых репрессиях.

1570, приблизительно в марте — ранение в живот, полученное Г. Л. Скуратовым-Бельским при избиении пленных татар в Твери.

Май — первое упоминание Г. JI. Скуратова-Бельского с чином думного дворянина. Григорий Лукьянович участвует в заседании земских и опричных «думных чинов» по вопросу о границах Полоцкого повета.

Лето — активное участие Г. Л. Скуратова-Бельского в казнях, происходивших в Москве.

21 июля — карательная операция против княжеского семейства Серебряных-Оболенских. Г. Л. Скуратов-Бельский собственноручно убивает полководца князя П. С. Серебряного.

25 июля — казни на Поганой луже в Москве. Г. Л. Скуратов-Бельский собственноручно пытает дьяка И. М. Висковатого и казначея Н. А. Фуникова.

Сентябрь — участие Г. Л. Скуратова-Бельского в походе Ивана IV на крымцев под Серпухов. Его служебное назначение — «дворянин в стану у государя».

1571, май — гибель опричной резиденции в Москве в результате пожара, устроенного крымцами хана Девлет-Гирея.

Лето — осень — исчезновение опричного боевого корпуса, начало разрушения системы опричного землевладения.

Осень — активное участие Г. Л. Скуратова-Бельского в расследовании дела Кудеяра Тишенкова и других «московских изменников».

28 октября — присутствие Г. Л. Скуратова-Бельского, его жены, зятя, дочери и племянника на почетных «службах» во время торжеств по случаю женитьбы Ивана IV на Марфе Собакиной.

1571, декабрь — 1572, первые месяцы — участие Г. Л. Скуратова-Бельского в переговорах с крымцами, шведами и литовцами.

1572, весна — участие Г. Л. Скуратова-Бельского в походе Ивана IV с войсками к Новгороду. Его служебное назначение — второй «дворовый» воевода.

Конец августа — 20 сентября — ликвидация последних остатков опричнины.

Осень — получение Г. Л. Скуратовым-Бельским поместья на Новгородчине.

Декабрь — участие Г. Л. Скуратова-Бельского в большом походе на Ливонию и осаде крепости Пайда (Вессенштайн). Его служба в этом воинском предприятии — «ездить за государем».

1573, 1 января — гибель Г. Л. Скуратова-Бельского при штурме крепости Пайда в Ливонии.

1579, 20 декабря — последний поминальный вклад Ивана IV «по Малюте».

[1] Публикатор «Дворовой тетради» А. А. Зимин определил время ее создания иной датой: между сентябрем 1550-го и осенью 1552 года (*Зимин А. А.* Предисловие / / Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 17). Но современный исследователь К. В. Баранов после пристального изучения памятника передатировал его. По его мнению, соответствующая редакция «Дворовой тетради» появилась в конце 1552-го — первые месяцы 1553 года. В книге используется именно эта датировка: *Баранов К. В.* Проблемы изучения Дворовой тетради / / Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 2006. С. 165.

[2] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов VI в. С. 194.

[3] Следуя, вероятно, за В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым, также допустившими эту ошибку.

[4] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 48, 111.

[5] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 202.

[6] *Кобрин В. Б.* Малюта Скуратов / / *Он же.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 157.

[7] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 435.

[8] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 377.

[9] Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 144.

[10] Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 151.

[11] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С.202.

[12] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 194.

[13] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 191.

[14] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 91.

[15] Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 149.

[16] Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика / / Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С.173.

[17] *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного / / Там же. С. 25–26.

[18] *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 166.

[19] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. М.; Л., 1980. С. 6.

[20] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С.204.

[21] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 403, 438.

[22] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 543–544, 549.

[23] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 10.

[24] Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 186, 209; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 191, 194.

[25] *Станиславский Л. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 209, 264.

[26] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и московитян. М., 1994. С. 77.

[27] Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 251.

[28] Продолжение Александро-Невской летописи / / Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 29. М., 1965. С. 344.

[29] Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. М., 2011. С. 263–265. 243

[30] Послания Ивана Грозного. Послание Василию Грязному / / Памятники литературы Древней Руси (далее: ПЛДР). Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 171.

[31] Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 210, 216, 223. М. А. Безнин записан в «Тысячную книгу» как сын боярский 3-й статьи по Можайску, а в «Дворовую тетрадь» — по Можайску же, как дворовый сын боярский. — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 76, 184.

[32] Лебедевская летопись / / ПСРЛ. Т. 29. С. 309; Продолжение Александро-Невской летописи. С. 316; Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года / / Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 131, 132.

[33] Корецкий В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова / / Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. М., 1977. Т. 38. С. 204–208; Он же. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 275–277; Володихин Д. М. Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (вопросы атрибуции) / / Вестник МГУ. М., 1995. Серия 8 (История). № 1. С. 60–61; Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1991. С. 19–22; Waugh Daniel Clarke. The Unpublished Moscovite Chronicles / / Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. XII. P. 17.

[34] Анхимюк Ю. В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах / / Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 157–158.

[35] Точность частных разрядных книг — на совести частных лиц, которые их вели. Исследователи не раз отмечали искажения в их составе.

[36] Анхимюк Ю. В. Указ. соч. С. 165–166.

[37] Лебедевская летопись. С. 310.

[38] Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 45; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 221.

[39] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 251, 307; Кобрин В. Б. Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист / / Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 54. Кобрин также считает, что около 1571 года М. А. Безнин был в дядьках у одного из царевичей, скорее всего, у Федора Ивановича.

[40] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 90, 95.

[41] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 98, 100.

[42] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 327–328.

[43] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 347, 358.

[44] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 360.

[45] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 368.

[46] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 429.

[47] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 443, 451.

[48] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 479.

[49] Гейденштейн Р. Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 48.

[50] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 75–76.

[51] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 155.

[52] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 168.

[53] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 210.

[54] «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / / Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава. Т. 2. С. 233, 238, 244.

[55] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного / / Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 52; Мордовина С. П., Станиславский Л. JI. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Семиона Бекбулатовича //Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 181. Кобрин ошибочно назвал другую дату пожалования Безнину чина думного дворянина: 1582 год (Кобрин В. Б. Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист. С. 153).

[56] Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 91.

[57] Кобрин В. Б. Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист. С. 154–155.

[58] Кобрин В. Б. Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист. С. 155; ВолодихинД. М. Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (вопросы атрибуции). С. 59–60.

[59] Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 204, 223, 225, 231, 260; Баранов К В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. С. 128, 131, 132.

[60] Разрядная книга 1559–1605 гг С. 54–56,65; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 51.

[61] Алферьев попал в команду бывших опричников, участвовавших в успешном штурме Пайды (январь 1573 года), а именно в атаке на «пролом». На закате карьеры, в июле 1585 года, он

должен был припомнить ремесло военного, получив назначение вторым воеводой Ладожского гарнизона, что было для Романа Васильевича к тому времени явным понижением, а не успехом (Разрядная книга 1559–1605 гг С. 90, 210–211).

[62] Историки называют несколько причин падения Р. В. Алферьева. Отчасти оно объясняется враждебным отношением со стороны могущественных Шуйских, отчасти же возвращением политического влияния высшей служилой знати, что само по себе перечеркивало высокий статус худородных креатур Ивана IV. Впрочем, опалу, возложенную на Алферьева, объясняют также тем, что он находился в родственной связи с Нагими, коих опасался невенчанный правитель России Борис Годунов. См.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 98; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 38.

[63] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 216, 248–250.

[64] Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 206.

[65] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 26–27.

[66] Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 172, 207, 209,217.

[67] Баранов К В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. С. 130.

[68] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 191.

[69] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч.2. С. 252.

[70] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 58, 59, 83; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 233, 250–251.

[71] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 135, 169, 183; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 178.

[72] В Полоцком походе зимы 1562/63 года М. Б. Блудов — всего лишь «дозорщик» (Баранов К В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. С. 131).

[73] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 73.

[74] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 251–252.

[75] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 92, 127.

[76] Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 211, 213. Кстати, такая же картина просматривается и в карьере князя Д. И. Хворостинина, о котором речь шла выше, с той лишь разницей, что уровень его притязаний в военной иерархии был выше, чем у Безнина с Алферьевым.

[77] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 191.

[78] Продолжение Александре-Невской летописи. С. 342.

[79] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 54–55, 59; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С.

237.

[80] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 64–65. Впрочем, одноразовое пребывание Ивана Дмитриевича на воеводском посту могло появиться в результате писцовой ошибки, а единственной его воинской службой в опричнине, помимо этого сомнительного воеводства, является пребывание в «стану у государя» во время осеннего похода 1567 года, прерванного до начала боевых действий (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 222; Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 136).

[81] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 77.

[82] Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 228; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного / / Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 68.

[83] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 226.

[84] Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 367.

[85] Лихачев Н. П. Думное дворянство / / Сборник Археологического института. СПб., 1898. Кн. 6.

[86] Есть сведения, согласно которым Малюта Скуратов был женат на сестре князя Аф. И. Вяземского и, следовательно, в ранний период опричнины мог получить от него родственную поддержку. Но сведения эти сомнительны.

[87] Пискаревский летописец / / ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190.

[88] Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 519.

[89] Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россиею иАнглиею: 1553–1593. СПб., 1875. С. 40.

[90] См.: Piwarski K. Niedoszla wyprawa t. zw. Radoszkowicka za Zygmunta Augusta na Moskwe (rok 1567—68) / / Ateneum Wilenskie, rok IV, zeszyt 13, 1927.

[91] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 48.

[92] Иностранные источники сообщают также, что заговорщиков выдали, помимо князя Владимира Андреевича, также главные столпы земщины — князья И. Ф. Мстиславский и И. Д. Бельский. Но Б. Н. Флоря, тщательно изучив, где и когда находились эти лица, отверг основательность данного сообщения (Флоря Б. Я. Иван Грозный. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»). С. 217–218).

[93] Флетчер Дж. О государстве русском / / Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 48–49. (Курсив мой.)

[94] Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года / / Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 214.

[95] Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года / / Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 214.; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 226.

[96] Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / / Русский исторический журнал. Кн. 8. 1922. С. 41–42.

[97] Шмидт С. О. Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. / / Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 351.

[98] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 22–23.

[99] Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 44–45.

[100] Володихин Д. М. Опричнина и «псы государевы». М., 2010. С. 200–222.

[101] Садиков П. А. Царь и опричник / / Века: Исторический сборник. Пг., 1924. Кн. 1. С. 40–43.

[102] Садиков П. А. Царь и опричник / / Века: Исторический сборник. Пг., 1924. Кн. 1. С. 47.

[103] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 326.

[104] Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л, 1950. С. 48, 149; Он же. Царь и опричник. С. 57–77.

[105] Садиков П. А. Царь и опричник. С. 72.

[106] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 35–36.

[107] Гваньини А. Описание Московии. М… 1997. С. 20. Возможно, эта деталь взята из записок польско-литовского хрониста Мачея Стрыйковского, участвовавшего в боевых действиях против русской армии, собиравшего материалы в прифронтовых областях и нередко пользовавшегося сведениями, полученными от очевидцев.

[108] Пискаревский летописец. С. 191.

[109] Памятники истории русского служилого сословия. С. 216–218.

[110] Тимофеев И. Временник. СПб., 2004. С. 23.

[111] Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 45–47.

[112] Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 300.

[113] Памятники истории русского служилого сословия. С. 218.

[114] Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 38–40.

[115] Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 367.

[116] Володихин Д. М. Опричнина и «псы государевы». С. 205.

[117] Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 301.

[118] Заграевский С. В. Вопросы датировки памятников Александровской слободы XVI в.; Реконструкция церкви Алексея митрополита / / Он же. Новые исследования памятников

архитектуры Александровской слободы. М., 2008. С. 5—38.

[119] Кавелъмахер В. В. Государев двор в Александровской слободе как памятник русской дворцовой архитектуры / / Он же. Древности Александровской слободы. М., 2008. С. 29.

[120] Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 45, 55.

[121] Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 30–31.

[122] Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 107–108.

[123] Альшиц Д. Н. Записки Генриха Штадена о Москве Ивана Грозного как исторический источник / / Он же. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб., 2009. С. 347–361.

[124] Прибавления. Окончание списка Оболенского / / ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. М., 2000. С. 115.

[125] Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка / / ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 2. М., 2000. С. 261.

[126] Симонов Р. А. Врач Ивана IV Арнольф: историографический миф и исторический факт / / Вопросы истории. 1998. № 5. С. 106–114.

[127] Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 96.

[128] Кобрин В. Б. Легенда и быль о новгородце Петре Волынском / / Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 161–164; Он же. Еще раз о Петре Волынце (Волынском) / / Там же. С. 165–166; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 367.

[129] Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. С. 95.

[130] Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 235.

[131] Страна и правление московитов / / Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 45. (Курсив мой.)

[132] Корецкий В. И. К истории неофициального летописания времени опричнины / / Он же. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 14–33. Это мнение В. И. Корецкого, основанное главным образом на кратких летописных заметках, подверглось впоследствии критике, однако полностью опровергнуто не было. См., напр.: Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 23–24.

[133] Пискаревский летописец. С. 190. (Курсив мой.) Это известие в разное время датировали то 1566 годом, то 1568-м (первый вариант более распространен). Слова о «ненависти» относятся к периоду до начала массового террора.

[134] См.: Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 342–346.

[135] Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 384–385.

[136] Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 440.

[137] Пискаревский летописец. С. 191.

[138] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 45–48.

[139] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 480–481.

[140] Памятники истории русского служилого сословия. С. 222; Альшиц Д. Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина / / Он же. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб., 2009. С. 363–364, 373.

[141] Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России в первой половине XVII века. М., 1996. С. 76, 82.

[142] Памятники истории русского служилого сословия. С. 219.

[143] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 48.

[144] Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 51.

[145] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 49.

[146] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 49.

[147] Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 400–401.

[148] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 44.

[149] Курбский А. История о великом князе Московском / / ПЛДР Вторая половина XVI века. С. 330.

[150] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 62.

[151] Вот известие Псковской летописи об этом печальном событии под 7075 (1566/1567) годом: «Того же лета поставиша два городка в Полотчине, Сокол и Улу, а третей почаша делать на озере именем Копье. И которыя люди московскиа присланы на блюдение делавцов, князь Петр Серебряных да князь Василей Дмитреевич Палицкого, и литовскиа люди пригнав изгоном, на зори, да многих прибили, и князя Василия Палицких убили, а князь Петр Серебряных убегл в Полоцко» (Псковская 3-я летопись/ / ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 2. С. 249).

[152] Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 316.

[153] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1.С. 257.

[154] Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 32, 33.

[155] Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 55.

[156] Памятники истории русского служилого сословия. С. 221–223.

[157] Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. С. 205.

[158] Князь Александр Иванович Вяземский-Глухой осенью 1553 года был поставлен воеводой в Шацк, в апреле 1554 года князь возглавил отряд «вятчан» в походе на Астрахань, в 7070 (1561/1562) году он сидел вторым воеводой в Торопце, несколько месяцев спустя возглавил передовой полк в походе из Великих Лук «на литовскую землю», затем воеводствовал в Старо дубе «за городом» (Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. С. 165, 166, 231, 232, 240). В. Б. Кобрин указал на тот факт, что «…в грамотах короля Сигизмунда он упоминается в 1551 и 1559 гг. как черниговский наместник» (Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного / / Археографический ежегодник за 1959 год. С. 33).

[159] Лебедевская летопись. С. 229.

[160] Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. С. 131, 133, 136, 140–143.

[161] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 242. До этого, в 1567–1569 годах, он трижды возглавлял отдельные полки во время боевых выходов опричного корпуса на юг, в направлении Калуги и Тулы (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 221; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 57).

[162] Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 227. Обращает на себя внимание колоссальный размер вклада.

[163] Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 404.

[164] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 267.

[165] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 278.

[166] Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 28.

[167] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 285–286.

[168] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 288.

[169] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 290.

[170] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного / / Археографический ежегодник за 1959 год. С. 23–24. 2

[171] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 67–68.

[172] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 305.

[173] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 81.

[174] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 666.

[175] «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. С. 270.

[176] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 216.

[177] Кобрин В. Б. Малюта Скуратов. С. 159.

[178] «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. С. 274. Более доступная публикация: Новодворский В. В. Ливонский поход Ивана Грозного. 1570–1582. М., 2010. Приложение. С. 334. Авторское название книги — «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой» — произвольно изменено издателем в чаянии каких-то невнятных коммерческих выгод.

[179] Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 435.

[180] Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. С. 106–112.

[181] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 23.

[182] Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 460.

[183] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 303–304, 322.

[184] Третье послание Курбского Ивану Грозному / / ПЛДР. Вторая половина XVI века. С. 102.

[185] Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 44.

[186] Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 82.

[187] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 6. Имя указано во вкладе Вериги Третьяковича Скуратова-Бельского по «сестре» и ее супругу от 15 июля 1573 года.

[188] См.: Казанский П. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847.

[189] ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. Прибавления. Окончание списка Оболенского. С. 125.

[190] Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей / / Масса И., Петрей П. О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 31, 40.

[191] Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 90.

[192] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 324.

[193] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 324–325; Руссов Б. Ливонская хроника / / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 215–218; Азбелев С. Н. Неизданные летописи Новгорода о событиях Ливонской войны / / Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 335.

[194] Пискаревский летописец. С. 192.

[195] Псковская 3-я летопись. С. 261.

[196] Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 203.

[197] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного / / Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 25, 260.

[198] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 1.

[199] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 3, 10, 19.

[200] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 100, 102.

[201] Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года / / Исторический архив. М.; Л., 1949. Вып. 4. С. 20.

[202] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 88.

[203] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 104.

[204] Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х гг. С. 136, 148.

[205] Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. С. 20–24.

[206] Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. С. 24.

[207] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 362.

[208] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 402–404.

[209] Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного / / Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. С. 25, 260.

[210] www.pravoslavie.m/jumal/319.htm

[211] Сытин П. В. Из истории московских улиц (очерки). 3-е изд. М., 1958. С. 183.

[212] Продолжение Александро-Невской летописи. С. 344–345. (Курсив везде мой.).

[213] Пискаревский летописец. С. 192.

[214] Забелин И. Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича / / Он же. История города Москвы. Неизданные труды. М., 2004. С. 345–354. В «Костровском летописце», опубликованном М. Н. Тихомировым, сообщается также, что Опричный дворец строился на месте двора князя М. Т. Черкасского (Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в.//Исторические записки. М., 1940. Т. 10.С. 89). Вовремя строительства первой линии

Московского метрополитена на улице Моховой «...во владении № 7... оказался слой белого песка, лежавший на материке; с этим можно сопоставить, — пишет археолог И. М. Тарабрин, — указание Штадена при описании Опричного двора царя Ивана Грозного» (Тарабрин И. М. Застройка по трассе метро от улицы Горького до улицы Фрунзе с XV по XX в. / / По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Jl. М. Кагановича. Л., 1936. С. 38). 7-е владение расположено чуть западнее старого здания университета, близ Кутафьей башни.

[215] Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 66–69.

[216] Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 89; Корецкий В. И. К истории неофициального летописания времени опричнины / / Он же. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 14–21.

[217] Шокарев С. Ю. Некрополь XVI–XVII веков в избранных надписях. Плиты из коллекции Музея истории г. Москвы / / Русское средневековое надгробие XIII–XVII веков: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Л. А. Беляев. С. 124–129.

[218] Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1–2 / / Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. 1; Нумизматика и эпиграфика. М., 1962. Вып. 3.

[219] Арциховский А. В. Археологические работы в Москве / / Преподавание истории в школе. 1946. № 1. С. 31.

[220] Арциховский А. В. Надписи, найденные на Метрострое / / По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича. С. 160–165; Он же. Археологические работы в Москве. С. 37.

[221] Кобрин В. Б. Малюта Скуратов. С. 156.

Комментарии

{1} Отнюдь не волшебные — «сказками» называли в ту пору отчеты, подаваемые низшими инстанциями в высшие и составленные по словам «действующих лиц.

{2} Воинский голова, стрелецкий голова — армейские чины XVI–VII веков стоящие ниже воевод.

{3} Рында — царский оруженосец и телохранитель. Поддатня — помощник рынды

{4} 1 ярд — чуть более 0,9 метра

{5} Перечисляя «сорта» княжеской аристократии, автор этих строк приводит примеры действительное количество родов относящихся к каждому «сорту», — десятки

{6} Речь идет о выкупе из плена у крымцев

{7} Богдан (Андрей) Яковлевич Бельский возвысился уже после опричнины хотя, как будет показано ниже, первые шаги на этом пути он проделал в опричные годы.

{8} Документов отчетного содержания. В слове «отписка тогда не находили ничего смешного и

отрицательного. Просто один из типов официальной документации.

{9} Так называли тогда официально зафиксированное решение по какому-либо завершенному «делу».

{10} Имеется в виду шведское войско.

{11} Поход начался в ноябре 1583 года.

{12} Вот описание безнинской реформы В.Б. Кобриным: «По его приказу зажиточным крестьянам были розданы в займы деньги для приобретения скота. Для взявших деньги был установлен повышенный оброк такой что уже на будущий год монастырь возвращал себе почти все деньги, через год получал 100, а впоследствии — ежегодно по 600 руб. чистой прибыли. Недаром крестьяне отнеслись к ссуде без особого восторга; многие отказались ее брать. Даже некоторые “старцы возражали” против принудительного кредитования, боясь что крестьяне разбегутся. Однако это не остановило предприимчивого монаха. По его приказу крестьянина не захотевшего взять ссуду… следовало “ прислати в монастырь сковав, к старцу Мисаилу”. Такого крестьянина Мисаил обещал обучить “как ему жити стое подмоги”, и… “допытатца” кто подучил крестьянина отказаться от ссуды.

{13} *По европейским понятиям, своего рода канцлера.*

{14} На этот вопрос наталкивает изменническая сдача Изборска в 1569 году. Иначе говоря, отнюдь не воображаемое, а самое настоящее предательство.

{15} Впервые террористические акции подобного масштаба производились именно в связи с «делом Федорова» в 1568 году, затем — в 1570-м.

{16} Тут у Шлихтинга неточность: по всей видимости, большинство случаев репрессивного разгрома во владениях Федорова относится ко времени до расправы с ним лично.

{17} Имеется в виду на двоюродного брата.

{18} Ям — станция «ямской гоньбы», то есть почтовой связи, осуществлявшейся посредством гонцов.

{19} В ряде случаев видно иное чтение: «на Богану».

{20} Речь идет о марионеточном правителе, вассале Ивана IV — «короле ливонском» Магнусе.

{21} Тут у Ивана Тимофеева неточность: сын пережил отца и погиб четырьмя годами позднее.

{22} Ошибка Таубе и Крузе: сын у Владимира Андреевича был только один.

{23} Рассказ «Пискаревского летописца» о детях князя Старицкого точнее, нежели рассказ Таубе и Крузе.

{24} «Опричнина стала вруках царя орудием которым он просеивал всю русскую жизнь весь ее порядок и уклад отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга… Даже внешний вид Александровской слободы ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее

обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители — палаты, кельи великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знамением Честнаго и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный. Проворный народный ум изобрел и достойный символ ревностного служения опричников...» (имеются в виду метлы и собачьи головы) — из книги владыки Иоанна «Самодержавие духа».

{25} Раньше, в 1565 году, эту работу выполняла особая «комиссия в составе А. Басманова-Плещеева, П. Зайцева и А. Вяземского. Позднее можно полагать, эти функции перешли к Малюте

{26} Штаден имеет в виду Волоколамский кремль, который отряды вторжения по его мнению, должны будут захватить прежде монастыря

{27} Явное преувеличение

{28} При составлении этого документа царь использовал по всей видимости более ранние наброски завещания относящиеся к доопричной эпохе

{29} Опричники

{30} Об этом см. ниже, в главе “Кадровый поворот” в опричнине».

{31} Ныне — Красная площадь

{32} "Гостями" именовали богатейших купцов

{33} Вероятно, имеются в виду опричники их отличительным знаком являлись собачьи головы, закрепленные на конской упряжи.

{34} Видимо, имеется в виду Булат Дмитриевич Арцыбашев

{35} По всей видимости это дьяк Мясоед Вислый или князь Александр Ярославов-Оболенский.

{36} До того Польское королевство и Великое княжество Литовское существовали в унии, предполагавшей более значительную степень независимости литовцев.

{37} Годы свадеб не известны. Существует версия, согласно которой дочери Малюты (хотя бы некоторые из них), оставшись сиротами после гибели отца в 1573 году, были выданы замуж самим царем, который решил позаботиться о семье верного подручника.

{38} Когда книга уже была сдана в издательство, историк Игорь Иванов любезно указал автору на свидетельство церковного историка позапрошлого века П. С. Казанского о женитьбе стольника Никиты Ивановича Головина (из младшей линии древнего боярского рода Ховриных-Головиных) на еще одной дочери Малюты Скуратова Зиновии[221]. К сожалению, эта информация не была проверена за недостатком времени. Она вызывает некоторые сомнения, и автор не может рекомендовать ее как твердо установленный факт.

{39} Двоюродном.

{40} В 1560 году Пайду осаждал большой корпус князя И. Ф. Мстиславского; была разрушена часть стены но крепость

взять не удалось гарнизон продолжал оказывать упорное сопротивление

{41} Брат Богдана Бельского по прозвищу Невежа.

{42} В приходных книгах Иосифо-Волоцкого монастыря часто встречаются вклады представителей разветвленного семейства Скуратовых-Бельских по ближайшей родне, пожертвования на молебны и панихиды. Кроме того, как минимум трое Бельских приняли здесь монашеские обеты: некий «старец Васьян Бельский», старец Илья Бельский — брат Малюты (скорее всего носивший в миру прозвище Неждан) и Григорий Ильич Скуратов-Бельский (постригся в июне 1581 года).

{43} Вот это как раз — чистая фантазия.

{44} Весьма возможно наличие особых «Малютиных палат» в Александровской слободе. Обладание домом в Москве, близ Опричного двора государева, никак не противоречит существованию другого дома в Александровской слободе рядом со второй опричной резиденцией Ивана IV. Но это так же разумеется, не более чем гипотезы. Ни каких реальных построек, твердо связанных с именем Малюты, не дошло до наших дней ни в Москве, ни в Александрове.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch